ПРИЛОЖЕНІЕ

къ газетѣ

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

ГОДЪ X.

на 1895 годъ.

СИБИРСКІЙ СБОРНИКЪ.

ВЫПУСКЪ III.

Подъ редакціею И. И. ПОПОВА.

Содержаніе:

I. Рабочіе на золотыхъ промыслахъ Амурской и Приморской областей. **В. Семевскаго** 1

II. Иностранная торговля и денежное обращеніе въ Китаѣ. **И. К—вца.** 54

III. Автобіографія Н. М. Ядринцева 64

IV. Деревенская драма. К. 79

V. Объявленія 95

ИРКУТСКЪ.

Типографія К. І. Витковской, Харлампіевск. ул. д. № 1.

1895.

СРОЬНКР
СЛЕПЬСКИЙ

РАБОЧІЕ НА ЗОЛОТЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ АМУРСКОЙ и ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ.

I.

Историческія свѣдѣнія о золотопромышленности въ Амурской и Приморской областяхъ.—Число рабочихъ.—Мѣсто найма.—Предложеніе рабочихъ рукъ превышаетъ теперь спросъ на нихъ.—Задатки.—Путешествіе рабочихъ на пріиски.

Присутствіе золота въ Амурской области въ долинѣ р. Зеи открыто было еще въ концѣ сороковыхъ годовъ; изслѣдованія по порученію гр. Муравьева-Амурскаго продолжались здѣсь и въ 50-хъ гг., но частная золотопромышленность разрѣшена была позднѣе. Опасаясь, что открытіе частныхъ золотыхъ промысловъ и связанная съ этимъ закупка значительнаго количества хлѣба для рабочихъ могутъ вызвать затрудненія въ продовольствіи войскъ и переселяемыхъ на Амуръ казаковъ, ген.-губернаторъ Восточной Сибири гр. Муравьевъ вошелъ въ 1858 г. въ Сибирскій Комитетъ съ представленіемъ, чтобы дозволеніе частной золотопромышленности на Амурѣ было пріостановлено до 1862 г. Мнѣніе его было уважено, а затѣмъ онъ исходатайствовалъ по тѣмъ-же причинамъ дальнѣйшую пріостановку разрѣшенія частнаго золотого промысла до 1865 г., кромѣ прибрежныхъ мѣстъ Восточнаго Океана по правую и лѣвую сторону Амурскаго лимана, гдѣ золотопромышленность была дозволена еще въ 1861 г. Въ 1865 г. частный золотой промыселъ былъ разрѣшенъ и въ Амурской, и Приморской областяхъ, за исключеніемъ участка, пограниченнаго къ Нерчинскому округу; дозволено было также нанимать на эти промысла рабочихъ китайцевъ.

Въ 1866 г. горный инженеръ Аносовъ открылъ богатѣйшія золотоносныя розсыпи между Амуромъ и Зеей на р. Джалиндѣ; для ихъ

эксплуатаціи составилась, такъ называемая, Верхне-Амурская компанія, главнымъ участникомъ которой былъ Д. Бенардаки *).

Въ Приморской области въ системѣ р. Амгуни (притока Амура) первые пріиски были отведены въ 1869 г. купцу Тетюкову, который вскорѣ и началъ ихъ разрабатывать. Затѣмъ въ половинѣ 70-хъ годовъ была открыта группа пріисковъ въ системѣ р. Селимджи, притока Зеи, для разработки которыхъ составилась Средне-Амурская К°, но надежды владѣльцевъ не оправдались, и значительныя затраты не дали благопріятныхъ результатовъ. Однако позднѣе, съ начала 90-хъ годовъ, по рѣчкѣ Бомъ системы Селимджи начинается весьма успѣшная добыча золота **). Въ 1876 г. началась разработка по притокамъ рѣкъ Гилюя и Брянты, текущихъ въ Зею (притокъ Амура); это одна изъ богатѣйшихъ золотопромышленныхъ системъ. Пріиски этой группы принадлежатъ Верхне-Амурской и Зейской компаніямъ. Около этого-же времени открыты и пріиски, расположенные въ системѣ Нимана, притока Буреи, впадающей въ Амуръ.

«Въ настоящее время», говоритъ г. Бацевичъ, Амурскій край представляетъ мѣстность съ громаднымъ преобладаніемъ крупныхъ золотопромышленныхъ предпріятій. До сихъ поръ по крайней мѣрѣ около 90% добываемаго золота приходилось на долю пріисковъ, принадлежащихъ тремъ главнымъ компаніямъ Верхне-Амурской, Зейской и Ниманской и только 10% извлекали мелкія золотопромышленныя компаніи и арендаторы. Въ 1891 г., напримѣръ, изъ 57 пріисковъ, дѣйствовавшихъ въ Амурской и Приморской областяхъ на 22-хъ, принадлежащихъ тремъ помянутымъ крупнымъ компаніямъ, было добыто 380 п. золота изъ 444 пудовъ. Въ 1890 г. это отношеніе для трехъ компаній было еще болѣе благопріятно... Болѣе мелкія золотопромышленныя компаніи — это явленіе новое на Амурѣ» ***). Мелкая золотопромышленность на Амурѣ начала развиваться въ 1884 г., и теперь она съ каждымъ годомъ все увеличивается, благодаря мелкой золотопромышленности развился здѣсь и золотничный способъ разработки площадей ****).

---

*) Съ начала постановки работъ до 1890 г. Джалинда дала болѣе 2500 пудовъ золота.

**) Въ Приморской области золотоносныя розсыпи открыты между прочимъ на островѣ Аскольдѣ (близъ Владивостока), гдѣ золотоносный пластъ составляетъ морское дно, откуда и добываются золотосодержащіе пески.

***) *Бацевичъ.* Матеріалы для изученія Амурскаго края въ геологическомъ и горнопромышленномъ отношеніи. С.-Пб., 1884 г., стр. 142.

*) Въ 1885 г. изъ 25 пріисковъ Амурской области было добыто: менѣе пуда золота на 1 пріискѣ, отъ 1 до 2 п. на 4 пріискахъ, отъ 2 до 10 п.—на 11 пріискахъ, отъ 10 до 20 п. на 2 пріискахъ, отъ 20 до 40 п. на 6 пріискахъ, болѣе 40 п. на 1 пріискѣ.

154

Число рабочихъ на промыслахъ Амурской области въ 70-хъ годахъ было minimum 1606 чел., maximum 3006 ч., а въ среднемъ за все десятилѣтіе равнялось 2153 ч.; въ Приморской области рабочихъ было въ 1872, 75—77 и 79 гг. minimum 116, maximum 482. Въ первой половинѣ 80-хъ годовъ число рабочихъ въ Амурской области все увеличивалось и съ 3682 (въ 1880 г.) постепенно дошло до 5861 ч. (въ 1884 г.), въ среднемъ-же равнялось 4293 ч. Въ Приморской области въ тѣ-же годы число рабочихъ колебалось между 276 и 612 ч. Въ 1885—88 гг. въ Амурской и Приморской областяхъ вмѣстѣ число рабочихъ было min. 4712, max. 6134, а въ среднемъ 5404. Затѣмъ въ одной Амурской области число рабочихъ равнялось въ 1889 г. 5036, въ 1890 г. 4683, въ 1891 г.—6540, въ 1892 г.—6296 (въ среднемъ за эти 4 года 5839), а въ Приморской области въ 1893 г. 699 ч.; такимъ образомъ число рабочихъ здѣсь все увеличивалось.

Относительно найма рабочихъ на пріиски Амурской области въ отчетѣ о золотопромышленности Восточной Сибири за 1880 г. сказано: «для промысловъ Верхне-Амурской и Зейской КК° и товарищества бр Бутиныхъ рабочіе нанимаются въ Иркутской губерніи и Забайкальской области и частью Амурской... Ниманская К° нанимаетъ рабочихъ исключительно въ Благовѣщенскѣ изъ числа такихъ, которые остаются въ городѣ съ цѣлью вновь наняться на промысла *). Изъ жителей Амурской области, въ виду ея малой населенности, золотопромышленникамъ было воспрещено нанимать рабочихъ на промысла. Противъ допущенія мѣстнаго земледѣльческаго и рабочаго населенія на пріиски высказался второй Хабаровскій съѣздъ въ 1886 г. Запрещеніе это существуетъ и въ настоящее время: въ интересахъ развитія сельскаго хозяйства въ краѣ воспрещается золотопромышленникамъ нанимать на пріиски крестьянъ Амурской и Приморской областей. Ниманская К° обыкновенно нанимаетъ рабочихъ преимущественно въ Благовѣщенскѣ,—но въ первой половинѣ 80-хъ гг. наемъ производился и въ Забайкальѣ изъ такъ называемыхъ «семейскихъ» (раскольниковъ). Въ 1884 г. эта компанія сдѣлала попытку нанять рабочихъ въ Западной Сибири. Результаты этого опыта были весьма плачевные. Нанятые

*) Въ 1893 г. рабочіе Верхне-Амурской К° нанимались въ Верхнеудинскомъ и Нерчинскомъ округахъ Забайкальской области, а также на Зейской пристани и на самыхъ пріискахъ. На пріиски Зейской К° рабочіе нанимались въ Благовѣщенскѣ, на Лунгинскомъ складѣ по р. Зеѣ и на промыслахъ.

въ Томскѣ рабочіе оказались, по словамъ мѣстнаго окружнаго ревизора Оранскаго, «совершенно неспособными къ тяжелымъ пріисковымъ работамъ и при посѣщеніи имъ пріисковъ наполняли больницы, которыхъ было даже недостаточно. Отъ наемки въ Забайкальѣ «семейскихъ», весьма сильныхъ и рослыхъ людей, отказалась въ 1884 г. и Зейская К°.

Неудачный опытъ наемки рабочихъ въ Томскѣ заставилъ Ниманскую К° вновь возвратиться къ найму въ Забайкальѣ и на Амурѣ (не изъ жителей Амурской области). Въ 1889 г. наемка рабочихъ Ниманской и Зейской КК° была произведена въ Благовѣщенскѣ. По оффиціальному свидѣтельству (1886 г.), «крестьянское и казачье населеніе Амурской области на пріисковыя работы не ходитъ *); большею частью рабочіе (въ этомъ году) были нанимаемы въ Забайкальѣ и другихъ мѣстахъ Сибири, незначительное количество—изъ внутреннихъ губерній Россіи и частью изъ ссыльно-поселенцевъ» **). Впрочемъ, на амурскіе промысла приходятъ рабочіе и изъ Европейской Россіи. Въ 1891 г. вмѣстѣ со мною ѣхало 50 человѣкъ изъ Нижегородской губ. на пароходѣ отъ Тюмени до Томска; ихъ велъ на пріиски Зейской К° одинъ, уже побывавшій тамъ, рабочій. Въ 1892 г. на промыслахъ Ниманской К° 29% рабочихъ были изъ Европейской Россіи—изъ губерній Нижегородской, Симбирской, Пермской и Вятской. На Амгунской системѣ въ 1893 г. рабочіе были преимущественно изъ Западной Сибири, а также губерній Нижегородской, Самарской, Саратовской и другихъ. Они нанимались на пріиски по большей части въ Благовѣщенскѣ, а частью въ Николаевскѣ.

Въ началѣ золотопромышленности на Амурѣ чувствовался недостатокъ въ рабочихъ. По свидѣтельству г. Дейхмана (1871 г.) «трудность найма рабочихъ на мѣстѣ и необходимость пріобрѣтать ихъ изъ за Байкала задерживаютъ развитіе поисковъ». Г. Оранскій говоритъ: «до 1884 г. амурскіе золотопромышленники встрѣчали не мало затрудненій въ пріисканіи рабочихъ рукъ, которыхъ на Амурѣ было вообще весьма недостаточно. Приходилось нанимать людей въ отдаленныхъ отъ Амура губерніяхъ Восточной и Западной Сибири,—Енисейской, Томской, Тобольской». Послѣ разгрома китайской Желтуги (въ 1884 г.) значительная часть собравшихся тамъ рабочихъ «разсѣялись по всей Амурской области, надѣясь устроиться на пріискахъ», а такъ какъ на зо-

*) Это не мѣшаетъ ему, впрочемъ, заниматься доставкою на промысла товаровъ и хлѣба.

**) Ссыльно-поселенцы составляли въ 80-хъ годахъ на промыслахъ Амурской области отъ 3 до 7% всѣхъ рабочихъ.

155

лотые пріиски нельзя было нанять всѣхъ нахлынувшихъ рабочихъ, то «значительная часть ихъ осталась безъ всякихъ занятій и всякихъ средствъ къ существованію». «Въ послѣднее время», свидѣтельствуетъ г. Оранскій въ томъ-же отчетѣ за 1889 г., «предложеніе рабочихъ рукъ на Амурѣ далеко превышаетъ спросъ на нихъ». На избытокъ рабочихъ рукъ на промыслахъ Амурской области указывали и на третьемъ Хабаровскомъ съѣздѣ въ 1893 г. Г. Бацевичъ также говоритъ, что еще лѣтъ 10 тому назадъ спросъ на рабочихъ для золотыхъ пріисковъ въ Амурской и Приморской областяхъ сильно превышалъ предложеніе, и потому золотопромышленники «должны были посылать своихъ агентовъ для найма рабочихъ въ Забайкалье и даже Западную Сибирь»; въ то время «очень часто нанимались люди завѣдомо сомнительной нравственности», а иногда даже «бѣглые и безпаспортные... Разсказы о высокой заработной платѣ на Амурѣ разнеслись далеко на западъ и распространились даже за Уралъ», такъ что «теперь на амурскихъ пріискахъ самое обычное явленіе встрѣтить рабочаго изъ Нижегородской губерніи. Лѣтъ пять тому назадъ отношеніе между спросомъ и предложеніемъ стало на Амурѣ измѣняться не въ пользу рабочихъ и достигло въ настоящее время того, что только Верхне-Амурская К° по традиціи еще посылаетъ агентовъ въ Забайкалье для найма рабочихъ, Зейская К° производитъ эту операцію въ Благовѣщенскѣ, этомъ центрѣ торговопромышленной дѣятельности въ Амурской области, а на пріиски Ниманской К° рабочіе сами идутъ, привлекаемые туда крупнозернистымъ золотомъ... На всѣ промысла этой компаніи требуется приблизительно 800 чел., а приходитъ наниматься разновременно 1500, слѣдовательно половинѣ пришедшихъ отказываютъ въ работѣ».

Недостатокъ рабочихъ въ прежнее время и изобиліе ихъ теперь вызвали постепенное уменьшеніе задатковъ. При наймѣ рабочихъ въ 1871 г. въ Маріинскомъ округѣ Томской губ. на пріиски Верхне-Амурской К° они получили при подписаніи контракта задатки отъ 50 до 90 р. (возможно, что на пути имъ сдѣланы были еще добавочныя выдачи). Въ 1875 г. въ Нерчинско-заводскомъ округѣ при наймѣ на промысла Верхне-Амурской К° выдавались задатки отъ 80 до 130 руб. По словамъ г. Бацевича, еще лѣтъ 10 тому назадъ при наймѣ рабочихъ на лѣтнюю операцію задатки въ 150—200 р. на человѣка были явленіемъ обыкновеннымъ. Послѣ разгрома Желтуги (1884 г.) размѣръ задатковъ сталъ быстро падать. Осенью 1886 г. въ Благовѣщенскѣ ока-

залось «рабочаго люда гораздо больше, чѣмъ спроса на него», и потому Ниманская К° давала рабочимъ въ задатокъ всего 25—30 руб. Мѣстный окружный инженеръ Оранскій въ отчетѣ за 1889 г. указывалъ, какъ на причину увеличенія наплыва рабочихъ на амурскіе промысла, кромѣ разгрома Желтуги, на «уменьшеніе производительности пріисковъ Забайкалья, освободившее не мало рабочихъ рукъ, также ищущихъ и не находящихъ заработка на Амурѣ». Прежде, по словамъ г. Оранскаго, рабочаго можно было нанять не иначе, какъ съ задаткомъ въ 50—100 руб., «*нынѣ-же обычай давать задатокъ выходитъ изъ употребленія, и безъ него можно нанять сколько угодно рабочихъ*. Но этого мало. Бываютъ случаи, что рабочіе сами являются на пріиски и просятъ работы за одно только содержаніе *безъ всякой платы...*, къ чему ихъ вынуждаетъ перспектива—умереть голодною смертью». Въ своемъ отчетѣ за 1893 г. Оранскій говоритъ: «При наймѣ рабочихъ недостатка въ нихъ не было; наоборотъ, предложеніе рабочихъ рукъ далеко превышало спросъ на нихъ. Обычай выдавать задатки, безъ чего прежде нельзя было нанять рабочаго, въ настоящее время уже почти не практикуется. Только 2—3 компаніи выдавали въ задатокъ 20—50 р., громадное-же большинство пріисковыхъ рабочихъ охотно нанималось безъ задатковъ, лишь-бы только поступить на пріискъ».

Въ 1876 г. дозволено было нанимать рабочихъ на пріиски Амурской и Приморской областей срокомъ не на одинъ, а на 2 года. Въ контрактѣ Верхне-Амурской К° 1871 г. рабочіе наняты были на 1 годъ, но и въ контрактѣ той-же компаніи 1883 г. срокъ найма также годовой. Ниманская К° наняла рабочихъ въ ноябрѣ 1883 г. срокомъ по 1-е марта 1885 г., т. е. на 16 мѣсяцевъ, но время явки въ контрактѣ не обозначено и сказано только, что рабочіе должны явиться на сборный пунктъ къ назначенному времени, а такъ какъ зимнихъ работъ на амурскихъ промыслахъ бываетъ мало, то и тутъ, вѣроятно, рабочіе провели на промыслахъ не болѣе года. Рабочіе весьма нерѣдко, вновь нанимаясь на промысла, проводятъ на нихъ по нѣсколько лѣтъ, но тѣмъ не менѣе весьма важно, чтобы законъ не допускалъ найма на слишкомъ продолжительные сроки.

Относительно путешествія рабочихъ на промысла въ извѣстныхъ намъ контрактахъ мы находимъ слѣдующія условія. Въ договорѣ Верхне-Амурской К°, заключенномъ въ сентябрѣ 1871 г. въ Маріинскомъ округѣ

156

Томской губерніи сказано: «По первому извѣщенію довѣренныхъ К° обязаны мы явиться на сборный пунктъ, откуда должны слѣдовать съ партіонными приказчиками на пристань К°, чтобы явиться намъ туда не позднѣе 20 марта 1872 г. Если довѣренный К° найдетъ выгоднымъ доставить насъ на прогонахъ (sic) или подводахъ, то мы отказываться отъ этого не можемъ. За все время нашего слѣдованія изъ мѣстъ жительства до станціи Срѣтенской К° принимаетъ на свой счетъ прогоновъ и разныхъ путевыхъ издержекъ по 15 р. на человѣка, а что будетъ сверхъ этого передержано, то мы обязаны принять на нашъ личный счетъ и болѣе 15 р. отъ компаніи никакого вознагражденія за путеслѣдованіе требовать не можемъ». По договору съ тою-же К° 1883 г. рабочіе выговаривали себѣ полученіе извѣстной суммы по прибытіи на сборный пунктъ на путевые расходы до Читы и добавочную выдачу въ этомъ послѣднемъ городѣ, но и то, и другое въ счетъ заработка. Изъ Срѣтенска К° обязывалась отправить рабочихъ на пароходахъ или паромахъ до Джалиндинской пристани на Амурѣ, а оттуда должны были идти на промысла пѣшкомъ. Со дня явки въ Срѣтенскъ (но не ранѣе извѣстнаго числа) и до дня отправки оттуда К° обязывалась выдавать рабочимъ ежедневно по 2½ фунта сухарей, по 1 ф. мяса или взамѣнъ мяса по 15 коп. деньгами, по 1 кирпичу на мѣсяцъ чаю и, кромѣ того, на квартиры по 10 коп. каждому въ день. На пути отъ Срѣтенска до мѣста работъ выдавалось тоже продовольствіе, кромѣ квартирныхъ денегъ. По другому договору Верхне-Амурской К° того-же года рабочіе получали на дорожные расходы отъ сборнаго пункта до станицы Покровской на Амурѣ не въ счетъ заработка по 2 руб. на человѣка, а оттуда до мѣста работъ то-же продовольствіе, какъ въ первомъ договорѣ 1883 г. Въ контрактѣ съ Ниманскою К° 1883 г. сказано: «К° обязывается доставить насъ отъ сборнаго пункта до г. Благовѣщенска на Амурѣ на компанейскихъ лошадяхъ, причемъ дозволяется намъ брать не болѣе 20 ф. своего имущества. Стоимость провоза нашего отъ сборнаго пункта до Благовѣщенска К° опредѣляетъ въ 25 р. на каждаго и сумму эту относитъ въ счетъ каждому изъ насъ. Во время путеслѣдованія мы обязаны во всемъ подчиняться довѣренному или лицамъ отъ него назначеннымъ для сопровожденія насъ. Слѣдовать мы должны ежедневно и если по усмотрѣнію довѣреннаго понадобится сдѣлать дневку для отдыха, то на слѣдующій день обязаны мы одинъ станокъ идти пѣшкомъ. Въ сложности отдыхъ дается намъ черезъ каждые 9 дней путеслѣдованія. Если К° найдетъ нужнымъ отпра-

вить насъ изъ Благовѣщенска до Путиловой на подводахъ, то стоимость провоза относится на нашъ счетъ; далѣе-же до мѣста назначенія мы должны слѣдовать пѣшкомъ, причемъ отъ К° на каждые 5 человѣкъ дается лошадь съ санями для перевозки слѣдующихъ съ нами припасовъ, фуража для лошадей и нашего имущества; при слѣдованіи въ одиночку какъ имущество свое, такъ и припасы обязаны мы нести на себѣ». На продовольствіе во время пути отъ сборнаго пункта до Благовѣщенска К° давала кормовыя деньги въ счетъ будущаго заработка, а на время путешествія изъ Благовѣщенска до пріисковъ она выдавала на свой счетъ по 3 ф. ржаныхъ сухарей, по 1/2 ф. сушенаго мяса въ сутки и по 1/2 кирпича чая въ мѣсяцъ. Въ договорѣ съ Зейскою К° (въ 80-хъ годахъ) между прочимъ было постановлено, что во время путешествія на пароходѣ рабочіе обязывались рубить и носить дрова, снимать въ случаѣ надобности пароходъ съ мели и т. п., «получая за все это время вознагражденіе отъ командира парохода по обоюдно уговореннымъ цѣнамъ, но не болѣе платы, назначаемой матросамъ». Отъ Лунгинскаго склада до пріисковъ рабочіе обязывались идти пѣшкомъ, но въ случаѣ мелководья Зеи, если пароходы не будутъ въ состояніи подняться вверхъ, рабочіе обязывались идти пѣшкомъ на пріиски съ мѣста остановки.

О путешествіи рабочихъ на промысла въ отчетѣ г. Оранскаго за 1893 г. сказано: рабочіе, нанятые для Верхне-Амурской К° въ Верхнеудинскомъ и Нерчинскомъ округахъ Забайкальской области «слѣдуютъ въ мартѣ и апрѣлѣ до Срѣтенска, затѣмъ продолжаютъ путь на пароходахъ К° до Благовѣщенска, и далѣе вверхъ по Зеѣ до Зейской пристани или до Амбукитскаго склада (650 и 740 верстъ), откуда уже слѣдуютъ на пріиски пѣшимъ порядкомъ: отъ пристани 140 и отъ склада около 35 верстъ. Рабочіе, нанятые въ Благовѣщенскѣ для Зейской К°, ѣдутъ на пароходѣ до Лунгинскаго склада, т. е. верстъ 650; а отъ склада на пріиски шли пѣшкомъ 140 в. Рабочіе для нижанскихъ пріисковъ были наняты исключительно въ Благовѣщенскѣ; нѣкоторые изъ нихъ ѣдутъ на лошадяхъ до деревни Бахеревой (200 верстъ отъ Благовѣщенска), а затѣмъ 450 в. идутъ пѣшкомъ до пріисковъ по льду р. Буреи и около 100 в. тайгою; другіе дѣлаютъ весь путь пѣшкомъ отъ самаго Благовѣщенска. На пути рабочіе получаютъ отъ нанимателей такое продовольствіе: въ среднемъ имъ выдается на каждаго въ сутки 2 1/2 ф. сухарей, 1 ф. мяса и на 30 человѣкъ 3/4 кирпича чая. Продовольствіе это получали только такъ называемые общекон-

трактные или «хозяйскіе» рабочіе, золотничникамъ-же его не полагалось.

Ниманская К°, при наймѣ рабочихъ въ Благовѣщенскѣ, подвергаетъ ихъ строгому медицинскому осмотру, производящемуся врачемъ, и при этомъ, кромѣ больныхъ, не принимаютъ и малокровныхъ. Въ Зейской К°, кромѣ медицинскаго осмотра при наймѣ, производилось вторичное освидѣтельствованіе всѣхъ рабочихъ по прибытіи на промысла, и оказавшихся серьезно больными, особенно заразительными болѣзнями, немедленно отправляли съ пріисковъ въ Благовѣщенскъ.

Хотя въ контрактахъ, заключаемыхъ рабочими, обозначалось, на пріиски какой компаніи они нанимаются, но золотопромышленники обыкновенно предоставляли себѣ право передавать ихъ и въ другія компаніи. По договорамъ Верхне-Амурской К° 1871 и 83 гг. и Ниманской 1883 г. такая передача обусловливалась тѣмъ, чтобы постановленія этихъ договоровъ соблюдались и на пріискахъ той компаніи, куда переходили рабочіе.

Какъ и въ другихъ системахъ, золотопромышленники обыкновенно предоставляли себѣ право разсчитывать рабочихъ по своему усмотрѣнію во всякое время. Въ 1874 г. въ Верхне-Амурскомъ золотопромышленномъ округѣ изъ числа 1350 человѣкъ было въ теченіе операціи разсчитано и вывезено на пароходахъ до Срѣтенска 110 чел. (8%), напротивъ, г. Оранскій въ отчетѣ за 1889 г. говоритъ, что рабочимъ, разсчитаннымъ до срока, предоставляется возвращаться, какъ имъ угодно: «ни лодокъ, ни пароходовъ компаніи давать имъ не обязаны по контракту» *).

Изъ числа нанятыхъ рабочихъ на пріиски Амурской области въ 1879 г. не явилось менѣе 2%, на пріиски Амурской и Приморской областей въ 1880—81 гг.—3%, въ 1882—83 гг.—2%, въ 1884 г.—1%. По мѣрѣ того, какъ наплывъ рабочихъ на пріиски увеличивался, число неявившихся рабочихъ уменьшалось; такъ, по оффиціальному отчету о золотопромышленности въ Амурской и Приморской областяхъ въ 1887 г. не явился всего 1 рабочій.

---

*) Въ договорѣ Верхне-Амурской К°, напечатанномъ г. Бацевичемъ, сказано: «такъ какъ К° не можетъ имѣть всегда въ готовности пароходы для вывоза во всякое время рабочихъ, то тѣ изъ нась, которые будутъ разсчитаны ранѣе или позднѣе общаго разсчета въ сентябрѣ, не имѣютъ права вывоза ихъ пароходомъ и, получивъ провизію, Джалиндинскіе на 10 дней и деньгами по 5 р., а Зейскіе на 20 дней и деньгами по 10 р. должны выбыть съ пристаней.»

II.

Техника амурскихъ пріисковъ.—Доходность золотого дѣла.—Продолжительность рабочаго дня.—Величина уроковъ.—Плата за трудъ.—Подъемное и старательское золото.

Отдаленность амурскихъ промысловъ отъ населенныхъ мѣстъ и многія мѣстныя условія, затрудняющія доставку лошадей, сѣна и всего необходимаго для веденія дѣла, вызвали стремленіе по возможности замѣнять трудъ людей и животныхъ силою машинъ. Такъ, напримѣръ, на Ниманскихъ пріискахъ во второй половинѣ 70 гг. была устроена желѣзная дорога съ вагонами, вмѣщающими каждый до 70 п. земли, такъ что при вскрышѣ торфовъ было постепенно устранено участіе лошади и таратайки: «все исполнялъ самъ собою скатывающійся съ мѣста свалки породы къ мѣсту работъ по рельсамъ вагонъ, который подходилъ прямо къ забою и послѣ нагрузки породы отталкивался отъ мѣста работъ своей артелью къ подъему, къ которому катился опять самъ собой; у подъема безъ участія рабочихъ онъ подхватывался безконечной цѣпью и поднимался на ту высоту, съ которой доставленная порода должна была сваливаться въ отвалы». Въ 1878 г. на Ниманскихъ пріискахъ была установлена заказанная въ Германіи бочечная промывальная машина, съ вагоннымъ подъемомъ песковъ на машину и такимъ-же способомъ откатыванія гальки по желѣзнымъ дорогамъ. Двигателемъ всѣхъ приводовъ былъ локомобиль. На Капитолинскомъ пріискѣ бр. Бутиныхъ (Амурской области) были устроены желѣзно-конныя дороги. Въ половинѣ 80-хъ гг. примѣненіе паровой силы для приведенія въ движеніе золотопромывальныхъ бочечныхъ машинъ и для отвозки гальки по рельсовому пути было уже довольно распространено на амурскихъ промыслахъ, а именно въ 1887 г. на пріискахъ Амурской и Приморской областей было всего 14 локомобилей и 2 паровоза. Въ 1886 г. въ Верхне-Амурской К° устроено было для предупрежденія кражи ночью золотоносныхъ песковъ электрическое освѣщеніе и стали соединять одинъ пріискъ съ другимъ телефонною сѣтью. Г. Оранскій въ отчетѣ за 1889 г. говоритъ: «Техническая часть золотого дѣла на Амурѣ, не смотря на относительно еще недолгое его существованіе, значительно опередила технику всѣхъ

другихъ золотоносныхъ системъ Восточной Сибири, да пожалуй и не одной Сибири... Въ какомъ другомъ округѣ въ тайгѣ можно встрѣтить прекрасныя химическія лабораторіи, телеграфы, телефоны, электрическое освѣщеніе разрѣзовъ, правильно организованную почту?.. Въ послѣднее время только владѣльцы амурскихъ пріисковъ были отзывчивы къ движенію техники впередъ». По словамъ отчета Иркутскаго Горнаго Управленія за тотъ-же годъ, «на многихъ пріискахъ отвозка гальки и эфеля производится въ вагонахъ посредствомъ безконечнаго проволочнаго каната», а на одномъ пріискѣ пески отъ забоевъ къ машинѣ доставлялись также проволочнымъ канатомъ; на двухъ пріискахъ Верхне-Амурской К° пески подвозились къ машинѣ въ вагонахъ, прицѣпленныхъ къ маленькому локомотиву по 25 штукъ; на третьемъ пріискѣ той-же К° для доставки песковъ отъ забоевъ на машину устроена была однорельсовая желѣзная дорога системы Лартига,—по которой одна лошадь везла до 25 нагруженныхъ вагоновъ, а возвращались они пустыми по наклонному рельсу (впрочемъ эта желѣзная дорога системы Лартига вскорѣ оказалась непрактичною и была снята). Телефонъ существуетъ не только на пріискахъ Верхне-Амурской, но также и Зейской К°. Въ 1893 г. электрическое освѣщеніе было введено и на Амгунской системѣ.

Вслѣдствіе неблагопріятныхъ мѣстныхъ условій, въ которыхъ находятся золотые промысла Амурской области сумма *всѣхъ расходовъ* при раздѣленіи на одного годового работника здѣсь весьма высока. Такъ на Ниманскихъ промыслахъ въ первые два года ихъ дѣйствія (во второй половинѣ 70-хъ гг.) эта сумма доходила почти до 2000 р. на одного годового работника; въ 1881 г. на тѣхъ-же промыслахъ она была меньше (1416 р.), но все-таки весьма высока сравнительно съ большинствомъ сибирскихъ золотоносныхъ системъ. Въ 1886 г. эта, такъ называемая, «стоимость въ годъ одного рабочаго» на амурскихъ пріискахъ колебалась между 850 и 1700 р., въ послѣдніе-же годы по системѣ Зеи отъ 1000 до 1200 руб., а на Нимани даже отъ 1500 до 1900 р. *). Стоимость добытаго золота въ Амурской области равнялась въ 1889 г. 9,200,000 руб., въ 1890 г.—9,725,060 р., въ 1891 г.—7,682,108 р. Раздѣливъ эти суммы на число рабочихъ по разсчету на

*) Въ томъ числѣ «стоимость годового рабочаго» въ буквальномъ смыслѣ этого слова, т. е. плата ему и стоимость продовольствія составляли лишь небольшую часть, а именно въ 1874 г. на Верхне-Амурскихъ промыслахъ средній заработокъ годового работника равнялся 265 р., а стоимость его продовольствія 175 р., итого 440 р.

весь годъ, мы получимъ, что каждый годовой рабочій добылъ золота въ Амурской области въ 1889 г. на 3406 р., въ 1890 г. на 3487 р. и въ 1891 г. на 2260 руб.

Такимъ образомъ, не смотря на значительныя затраты на рабочихъ и другіе пріисковые расходы, амурскіе золотопромышленники вслѣдствіе богатаго содержанія золота получаютъ большіе доходы. Такъ, напримѣръ, Ниманская К° въ операцію 1881 г. затратила 556,269 р., а получила *чистой* прибыли 484,957 р., т. е. 87% прибыли на затраченный въ этомъ году капиталъ, а въ 1882 г. та-же К° получила 83%. Въ 1886 г. Верхне-Амурская К° на затраченный капиталъ въ 1,930,600 р. получила чистой прибыли 1,921,400 руб., т. е. почти 100%, Зейская-же К° затратила 485,800 р., а получила чистой прибыли 886,700 р.,*) т. е 171% на затраченный капиталъ!

По роду занятій пріисковыхъ хозяйскихъ рабочихъ (т. е. кромѣ золотничниковъ) мѣстный окружный инженеръ Оранскій раздѣляетъ на 4 разряда: 1) горныхъ работниковъ; 2) мастеровыхъ, 3) надворныхъ и 4) отрядныхъ. Мастеровыми онъ называетъ плотниковъ, кузнецовъ, слесарей, шоршиковъ, печниковъ и проч., а надворными—конюховъ, хлѣбопековъ, кашеваровъ, поваровъ, прислугу пріисковыхъ служащихъ и проч. Отрядные рабочіе заняты рубкою и распилкою лѣса, дровъ и перевозкою ихъ и получаютъ задѣльную плату по мѣрѣ сдачи работъ. По свидѣтельству лица, управлявшаго золотыми промыслами на Амурѣ, горнорабочіе составляютъ около 40% всѣхъ рабочихъ.

Продолжительность рабочаго дня въ контрактѣ Верхне-Амурской К° 1871 г. назначена съ 5 ч. утра до 8½ ч. вечера, причемъ на завтракъ, обѣдъ и отдыхъ полагалось 1½ часа, слѣдовательно 14 часовъ труда, работающіе-же поурочно не должны были оставлять работу ранѣе исполненія урока. По контракту съ тою-же К° 1883 г. начало работы назначено въ 5 ч., окончаніе не ранѣе 8 ч., а въ теченіе этого времени 2 часа на завтракъ, обѣдъ и отдыхъ, т. е. 13 часовъ рабочаго времени. По позднѣйшему контракту той-же К°, напечатанному г. Бацевичемъ, рабочіе обязались трудиться зимою съ 1 ноября по 1 февраля съ 7 ч. утра до 5 вечера, а въ остальное время года съ 5 утра до 8 вечера, причемъ зимою на завтракъ, обѣдъ и отдыхъ пола-

*) Впрочемъ, нужно имѣть въ виду, «что въ золотомъ дѣлѣ основного, затраченнаго на предпріятіе капитала, погашаемаго въ болѣе или менѣе значительный періодъ времени обыкновенно не существуетъ, а разсчеты ведутся только на оборотный капиталъ». *Бацевичъ*, стр. 146.

галось 1½ часа, а въ остальное время 3 часа, слѣдовательно зимою рабочій день равняется 8½ часамъ, а въ другіе мѣсяцы 12 часамъ. Работающіе по урокамъ оставляютъ работу лишь по окончаніи урока. По договору съ Нижанскою К° 1883 г. рабочій день назначенъ въ 13 часовъ, а по договору съ Зейскою К° первой половины 80 гг.—13½ часовъ. Если вѣрить донесенію одного врача, въ 1877 г. на Алексѣевскомъ пріискѣ Верхне-Амурской К° работали 9, 10 часовъ въ сутки.

По оффиціальнымъ отчетамъ о золотопромышленности въ Восточной Сибири въ 1879 г. на пріискахъ Амурской области работали maximum 13 часовъ (очевидно лѣтомъ), minimum 7 ч. (безъ сомнѣнія зимою), въ среднемъ 10 ч., въ Амурской области въ 1880 и 81 гг. maximum 12, minimum 6, въ среднемъ 9 часовъ, въ Приморской области въ 1881 г maximum 12, minimum 8, въ среднемъ 10 часовъ. По отчету о золотопромышленности Амурской и Приморской областей за 1886 г. зимою рабочихъ часовъ полагалось 7—8, весною и осенью 9—10, лѣтомъ 12—13. Лѣтомъ было назначено на чай утромъ около 9 ч. и вечеромъ около 5 ч. по полчаса и на обѣдъ отъ 1½ до 2 ч. между 12 и 2 ч. дня. Докторъ, осматривавшій Алексѣевскій пріискъ Верхне-Амурской К° въ 1877 г. донесъ, что хотя мѣсто работъ и недалеко отъ казармъ, но рабочіе и обѣдаютъ, и отдыхаютъ тамъ-же, гдѣ работаютъ.

О ночныхъ работахъ упоминается во всѣхъ извѣстныхъ намъ договорахъ золотопромышленниковъ Амурской области. Въ контрактѣ Верхне-Амурской К° 1871 г. сказано: «если управленіе дѣлами компаніи найдетъ нужнымъ назначить насъ на ночныя работы, то мы не вправѣ ничѣмъ отговариваться и должны производить ихъ съ 7 ч. вечера до 6 ч. утра, само собою разумѣется, что при исполненіи работы ночью отдыхъ дается намъ днемъ»(тоже въ договорахъ этой компаніи 1883 г. и Нижанской К° 1883 г.). По договору Зейской К° (первой половины 80 гг.) ночныя работы должны были продолжаться съ 6 ч. вечера до 6 ч. утра. Въ дѣйствительности такія работы могутъ существовать лишь при выработкахъ въ ортахъ, а онѣ въ Амурской области мало распространены, такъ какъ работы вездѣ ведутся здѣсь открытыми разрѣзами, за исключеніемъ Нижанской системы.

На промыслахъ Нижанской К° работы идутъ круглый годъ. Промывка песковъ кончается между 10 и 20 сентября, затѣмъ до конца ноября производится вскрыша торфовъ, особенно если они состоятъ изъ ила и тундры, которая работается успѣшно и при мерзлотѣ. Развѣдки

начинаются въ декабрѣ и усиливаются въ январѣ. Въ февралѣ вывозится лѣсъ и начинаются постройки. Въ мартѣ снова вскрытіе торфа и разныя хозяйственныя работы. Въ апрѣлѣ усиливается вскрытіе торфовъ. Кромѣ того, зимой добываютъ пески изъ шахтъ. Промывка песковъ начинается въ маѣ.

Такъ какъ громадное большинство пріисковъ расположено въ предѣлахъ вѣчной мерзлоты и почва въ теченіе дня оттаиваетъ до $^1/_2$ арш. въ глубину (Зейская и Ниманская системы), то золотоносный пластъ добывается уступами. Добычу золотоноснаго пласта и доставку песковъ къ промывальнымъ машинамъ обыкновенно производятъ артелью по 7—8 чел. въ каждой при 3 или 4 лошадяхъ съ таратайками.

На горныхъ работахъ задаются слѣдующіе уроки: *при отвозкѣ на лошадяхъ* на каждаго человѣка приходится урокъ на торфахъ и пескахъ отъ $^5/_7$ до $^7/_8$ куб. саж. въ день, въ Зейской К° 13—23 куб. арш. талаго торфа и 14 арш. мерзлаго. Наименьшіе уроки, вѣроятно по условіямъ почвы, находимъ на пріискахъ Тетюкова на Амгуни: на торфахъ $^3/_5$ и на пескахъ $^1/_2$ куб. саж. на человѣка. *При откаткахъ на тачкахъ* урокъ приходился на каждаго на торфахъ отъ $^1/_2$ до $^5/_8$ куб. саж. Но выработкою урока количество труда рабочихъ обыкновенно не ограничивается, оно значительно увеличивается вслѣдствіе обѣщанія повышенной платы за сверхъурочную работу.

Повышенная старательская плата за сверхъурочную работу понуждаетъ рабочихъ напрягать свои силы. Въ 1889 г. урокъ Верхне-Амурской К° равнялся 5 саж. торфовъ или песковъ на 7 рабочихъ, но посредствомъ повышенной платы за сверхъ-урочную работу «всегда принимаются мѣры обезпечить 6-ю и 7-ю сажени»; однако «подобную работу способенъ вынести не всякій изъ пріискателей; самые дюжіе къ половинѣ лѣта слабѣютъ, спускаются до 6 саж., потомъ до 5 и *до четырехъ*» *), слѣдовательно подъ конецъ уже не выполняютъ урока. Это свидѣтельство спеціалиста позволяетъ правильно понять показаніе г. Бацевича, что «хорошая артель обыкновенно (?) часамъ къ 3, 4 пополудни заканчиваетъ урокъ и продолжаетъ еще работать сверхъ урока до 6—7 ч. вечера» (ст. 151): мы видѣли, что такое напряженіе силъ можетъ быть только временнымъ и приводитъ къ тому, что рабочіе бываютъ, наконецъ, не въ силахъ вырабатывать и урокъ.

---

*) *А. Я.* «Наша золотопромышленность», «Вост. Об.», 1889 г., № 14, стр. 8.

Старательскій трудъ хозяйскихъ рабочихъ допускается, впрочемъ, не только въ видѣ продолженія обязательной урочной работы, но также и въ видѣ отдѣльныхъ стараній на золото съ платою съ золотника. «Даже самыя богатыя компаніи на Амурѣ», говоритъ г. Бацевичъ, «прибѣгаютъ къ старательскимъ работамъ. Обыкновенно послѣ отработаннаго урока разрѣшается стараться на почвѣ и въ бортахъ. Часовъ послѣ 4 или 5 пополудни на любомъ пріискѣ можно видѣть рабочихъ всевозможныхъ профессій, ихъ женъ, даже дѣтей и подростковъ съ лотками, подскребающихъ почву и роющихся въ бортахъ». Авторъ прибавляетъ, что это занятіе очень полюбили мѣстные инородцы —орочоны и тунгусы.

Что касается платы за горныя работы, то, на основаніи извѣстныхъ намъ контрактовъ и оффиціальныхъ свидѣтельствъ, дневной заработокъ рабочаго *при выполненіи урока* на разныхъ пріискахъ равнялся при работѣ на лошадяхъ въ будни на торфахъ отъ 70 коп. до 1 р. 50 к., на пескахъ 70 к.—2 р., въ праздники на торфахъ 1 р. 35 к.—2 р. (Верхне-Амурскою компаніею по позднѣйшему контракту установлена одинаковая плата въ будни и праздники, въ среднемъ выводѣ соотвѣтствующая прежней).

Въ предѣлахъ урока, чтобы побудить къ его выполненію, первыя сажени оплачиваются ниже послѣднихъ; такое повышеніе продолжается и за предѣлы урока, и за сверхъ-урочную работу полагается особенно повышенная плата. Такимъ образомъ, путемъ напряженія силъ заработки на горныхъ работахъ могутъ быть увеличены и далѣе указанныхъ цифръ, но мы видѣли, что за такимъ чрезмѣрнымъ напряженіемъ наступалъ упадокъ трудовой способности. Хозяевамъ весьма выгодно давать рабочимъ такой сверхъ-урочный заработокъ: лошадь та-же, таратайка та-же, инструментъ тотъ-же, рабочіе пользуются тѣмъ-же содержаніемъ и проч. Вся разница будетъ состоять лишь въ томъ, что лошади и рабочіе проторчатъ въ разрѣзѣ лишніе 3—4 часа». А отъ этого хозяевамъ громадный барышъ *), не смотря на увеличенную плату за болѣе напряженный трудъ. Посредствомъ такого напряженія силъ (при которомъ на каждаго рабочаго приходится добыть въ день около 1 куб. саж.) дневной заработокъ рабочаго поднимается, по словамъ г. Бацевича, до 2 р. и даже до 2 р. 75 к., не считая платы за подъемное золото (стр. 148—151).

*) Какъ онъ великъ, см. въ статьѣ *А. Я.* «Наша золотопромышленность», «Вост. Об.,» 1889 г., № 14, стр. 8.

Такъ какъ плата и въ предѣлахъ урока повышается за послѣднія сажени, вырабатываемыя артелью, то въ случаѣ его неисполненія рабочіе теряютъ непропорціонально недоработкѣ болѣе значительную часть вознагражденія. Понятно, что поэтому въ пріисковыхъ договорахъ Амурской области и не упоминается о вычетахъ за недоработку урока *).

За «подрядныя работы», т. е. за пилку лѣса, выдѣлку кожъ, кирпичей, приготовленіе дегтя, смолы, угля, косьбу сѣна и проч. приисковое управленіе обыкновенно платитъ рабочимъ по взаимному договору задѣльную, а иногда поденную плату (по контракту Нимапской К° отъ 40 к. до 1 р. 20 к. въ будни и отъ 50 к. до 2 р. въ праздники).

Въ договорахъ съ рабочими обыкновенно указывается размѣръ поденной платы, но въ слишкомъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, т. е. не обозначено размѣра ея за ту или другую работу, а только указанъ maximum и minimum. Такъ, по договору Верхне-Амурской К° 1871 г. «во всѣхъ вспомогательныхъ, погоржныхъ и надворныхъ работахъ, при крѣпленіи и очисткѣ канавъ, при завалкѣ песковъ, при промывкѣ, уборкѣ и отвозкѣ гальки и эфелей на отвалахъ и прочихъ подъемныхъ работахъ, смотря по времени года и роду работъ», условлено было платить поденно каждому отъ 30 к. до 1 р. 50 к. (въ договорѣ 1883 г. отъ 30 к. до 1 р.), въ будни, а въ праздники вдвое болѣе. По договору съ Нимапскою К° 1883 г. поденная плата назначена была въ будни 40 к.—1 р. 25 к., въ праздники 50 к.—2 р. и притомъ сдѣлана такая оговорка: «назначеніе платы поденной и мѣсячной, соразмѣрно количеству и качеству труда, нашему искусству и усердію, зависитъ отъ усмотрѣнія распорядителей компаніи, и мы не вправѣ требовать и просить болѣе назначеннаго и вполнѣ предоставляемъ это назначеніе распорядителямъ К° и претензіи никакой имѣть не должны». По договору съ Зейскою К° (80 г.г.), поденная плата равнялась въ будни 30 к.—1 р., въ праздники вдвое болѣе; въ договорѣ при этомъ добавлено, что на тѣхъ-же условіяхъ и въ томъ-же размѣрѣ рабочіе должны получать плату за вскрытіе мерзлаго торфа.

Изъ отчетовъ мѣстныхъ горныхъ исправниковъ видно, что въ дѣйствительности рабочіе получили поденной платы въ 1881 г. въ Зей-

---

*) Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ контрактовъ только въ договорѣ Нимапской К° 1883 г. мы находимъ условіе относительно вычета за недоработку урока (при работахъ въ открытыхъ разрѣзахъ), а именно; пріисковому управленію предоставляется право «недоработанное количество саженъ взыскать изъ переработки въ другіе дни, но если переработки въ томъ мѣсяцѣ не хватитъ для покрытія недоработки, то вычитать вообще изъ заслуги нашей по той цѣнѣ, по какой платитъ намъ само пріисковое управленіе».

ской и Верхне-Зейской К° по 50 к.—1 р. въ будни и вдвое болѣе въ праздники на поторжныхъ работахъ въ будни 30 к.—1 р. 20 к., въ праздники 50 к.—2 р. Въ 1883 и 84 г.г. въ Ниманской К° и на пріискѣ бр. Бутиныхъ на поторжныхъ работахъ платили въ будни 30 коп.—1 р. 20 к., въ праздники 50 к.—2 р.; на пріискѣ Тетюкова въ будни 25—75 к., въ праздники 50 к.—1 р. 50 к. Въ отчетѣ г. Оранскаго за 1889 г. указана поденная плата въ Зейской К° (повидимому, въ нѣкоторыхъ работахъ, связанныхъ съ добычею и промывкою золота) въ размѣрѣ 60 к.—1 р. 20 к въ день, на поторжныхъ работахъ—40 к., мастеровымъ 60 к.—1 р. 50 к., за надворныя и отрядныя работы 40 к.—1 р., причемъ о повышенной платѣ въ праздники не упомянается.

Женщины, находившіяся въ 1383 г. въ Ниманской К° не въ постоянныхъ, а во временныхъ работахъ, какъ-то: мытье половъ и проч., получали поденную плату въ 50 к. и винную порцію, но за продовольствіе ихъ вычиталось 40 к. въ день.

Условія контрактовъ относительно мѣсячной платы такъ же неточны, какъ и относительно поденной, т. е. такъ же обозначенъ maximum и minimum платы для извѣстныхъ разрядовъ рабочихъ. Въ договорѣ Верхне-Амуркой К° 1871 г. сказано: «Кто изъ насъ будетъ назначенъ на постоянныя работы, то плата должна быть мѣсячная, а именно плотникамъ, столярамъ, слесарямъ, кузнецамъ и шорникамъ отъ 25 до 45 р. (по договору 1883 г. 20—40 р.); молотобойцамъ, печникамъ и каменщикамъ отъ 15 до 30 р. въ мѣсяцъ (по договору 1883 г. до 35 р.) конюховскому и артельному старостамъ, коноваламъ, конюхамъ, бычникамъ, возчикамъ, поварамъ, квасоварамъ, кашеварамъ, хлѣбопекамъ, разсыльнымъ, находящимся въ поисковыхъ и развѣдочныхъ партіяхъ отъ 15 до 35 р.; старостамъ, караульнымъ, дровозамъ, дроворубамъ и водовозамъ отъ 7 до 20 р.» (по договору 1883 г. 10—25 р.). Въ позднѣйшемъ договорѣ Верхне-Амурской К°, напечатанномъ г. Бацевичемъ, указаны точныя цифры мѣсячнаго жалованья разныхъ мастеровыхъ; оно равняется съ 1 октября по 1 мая 18—30 р., а лѣтомъ 24—50 р. Въ договорѣ Ниманской К° 1383 г. мѣсячное вознагражденіе за постоянныя занятія мужчинъ и женщинъ указаны огульно (10—45 р.), а въ договорѣ Зейской К° (80 г.г.) вознагражденіе мужчинамъ раздѣлено на 3 разряда (17—40 р., 15—30 р., 12—25 р.), и затѣмъ сказано, что «назначеніе вышеозначенныхъ окладовъ жало-

ванья по нашимъ трудамъ, знанію дѣла и усердію зависитъ отъ управленія промысловъ, и мы не вправѣ требовать и просить болѣе назначеннаго имъ оклада мѣсячной платы».

По отчетамъ горныхъ исправниковъ, окружныхъ ревизоровъ и другимъ оффиціальнымъ источникамъ, мѣсячное жалованье мастеровымъ и другимъ рабочимъ колебалось между слѣдующими наибольшими и наименьшими величинами: въ 1881 и 83 гг. 7—60 р., въ 1884 и 85 г.г. 10—45 р., въ 1889 г. 25—50 р., въ 1893 г. 18—70 р.

Женщины, находящіяся на постоянныхъ работахъ, получали мѣсячное жалованье, какъ и въ другихъ системахъ, въ меньшемъ размѣрѣ, а именно отъ 5 до 20 р.

Плата за подъемное и старательское золото, которая обыкновенно выдавалась во время операціи на руки, равнялась въ Верхне-Амурской К° въ 1871 и 1883 гг. 1 р. 50 к. 1 р. 60 к. за золотникъ, а на остальныхъ промыслахъ въ 80 гг. 2—2 р. 50 к. Въ 1893 г по оффиціальному свидѣтельству плата вездѣ равнялась 2 р. 50 к.

На пріискахъ Ниманской К° плата за подъемное и старательское золото составляла въ 1881 г. 32% всего заработка въ 1883, 84, 85 гг. 13%, въ 1886 г.—14%, въ 93 г. менѣе 12%, въ Зейской К° въ 1882 г. 9%, въ 83 г.— 8%, въ 86 г. менѣе 2%; на пріискахъ Бутиныхъ въ 1883 г. 14%, въ 85 г. около 20%; на пріискѣ Тетюкова въ 1883 и въ 1885 гг. 2% всего заработка и въ Верхне-Амурской К° въ 1886 г. 7%.

III.

Пища рабочихъ.—Винныя порціи.—Тайная продажа вина.—Жилища.—Цѣны въ пріисковыхъ лавкахъ.—Семейства рабочихъ.

Относительно продовольствія рабочихъ на промыслахъ мы находимъ слѣдующія условія въ извѣстныхъ намъ контрактахъ амурскихъ золотопромышленниковъ. По договору Верхне-Амурской К° 1871 г., рабочіе должны были получать въ мѣсяцъ: муки ржаной или яччной, сколько съѣдятъ, но не болѣе 2 п. 10 ф., *) мяса свѣжаго, или соленаго по 1 п. 5 ф., а за неимѣніемъ того и другого сушенаго по 30 ф., крупы ячной по 10 ф., сала топленаго по 1½ ф., соли по 3 ф., чаю кирпичнаго по 1 кирпичу малаго размѣра. «Въ случаѣ недостатка крупы на кашу, управленіе можетъ замѣнить ее мясомъ и тогда выдавать намъ вмѣсто 1½ ф. сала только по ½ ф. При полученіи мяса мы не должны отказываться и отъ потроховъ, принимая ихъ за 30 ф. отъ каждой скотины, т. е. за тотъ вѣсъ, какъ К° принимаетъ отъ подрядчиковъ.»**) По договору Нижанской К° 1883 г., нѣкоторыхъ припасовъ назначено было въ мѣсяцъ менѣе. Такъ женщины, находящіяся при постоянныхъ занятіяхъ, должны были получать по 1 ф. мяса, а если свѣжаго или соленаго мяса не было, то мужчинамъ и женщинамъ полагалась по ¾ сушенаго, крупы гречневой или ячменной по 7½ ф., а женщинамъ по 5 ф, чаю кирпичнаго по ¾ кирпича обыкновеннаго размѣра. Въ случаѣ недостатка какихъ-либо припасовъ, управленіе могло замѣнить ихъ «равномѣрно» другими. «Если компанія признаетъ нужнымъ ввести артельный котелъ, то предоставляетъ намъ самимъ въ теченіе 3 дней выбрать артельщика и кашевара, преимущественно изъ слабыхъ къ работѣ, съ платою обоимъ отъ компаніи, если мы не выберемъ, компанія назначаетъ» ихъ «по своему усмотрѣнію». Въ договорѣ Зейской К° (первой половины 80 гг.) назначено было выдавать артельному старостѣ такое-же продовольствіе на каждаго рабочаго, какъ и по договору Верхне-

*) Въ дѣйствительности въ 1870 г. въ Верхне-Амурской К° выдавалось рабочимъ печенаго хлѣба по 4½ ф. въ день.

**) Такое-же количество припасовъ опредѣлено и въ договорѣ этой компаніи 1883 г.; въ немъ было только добавлено, что 1½ ф. сала пріисковое управленіе могло замѣнить 1 ф масла. Въ договорѣ той-же компаніи, напечатанномъ г. Бацевичемъ, указано тоже количество припасовъ и только пояснено, что кирпичъ чаю долженъ быть вѣсомъ до 2 ф. Приготовлять пищу по этому договору, кромѣ хлѣба, обязывались сами.

Амурской К° 1871 г., только хлѣба, приготовленнаго изъ ржаной или ячной муки, полагалось не болѣе 5 ф. въ сутки на каждаго, а кирпичнаго чаю по 3/4 кирпича. Въ случаѣ недостатка мяса управленіе могло замѣнить его кашею съ масломъ или саломъ. Такое-же количество припасовъ указано и въ отчетахъ Иркут. Горн. Управленія о золотопромышленности Восточной Сибири въ 1879—87 гг. (въ Приморской области *) мяса выдавалось иногда менѣе 1/4 ф.), и въ обзорахъ Амурской области на 1885—86 гг. Въ лѣтнее время приготовлялся квасъ. То-же выдавалось и въ 1893 г., причемъ количество хлѣба равнялась 2 п. 10 ф.—3 п. или по 4 ф. печенаго хлѣба.

Врачъ, посѣтившій пріиски Верхне-Амурской К° въ 1877 г., нашелъ, что рабочіе сверхъ отпускаемаго имъ количества мяса выписываютъ его изъ пріисковой лавки еще фунтовъ по 10 въ мѣсяцъ. Пищу, по свидѣтельству врача, рабочіе получали хорошую. Но не на всѣхъ промыслахъ продовольствіе было удовлетворительно. Въ Верхне-Зейской К° въ 1885 г. изъ за выдачи солонины рабочіе на нѣсколько дней прекращали работу.

Въ обзорѣ Амурской области за 1886 г. замѣчено, что въ числѣ продуктовъ, выдаваемыхъ рабочимъ, необходимы были-бы кислая капуста и кортофель, «предупреждающія цынготныя болѣзни, которыя развиваются у пріисковыхъ рабочихъ при работѣ въ сырыхъ шурфахъ». Снабженіе этими припасами, по мнѣнію администраціи, «не можетъ затруднить золотопромышленныя компаніи, такъ успѣшно поставившія свои дѣла», а потому военный губернаторъ рекомендовалъ завѣдывающимъ пріисками непремѣнно заготовлять эти припасы для рабочихъ въ достаточномъ количествѣ. Напротивъ, окружный ревизоръ въ своей книжкѣ объ амурскихъ промыслахъ, изданной въ томъ-же 1886 году, увѣряетъ, будто рабочимъ безплатно отпускается для приправы капуста и картофель; по свидѣтельству отчета 1886 г. о золотопромышленности Амурской и Приморской областей, въ приварокъ даются рабочимъ овощи, квасъ и уксусъ, при значительномъ количествѣ рабочихъ пища приготовлялась въ общихъ котлахъ кашеварами, содержимыми на счетъ

*) На островѣ Аскольдѣ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ отпускалось въ 1875 на золотомъ промыслѣ на одного рабочаго русскаго 2 п. 10 ф. ржаной муки, 10 ф. пшеничной, 1 п. мяса, 15 ф. рыбы соленой, 1 ф. скоромнаго масла, 1 кирпичъ чаю, 2½ ф. соли; на 1 манзу или корейца 2 п. риса, 2 п. буды, 10 ф. мяса, 15 ф. соленой рыбы, 7 ф. травянаго масла, ⅛ кирпича чаю, 2½ ф. соли, причемъ содержаніе китайскаго рабочаго обходилось въ три раза дешевле, чѣмъ русскаго.

пріисковыхъ компаній подъ наблюденіемъ выбраннаго рабочими старосты; при маломъ-же числѣ рабочихъ они готовятъ пищу сами въ кухняхъ, устроенныхъ при рабочихъ казармахъ *).

По оффиціальному свидѣтельству, продовольствіе рабочаго въ теченіе года обходилось Верхне-Амурской К° въ 1871 г. въ 175 р. Нимаиская К° въ 1881 г. считала среднюю стоимость пропитанія годового рабочаго на своихъ пріискахъ въ 334 р., а на складахъ въ 162 р.

Винныя порціи выдавались рабочимъ на амурскихъ промыслахъ еще въ 70 гг., но не въ достаточномъ количествѣ. Въ 1877 г. промысла Верхне-Амурской К° посѣтилъ мѣстный губернаторъ бар. Оффенбергъ и нашелъ разныя упущенія и безпорядки. Между прочимъ, онъ замѣтилъ, что «винную порцію получаютъ не всѣ рабочіе, какъ установлено циркуляромъ генералъ-губернатора Восточной Сибири 22-го апрѣля 1877 г.» и указалъ на это пріисковому управленію чрезъ горнаго исправника **). Управляющій Верхне-Амурскими пріисками Корзаковъ въ докладной запискѣ по поводу различныхъ замѣчаній губернатора, представленной генералъ-губернатору Восточной Сибири, по вопросу о винныхъ порціяхъ говоритъ, что онѣ дѣйствительно не ежедневно даются всѣмъ рабочимъ, и что къ этому золотопромышленниковъ никто не обязывалъ ***). «Винная порція, между прочимъ, дается рабочимъ и въ видѣ поощренія или вознагражденія за трудъ, и съ гигіеническою цѣлью, и въ холодную и ненастную погоду. Рабочіе-же далеко не всѣ заслуживаютъ поощренія и также не всѣ работаютъ ежедневно, а въ ненастную погоду не всѣ работаютъ въ разрѣзахъ. Компанія, расходуя ежедневно хлѣбнаго вина среднимъ числомъ болѣе $^1/_{100}$ ведра на рабочую поденщину, тѣмъ не менѣе рѣшительно не находитъ возможнымъ выдавать водку ежедневно всѣмъ безъ исключенія рабочимъ. Дать ра-

---

*) Въ отчетѣ за 1889 г. говорится, что въ большинствѣ случаевъ рабочіе получаютъ и припасы на руки, и сами готовятъ пищу.

**) Врачъ, осматривавшій въ этомъ году промысла Верхне-Амурской К°., сообщилъ, что «винная порція $^1/_{100}$ ведра выдается въ настоящее время не всѣмъ рабочимъ, но по заработку, *прежде-же выдавалось ежедневно всѣмъ*. Отказавшимся отъ винной порціи выдается чай байховый, сахаръ или что они пожелаютъ изъ пищевыхъ продуктовъ».

***) Въ циркулярѣ 22 апр. 1878 г. генералъ-губернаторъ Восточной Сибири предписалъ горнымъ исправникамъ «предложить всѣмъ золотопромышленникамъ..., чтобы рабочимъ отпускались достаточныя для подкрѣпленія силъ винныя порціи, въ особенности въ ненастное время, съ выдачею взамѣнъ сихъ порцій тѣмъ изъ рабочихъ, которые вина не пьютъ, соотвѣтственнаго, количества масла, чая и другихъ предметовъ, за исключеніемъ относящихся къ предметамъ роскоши, или съ занесеніемъ въ расчетные листы денегъ по стоимости порцій тѣмъ изъ рабочихъ, которые отъ нихъ откажутся».

бочимъ право требовать себѣ ежедневно винную порцію, значитъ лишить золотопромышленника всякой возможности пользоваться водкою «цѣлесообразно для рабочихъ (?) и работы». Нѣсколько позднѣе въ той-же К° болѣе регулярно выдавались рабочимъ винныя порціи. Бывшій амурскій губернаторъ генералъ-лейтенантъ Педашенко въ запискѣ, поданной генералъ-губернатору Восточной Сибири въ 1885 г., упоминаетъ о томъ, что прежде, во время управленія имъ Амурскою областью, на промыслахъ Верхне-Амурской К° ежедневно давалась рабочимъ отъ пріискового управленія порція водки, а въ ненастное время даже два раза въ день, непьющимъ-же выдавались взамѣнъ вина деньги, «и эта выдача отражалась благопріятно на здоровьѣ рабочихъ и нисколько не развивала между ними пьянства, а напротивъ, получая достаточное для поддержанія силъ количество водки, рабочіе не искали ея на сторонѣ, такъ что о спиртоносничествѣ тамъ въ это время не было и рѣчи». Поэтому генералъ-лейтенантъ Педашенко высказался за установленіе обязательной ежедневной выдачи винной порціи въ размѣрѣ $^1/_{100}$ ведра.

Въ оффиціальныхъ «обзорахъ Амурской области» за 1885 и 1886 гг. сказано, что во время усиленныхъ работъ и въ праздничные дни рабочіе на каждомъ пріискѣ получали винныя порціи *). На нѣкоторыхъ пріискахъ порціи эти выдавались ежедневно. Бывшій главноуправляющій Верхне-Амурской К° г. Янчуковскій, въ своихъ замѣчаніяхъ по поводу проекта правилъ о наймѣ рабочихъ (1887 г.), говоритъ: «выдача водки обязательно производится» (на пріискахъ этой К°) «въ размѣрѣ $^1/_{100}$ ведра на человѣка въ день и по $^2/_{100}$ въ праздники, но въ контрактѣ объ этомъ не упоминается. Окружный инженеръ въ отчетѣ за 1889 г. говоритъ: «водка подается рабочимъ одинъ—два раза въ недѣлю, а на нѣкоторыхъ пріискахъ и ежедневно, причемъ непьющимъ рабочимъ взамѣнъ ихъ порцій вписываютъ въ разсчетныя книжки по 10 коп. за каждую порцію». На третьемъ Хабаровскомъ съѣздѣ (1893 г.) было засвидѣтельствовано, что опытъ выдачи непьющимъ вмѣсто порцій денегъ значительно увеличилъ число непьющихъ. По отчету г. Оранскаго за 1893 г., «водка на нѣкоторыхъ пріискахъ вовсе не подается рабочимъ, на другихъ 2—3 раза въ недѣлю, на третьихъ—ежедневно, а въ случаѣ ненастья и по двѣ порціи въ день».

---

*) По отчету о золотопромышленности Амурской и Приморской областей за 1886 г.—«въ большіе праздники и дождливую погоду».

По свидѣтельству г. Бацевича, Верхне-Амурская К° выдаетъ порціи ежедневно, а другія компаніи по 2 раза въ недѣлю. Напротивъ, мѣстный горный исправникъ увѣряетъ, что водка отпускается ежедневно по $^1/_{100}$ и на пріискахъ въ бассейнѣ р. Амгуни, а въ ненастные дни и за особо-трудныя работы порція удваивается. Но едва-ли это справедливо, по крайней мѣрѣ управляющій дѣлами Амгунской К° золотопромышленникъ Першинъ въ запискѣ, представленной Хабаровскому съѣзду въ 1893 г., говоритъ: количество водки, выдаваемое каждому рабочему «въ видѣ винныхъ порцій, слишкомъ ограничено и не удовлетворяетъ его потребности, которая, по причинѣ продолжительнаго воздержанія, становится чрезвычайно настоятельной».

Амурскій губернаторъ бар. Оффенбергъ, при обозрѣніи имъ Верхне-Амурскихъ промысловъ въ 1877 г., нашелъ, что ввозъ на промысла спирта производится компаніею безъ его предварительнаго разрѣшенія. Но болѣе всего тайный ввозъ спирта производили мелкіе золотопромышленники, которые продавали его по баснословнымъ цѣнамъ инородцамъ и пріисковымъ рабочимъ; барыши, наживаемые ими при этомъ, доходили до 450 р. на ведро. Такіе мелкіе золотопромышленники здѣсь, какъ и въ другихъ системахъ, нерѣдко фиктивно заявляютъ пріискъ, чтобы получить право провозить спиртъ, который они и обмѣниваютъ на краденое золото.

Неудовлетворенная потребность рабочихъ въ винѣ вызывала появленіе на амурскихъ промыслахъ спиртоносовъ, число которыхъ увеличилось съ 1884 г., быть можетъ въ связи съ напливомъ въ тайгу послѣ разгрома Желтуги массы ищущихъ заработка рабочихъ. Въ 1886 году съ амурскихъ промысловъ уже писали, что «спиртоносами полна тайга. Конфискуя спиртъ и золото въ свою пользу, въ нынѣшнюю операцію на 7 пріискахъ успѣли прослѣдить продажу 200 ведеръ спирта по 10 р. за бутылку или по 5 золотниковъ краденаго золота. По словамъ г. Янчуковскаго (1886 г.), «продажа спирта въ Амурской области составляетъ хорошо организованный промыселъ». Чтобы купить спиртъ по 10—20 р. за бутылку, рабочіе крадутъ золото, обворовываютъ другъ друга. Это «до такой степени выгодный промыселъ, что спиртоносъ готовъ переносить какія угодно наказанія. Г. Оранскій говоритъ (1889 г.), что спиртоносовъ въ послѣднее время расплодилось очень много въ амурской тайгѣ, и что «борьба съ ними не легка». Спиртоносами, по его словамъ, бываютъ не только русскіе, но и якуты,

«и это ремесло тѣмъ болѣе удается имъ, что всѣ якуты прекрасно знаютъ тайгу и могутъ провести транспортъ спирта безъ всякой дороги». Спиртоносы продавали въ это время бутылку спирта по 8—10 руб., а по свидѣтельствамъ начала 90-хъ годовъ отъ 160 до 300 р. за ведро. Особенно развито спиртоносничество въ Зейской системѣ, куда спиртъ ввозится даже бочками. Спиртоносы нерѣдко подмѣшиваютъ въ вино табакъ, перецъ и даже дурманъ; случаи ихъ поимки чрезвычайно рѣдки. По словамъ г. Оранскаго, «въ 1893 г. уменьшилось число лицъ, которыхъ мы привыкли называть спиртоносами въ буквальномъ значеніи этого слова, т. е. такихъ лицъ, которые, купивъ спиртъ въ жиломъ мѣстѣ, несутъ его въ тайгу разными окольными путями, избѣгая встрѣчи съ казачьими разъѣздами. За то въ нѣкоторыхъ системахъ Амурской области успѣшно торговали спиртомъ спиртоносы легальные, т. е. нѣкоторые золотопромышленники, вытѣснивъ спиртоносовъ нелегальныхъ». Корреспондентъ «Восточнаго Обозрѣнія» *) утверждаетъ, что осѣдлый продавецъ спирта приноситъ болѣе вреда, чѣмъ спиртоносъ. Первый «обыкновенно пріобрѣтаетъ пріискъ, ставитъ для виду 2—3 рабочихъ, а спирту вывозитъ человѣкъ на 200—300 и, засѣвъ въ своей берлогѣ, неуязвимо торгуетъ спиртомъ».

Бродячіе спиртоносы закупаютъ спиртъ въ Благовѣщенскѣ, вливаютъ его въ банки изъ подъ керосина, отверстія которыхъ заливаютъ оловомъ и зашиваютъ банки въ войлокъ. «Сдѣлавъ запасъ сухарей, масла, чаю, приготовивъ вьюки, сговорившись съ товарищами, тщательно осмотрѣвъ оружіе и приведя его въ исправность, темною ночью отправляется спиртоносъ въ тайгу. Верстъ 200 приходится ѣхать деревнями». Это пространство спиртоносы проѣзжаютъ только ночью, надѣвая на ноги лошадямъ, при проѣздѣ черезъ деревни, войлочные чулки. Въ тайгѣ спиртоносы выбираютъ близъ пріисковой системы высокую гору и устраиваютъ на ней свой таборъ, припрятавъ спиртъ подальше отъ шалаша. «Отдохнувъ и собравшись съ силами, два спиртоноса навьючиваютъ на свои могучія спины по банкѣ спирта и пѣшкомъ отправляются на пріиска». При встрѣчѣ съ другими спиртоносами дѣло нерѣдко оканчивается убійствомъ менѣе осторожныхъ и предусмотрительныхъ. Въ 3 или 4 верстахъ отъ пріисковаго стана спиртоносы прячутъ принесенныя банки и ночью крадутся на пріискъ. Проникнувъ въ казарму, спиртоносъ, отсчитывая извѣстное ему число

*) 1895 г. № 12, стр. 2.

сящихъ на нарахъ, безошибочно находитъ своего единомышленника изъ рабочихъ и сообщаетъ ему, гдѣ именно будетъ происходить торговля спиртомъ. На другой день рабочіе одинъ по одному то и дѣло бѣгаютъ въ лѣсъ; въ станѣ попадаются пьяные; въ казармахъ и на работахъ происходятъ драки, увѣчья; пьяные рабочіе стали требовательны, придирчивы, грубы... Ни пріисковые рабочіе, ни хищники (тайно добывающіе золото на чужихъ площадяхъ), ни весь тотъ пріисковый людъ, который окрещенъ именемъ «шпаны» не питаетъ довѣрія къ спиртоносамъ и даже не любитъ ихъ. Правда, онъ не выдаетъ спиртоноса, пожалуй поможетъ ему укрыться, очень рѣдко донесетъ на него, но это не изъ любви къ нему, а изъ страха предъ нимъ; всѣ знаютъ, на что способенъ спиртоносъ. «Шпана» удивляется подвигамъ этихъ людей, дрожитъ предъ ними, любитъ слагать, пересказывать и выслушивать разныя легендарныя исторіи объ нихъ, но съ большимъ презрѣніемъ относится лично къ нимъ и по возможности избѣгаетъ ихъ; причиной этому служитъ отсутствіе въ спиртоносахъ всякаго чувства справедливости и даже той порядочности преступниковъ относительно сохраненія своихъ корпоративныхъ традицій, которыми такъ бахвалится и дорожитъ весь преступный людъ въ Сибири... Возвращаясь изъ тайги, дорогою спиртоносы стараются убить другъ друга, чтобы воспользоваться золотомъ убитаго... При дѣлежѣ добычи у нихъ не обходится безъ ножа или револьвера, и тотъ изъ товарищей получаетъ больше, кто болѣе смѣлъ, нахаленъ и силенъ» *).

Жилища рабочихъ на амурскихъ промыслахъ, не смотря на изобиліе здѣсь золота и большіе доходы здѣшнихъ крупныхъ компаній, требуютъ улучшеній. Въ 1877 г. амурскій губернаторъ поручилъ полковому врачу Андреенко осмотрѣть въ санитарномъ отношеніи Алексѣевскій пріискъ Верхне-Амурской К° и Иннокентіевскій компаніи Собашникова. О жилищахъ рабочихъ на первомъ изъ нихъ этотъ докторъ далъ весьма хорошій отзывъ **), также, какъ и о

*) *Я. Домбровскій.* «Спиртоносы Амурской тайги». «Приамурскія Вѣдомости», 1894 г., № 142, стр. 8—10.

**) На Алексѣевскомъ пріискѣ, для помѣщенія рабочихъ были устроены два зданія, раздѣленныя капитальными стѣнами, одно на 3 отдѣленія, другое на 2. «Зданія», по словамъ доктора, «новы, хорошей постройки, не штукатуренныя и не обѣленныя... Печи вездѣ желѣзныя, хорошо устроенныя... Казармы свѣтлыя, съ настланными изъ плахъ полами, содержатся довольно чисто.. Рабочіе помѣщаются на полатяхъ (нарахъ), устроенныхъ по стѣнамъ казармъ изъ досокъ. Постели у рабочихъ собственныя, состоятъ изъ войлоковъ покрываются-же они верхней одеждой. Во время дня постели скатываются и убираются къ стѣнамъ казармы, такъ что полати совершенно свободны. Нѣкоторые изъ рабочихъ находятъ удобнѣе спать на чердакахъ казармъ. обширныхъ, содержимыхъ чисто, но съ однимъ только неудобствомъ, что дымовыя трубы выведены на чердаки и при топкѣ печей наполняютъ ихъ дымомъ. Въ казармахъ помѣщается по 30 душъ».

жилыхъ помѣщеніяхъ на Иннокентіевскомъ пріискѣ. Но губернаторъ, при личномъ посѣщеніи, нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе, Верхне-Амурскихъ пріисковъ, пришелъ къ инымъ заключеніямъ относительно жилищъ рабочихъ. Въ предписаніи къ мѣстному горному исправнику бар. Оффенбергъ говоритъ: «казармы, въ которыхъ помѣщаются рабочіе, приходятъ уже въ ветхость, худо ремонтируются, полы сгнившіе и вообще казармы имѣютъ видъ темный и грязный, что происходитъ отъ неудовлетворительнаго ихъ устройства, а главное отъ недостатка оконъ и непмѣнія надлежащаго надзора за чистотой». Управляющій Верхне-Амурской К° Корзаковъ, въ докладной запискѣ генералъ-губернатору Восточной Сибири, возражалъ на это слѣдующее: «казармы на резиденціи и Васильевскомъ пріискѣ (также и на 3 другихъ работающихъ пріискахъ, на которыхъ, впрочемъ, губернаторъ не былъ) построены всѣ послѣ 1872 г., почему ветхими быть не могутъ». Указавъ затѣмъ на размѣръ казармъ и на то, что въ каждомъ отдѣленіи отъ 2 до 5 оконъ, Корзаковъ утверждалъ, что недостатка въ окнахъ нѣтъ. Губернаторъ нашелъ, что казармы имѣютъ видъ темный и грязный; на это можно только замѣтить, что едвали возможно, чтобы по характеру и образу жизни рабочихъ, занимающихся земляною работою, казармы имѣли видъ менѣе темный и грязный». Но губернаторъ, въ объясненіи, представленномъ генералъ-губернатору въ мартѣ 1878 г., настаивалъ на своемъ прежнемъ отзывѣ: «относительно устройства, ремонта и чистоты казармъ», писалъ онъ, «могу только повторить то, что уже мною было высказано..., а именно, что, по моему мнѣнію, помѣщенія для рабочихъ необходимо считать приходящими въ ветхость, худо ремонтируемыми и имѣющими гнилые полы, вслѣдствіе того, что почти всѣ стѣны и потолки этихъ зданій, вѣроятно когда-то прямые, искривились, а полы, какъ на Васильевскомъ пріискѣ, такъ въ особенности въ казармѣ на Джалиндинской резиденціи до того измѣнили свое первопачальное, вѣроятно тоже ровное, положеніе, что приняли видъ рѣзко отдѣлившихся уступовъ, и я лично едва не подвергся паденію, проходя по одному изъ тѣхъ половъ, которые г. Корзаковъ считаетъ исправными. Кромѣ того, и отчасти по тѣмъ-же самымъ причинамъ, я нашелъ казармы грязными, темными и неудовлетворительнаго устройства, потому что эти строенія, а въ особенности та-же Джалиндинская казарма съ своими грязными, кривыми стѣнами и сгнившими, искривленными полами и вообще грязнымъ видомъ походила болѣе на этапную тюрьму, чѣмъ на квартиру лицъ, не лишенныхъ правъ состоянія

и служащихъ по вольному найму въ золотопромышленной компаніи, имѣющей кажется достаточныя средства для лучшаго устройства этихъ помѣщеній». Г. Корзаковъ въ своей докладной запискѣ говоритъ, что едва-ли возможно, чтобы по характеру и образу жизни рабочихъ, занимающихся земляною работою, казарма имѣла видъ менѣе темный и грязный. Спрашивается, неужели темнота составляетъ необходимое условіе жизни рабочаго, занимающагося земляною работою? И неужели такой рабочій останется недовольнымъ, ежели его помѣстятъ въ свѣтлую и чистую казарму? Генералъ-губернаторъ поручилъ члену совѣта главнаго управленія Восточной Сибири Ефимову осмотрѣть резиденцію и пріиски Верхне-Амурской К° въ полицейскомъ и санитарномъ отношеніи; но Ефимовъ, узнавъ отъ амурскаго губернатора, что замѣченные безпорядки уже исправлены пріисковымъ управленіемъ, осмотрѣлъ только помѣщеніе для рабочей команды на Джалиндинской резиденціи этой компаніи и донесъ, что помѣщеніе это, устроенное въ 1872 г., вполнѣ исправно, содержится очень чисто и полы въ немъ вновь передѣланы; такія казармы рабочихъ, по его словамъ, «могли-бы служить образцовыми для всѣхъ золотопромышленниковъ».

Но и въ 80-хъ гг. жилища рабочихъ на амурскихъ промыслахъ были далеко не вполнѣ удовлетворительны. По словамъ г. Оранскаго (1886 г.), «казармы, хотя въ большинствѣ случаевъ и просторны, но въ гигіеническомъ отношеніи оставляютъ желать много лучшаго». Онѣ «представляютъ болѣе или менѣе тонкостѣнныя деревянныя зданія, мало напоминающія жилые дома. Казармы на пріискахъ Амурско-Приморскаго округа недалеко ушли отъ казармъ въ другихъ нашихъ золотоносныхъ системахъ. Вся ихъ обстановка состоитъ изъ паръ и общаго стола по срединѣ».*) Просушиванье мокраго платья около желѣзной печки дѣлаетъ «воздухъ, особенно ночью, когда рабочіе всѣ въ сборѣ, невыносимымъ. Не смотря на это, рабочіе не слушаютъ никакихъ увѣщаній и упрашиваній о перемѣнѣ мѣста просушки своего мокраго платья, по преимуществу изъ за того только, чтобы не ходить за нимъ утромъ, когда встаютъ, на улицу или въ отдѣльное помѣщеніе. Нельзя не винить въ этомъ отношеніи и золотопромышленниковъ, которые... не устраиваютъ казармъ съ теплыми корридорами, въ которыхъ можно-бы просушивать мокрое платье при помощи тѣхъ-же желѣзныхъ печей и самыхъ простыхъ приспособленій для вентиляцій.

*) Въ отчетѣ г. Оранскаго за 1889 г. прибавлено: «или нѣсколькихъ маленькихъ, стоящихъ у наръ».

На нѣкоторыхъ промыслахъ устроено правда нѣчто вродѣ галлерей при казармахъ, но эти галлереи къ сожалѣнію заняты кроватями тѣхъ рабочихъ, которые предпочитаютъ чистый холодный воздухъ. *) Ко всему надо прибавить, что грязь и обиліе насѣкомыхъ присущи казармамъ богатѣйшихъ амурскихъ компаній... На обязанности женъ лежитъ забота о чистотѣ казармъ, за что холостые рабочіе платятъ, кажется, повсемѣстно по 1 р.съ человѣка, но платятъ, однако, напрасно, такъ какъ грязь и тяжелый воздухъ преобладаютъ во всѣхъ казармахъ. На мои замѣчанія жены отвѣчали, что, не смотря ни на какія заботы, онѣ не могутъ содержать въ казармахъ чистоту, такъ какъ сами рабочіе ея не любятъ; и мнѣ стоило не мало усилій, чтобы хотя сколько-нибудь повліять на очищеніе козармъ отъ разныхъ насѣкомыхъ». Эти слова г. Оранскаго возбуждаютъ вопросъ, не опасаются-ли рабочіе, чтобы при усердной чисткѣ казармъ не исчезло у нихъ быть можетъ припрятанное золото. Въ отчетѣ за 1893 годъ г. Оранскій добавляетъ относительно казармъ русскихъ рабочихъ на амурскихъ промыслахъ, что въ нихъ «окна малы, полъ земляной». Неудовлетворительность жилищъ рабочихъ видна и изъ словъ горнаго исправника Маркевича, что на плохое состояніе казармъ «неоднократно обращалось вниманіе золотопромышленниковъ. Отсутствіе въ этомъ отношеніи какихъ-либо инструкцій и правилъ крайне стѣсняетъ» и мѣшаетъ принятію какихъ-либо понудительныхъ мѣръ. По мнѣнію Маркевича, очень полезно было-бы выработать общій типъ казармъ съ тѣмъ, чтобы съ нимъ соображались при постройкѣ новыхъ и исправленіи старыхъ казармъ.

Золотопромышленники пользуются здѣсь полнымъ правомъ монопольной торговли на пріискахъ, которая въ другихъ системахъ, напримѣръ Енисейской, нѣсколько ослабляется допущеніемъ въѣзда вольныхъ торговцевъ. Относительно цѣнъ на припасы и товары мы имѣемъ свѣдѣнія изъ таксъ съ конца 70-хъ до половины 80-хъ гг. и затѣмъ за 1892 г. Приведемъ изъ нихъ данныя о цѣнахъ на нѣкоторые припасы и товары:

---

*) Въ отчетѣ за 1889 г. прибавлено: «кромѣ галлерей, такіе немногіе рабочіе помѣщаются лѣтомъ въ шалашахъ, устраиваемыхъ ими изъ лиственичной коры»... «зимнія казармы отличаются отъ лѣтнихъ тѣмъ только, что въ нихъ увеличено число желѣзныхъ печей». Въ 1893 г. на пріискахъ Амгунской К° строили двухъ-этажныя казармы съ отдѣльными галлереями для просушки платья и обуви рабочихъ.

	1879 г Компаніи Верхне-амурская, Бутиныхъ, Тетюкова и Ниманская.	1881 г. Компаніи б. Бутиныхъ, Верхне-Зейская, Ниманская и Тетюкова.	1883 г. Компаніи Зейская, Ниманская и Бутиныхъ.	1884 г. Компаніи Ниманская, Бутиныхъ и Тетюкова.	1892 г. Зейская пристань, Верхне-Амурская К°, Ниманск. К°, Ханганская система.
Сахаръ - - - - -	40 к.—60 к.	40 к —60 к.	50 к.	50 к.	26 к.—30 к.
Чай кирпич. 1 кирп.	70 к.—1 р.	70 к.—1 р.	80 к.—1 р.	80 к.	—
Табакъ черкасскій 1 ф.	35 к.—50 к.	45 к.—55 к.	45 к.—50 к.	35 к.—50 к.	—
Холстъ 1 сорта арш.	20 к.—27 к.	20 к.—25 к.	—	—	15 к.—25 к.
Даба кусокъ	3 р.—3 р. 85 к.	3 р.—4 р. 50 к.			
Вареги пара	32 к.—40 к.	35 к.—40 к.	35 к.	35 к.—40 к.	—
Рукавицы - - - -	60 к.—85 к.	75 к.—80 к.	70 к.—75 к.	30 к.—80 к.	—
Полушубокъ простой	5 р.	6 р.—8 р. 50 к.	4 р.—20 к.	—	—
Бродни пара - - -	2 р. 90—4 р. 25 к.	3 р. 25 к.-4 р. 20 к.	2 р. 50 к.—4 р	2 р. 50 к.- 4 р. 20 к.	—
Сукно крестьян. 1 ар	21 к.—36 к.	25 к.—35 к.	—	—	—
Масло коровье фунтъ	40 к.—60 к.	50 к.—65 к.	55 к.—60 к.	60 к.	40 к.—60 к.

Эта таблица показываетъ, что съ 1879 г. по 1884 годъ цѣны на названные припасы и товары почти не измѣнились, а въ 1892 г. сравнительно съ первой половиной 80-хъ гг. былъ гораздо дешевле сахаръ: вмѣсто 40—60 к. онъ продавался по 26—30 к. за фунтъ; нѣсколько подешевѣлъ и холстъ съ 20—27 к. до 15—25 к. Если сравнить цѣны на амурскихъ и енисейскихъ промыслахъ, то мы увидимъ, что на нѣкоторые предметы цѣны въ Амурско-Приморскомъ округѣ даже дешевле, напримѣръ на кирпичный чай, особенно сравнительно съ сѣверно-енисейскими промыслами. Здѣсь, какъ и въ другихъ системахъ, золотопромышленники пользуются значительными доходами отъ продажи на пріискахъ товаровъ и припасовъ: такъ въ операцію 1891—92 г. Ниманская К° получила отъ этой продажи чистой прибыли 15939 руб.

Относительно семействъ рабочихъ мы находимъ въ договорахъ золотопромышленниковъ слѣдующія условія. Въ контрактѣ Верхне-Амурской К° 1871 г. сказано: «семействъ своихъ какъ брать съ собою, такъ и вызывать въ тѣ мѣста, гдѣ будемъ производить работы, не имѣемъ права безъ дозволенія управленія дѣлами компаніи или довѣренныхъ отъ него. Женщины, которыя съ надлежащаго разрѣшенія будутъ находиться при насъ, обязаны производить по распоряженію промысловаго управленія разныя работы, собственно женскія, какъ-то

мытье половъ, бѣлья, уходъ за коровами, огородами, приготовленіе пищи, мытье и починку кулей и т. п.; за все это они получаютъ поштучную, поденную или мѣсячную плату по назначенію пріискового управленія. Тѣ изъ насъ, кои будутъ исполнять обязанности постоянныя, какъ-то кухарки, прачки и проч., вправѣ пользоваться содержаніемъ отъ компаніи... и ежемѣсячнымъ жалованьемъ по назначенію пріискового управленія; тѣ-же, на коихъ не будетъ лежать такихъ обязанностей, содержанія отъ компаніи не получаютъ и обязаны платить К° по 4 р. въ мѣсяцъ, получая за то половинное отъ пріисковъ продовольствіе въ сравненіи съ рабочими... За ослушаніе, дурное поведеніе, пьянство, буйство и проч женщины могутъ быть немедленно удаляемы съ мѣста работъ и высылаемы съ пріисковъ». По договору съ тою-же К° 1883 г., назначено за такое-же содержаніе женщинъ уже по 6 руб. въ мѣсяцъ. По позднѣйшему договору съ тою-же К°, напечатанному г. Бацевичемъ, женщины получали только муку, въ количествѣ, выдаваемомъ рабочимъ мужского пола. По договору съ Нимапскою К° 1883 г., если кто изъ рабочихъ приведетъ съ собою женщинъ или дѣтей безъ предварительнаго на то разрѣшенія, то онѣ «препровождаются обратно на счетъ виновнаго, причемъ управленіе, кромѣ того, можетъ назначить за нарушеніе этого пункта контракта штрафъ до 25 руб. Со всѣхъ женщинъ, которымъ дозволено пребываніе на промыслахъ, но на которыхъ не возлагается постоянныхъ обязанностей, «пріисковое управленіе вычитаетъ по 10 р. въ мѣсяцъ». За дурное поведеніе женщины могли подвергнуться или высылкѣ съ пріисковъ на счетъ тѣхъ рабочихъ, съ которыми онѣ пришли, или штрафу отъ 3 до 10 р.! По договору съ Зейскою К° (первой половины 80-хъ гг.), въ случаѣ разрѣшенія привести съ собою семейство, рабочій принималъ на себя всѣ расходы по доставкѣ его на промысла и вывозу обратно. За содержаніе женщинъ, не несущихъ постоянныхъ обязанностей, полагалась плата по 7 р. въ мѣсяцъ за муку, крупу и соль въ томъ количествѣ, въ какомъ эти продукты отпускались рабочимъ.

Жены рабочихъ на пріискахъ Верхне-Амурской К° получали въ 1877 г. половинную порцію сравнительно съ ихъ мужьями, со взносомъ за это по 6 р. въ мѣсяцъ. Въ 1883 г. по отчету горнаго исправника на пріискахъ Нимапской К° женщины, занятыя лишь во временныхъ работахъ (мытье половъ, починка кулей) получали поденной платы 50 к. и винную порцію, но за содержаніе ихъ вычиталось по

40 к. въ день. Г. Оранскій въ своемъ отчетѣ зя 1889 г. говоритъ: «за содержаніе такихъ женщинъ, которыя не исполняютъ никакихъ по пріиску обязанностей, съ мужей ихъ удерживается 6—10 р. въ мѣсяцъ, причемъ онѣ получаютъ изъ пріисковыхъ магазиновъ муку наравнѣ съ рабочими. Такія женщины занимаются обыкновенно приготовленіемъ пищи для холостыхъ рабочихъ, починкою ихъ платья и заботятся о содержаніи въ чистотѣ рабочихъ казармъ, за что получаютъ плату отъ самихъ холостыхъ рабочихъ. На содержаніе дѣтей ничего не полагается.

IV.

Денежные штрафы и другія наказанія.—Горные исправники.—Казачья команда.

Въ контрактахъ амурскихъ золотопромышленниковъ, какъ и въ другихъ системахъ, рабочіе обязывались повиноваться пріисковому управленію, не дозволять себѣ грубостей и дерзостей, во время являться на работу, беречь инструменты, не обращаться жестоко съ лошадьми и не увѣчить ихъ.

По договорамъ Верхне-Амурской К°. 1871 и 1883 гг., пріисковое управленіе за несвоевременный выходъ на работу могло назначать штрафы за каждый просроченный часъ по 20 к. (въ случаѣ-же экстренныхъ работъ по 50 к. *), а за неявку на работу, самовольную отлучку, лѣность, пьянство, неповиновеніе, драку и буйство могло штрафовать «по своему усмотрѣнію», или предать рабочихъ «законной отвѣтственности, какъ нарушителей порядка и контракта». За прогулъ подъ предлогомъ болѣзни (притворной) назначенъ штрафъ въ 3 рубля. Если при переходѣ съ одного пріиска на другой рабочіе будутъ проходить менѣе 25 в. въ день, то также подвергались штрафу по 3 р. въ сутки и, кромѣ того, лишались за это время положенной платы. По договору этой К° 1883 г. за неявку на сборные пункты въ Срѣтенскъ или на пріиски къ назначенному времени К° вправѣ налагать на рабочихъ штрафы отъ 1 до 25 р., смотря по количеству просро-

*) По договору съ Нимаискою К° 1883 г. за каждый просроченный часъ назначенъ штрафъ вдвое болѣе

ченнаго времени *). По позднѣйшему договору Верхне-Амурской К°, за неявку на работы, за самовольныя отлучки, лѣность, пьянство, неповиновеніе, драку, буйство и другіе дурные поступки К° могла налагать штрафы отъ 3 до 10 р. **)

Постановленія контрактовъ о штрафахъ не оставались мертвою буквою. Такъ въ 1892 г. въ Ниманской К° взыскивались штрафы за прогулы отъ 1 до 5 р. Штрафы, взысканные въ этой К° за утайку золота и торговлю спиртомъ (въ размѣрѣ 435 р.), поступили въ пользу казачьяго отряда на пріiскахъ; губернаторъ Амурской области въ одной запискѣ 1894 г. свидѣтельствуетъ, что штрафы на мѣстныхъ пріiскахъ взимаются въ размѣрѣ 3—10 р.

Всѣ штрафы, установленные позднѣйшимъ договоромъ съ Верхне-Амурскою К° ,«должны поступать въ пенсіонную кассу для престарѣлыхъ и увѣчныхъ пріiсковыхъ рабочихъ, когда таковая будетъ учреждена, а до ея учрежденія на цѣли благотворительныя ***), въ пользу-же компаніи должны поступать только деньги, взысканныя съ рабочихъ за причиненный имп ущербъ, напримѣръ порчу инструментовъ, увѣчье лошади. Въ Ниманской К° въ 1892 г. взысканная съ рабочихъ сумма за прогулъ (533 р.) поступила въ особый капиталъ, предназначенный на устройство пріюта для престарѣлыхъ рабочихъ. Назначеніе штрафовъ на дѣла благотворительности мы встрѣтили только на амурскихъ промыслахъ.

Кромѣ штрафовъ, въ нѣкоторыхъ компаніяхъ практиковалось еще въ видѣ наказанія лишеніе винной порціи и половинной порціи мяса: такое правило было установлено контрактомъ Зейской К° за грубости и дерзости служащимъ, если артель не накажетъ за это виновнаго. Мѣстная полицейская власть подвергаетъ также рабочихъ аресту ****).

Пріiски Амурской и Приморской областей подчинены одному горному ревизору, который носитъ теперь названіе окружнаго инженера, а въ полицейскомъ отношеніи раздѣлены на 2 округа—Верхне-Амурскій и Буреинскій. Горные исправники не всегда, какъ слѣдуетъ, не-

---

*) Тоже въ договорѣ съ Зейскою К° первой половины 80-хъ г.г.

**) Тоже и по договору съ Ниманскою К° 1883 г.

***) Мы нигдѣ не нашли извѣстія, на что употребляется собираемая такимъ образомъ сумма.

****) Въ 1877 г. врачъ Андреенко, при осмотрѣ Алексѣевскаго пріiска Верхне-Амурской К° нашелъ, что казарма, въ которой помѣщаются казаки,—свѣтлая и чистая комната.

полняли свои обязанности. Такъ амурскій губернаторъ баронъ Оффенбергъ въ 1878 г. донесъ генералъ-губернатору Восточной Сибири, что, при осмотрѣ Верхне-Амурскихъ промысловъ, онъ «остался крайне недоволенъ дѣйствіями горнаго исправника Гизетти, допустившаго вкорениться на пріискахъ Верхне-Амурской К° «разныя неисправности» и «вполнѣ преданнаго не долгу службы, а интересамъ Верхне-Амурской К°. Пристрастныя и различнаго рода произвольныя дѣйствія г. Гизетти по дѣламъ служащихъ К° съ казаками, нерадѣніе его къ обязанностямъ горнаго исправника и не посѣщеніе имъ ни разу Алексѣевскаго пріиска» заставили командировать туда своего чиновника, и Гизетти «за совокупность его противозаконныхъ дѣйствій» получилъ строгій выговоръ съ предупрежденіемъ, что на будущій разъ онъ будетъ уволенъ отъ должности. Подчиненныхъ ему казаковъ исправникъ позволялъ себѣ даже подвергать тѣлесному наказанію безъ слѣдствія и суда. Горные исправники получаютъ отъ золотопромышленниковъ субсидіи, но нѣкоторые изъ нихъ, не довольствуясь этимъ, вымогаютъ отъ золотопромышленниковъ еще большія суммы. Такъ, мѣстный горный исправникъ, сверхъ установленнаго обычаемъ ежегоднаго пятитысячнаго оклада отъ Ниманской К°, потребовалъ отъ главноуправляющаго ея пріисками еще 5000 р. дополнительныхъ на покупку дома въ Благовѣщенскѣ и, получивъ отказъ, сталъ привлекать главноуправляющаго къ слѣдствію по разнымъ дѣламъ. Первое дѣло по жалобѣ одного рабочаго, получившаго ушибы при работахъ на пріискахъ, было первоначально прекращено по докладу того-же самаго горнаго исправника и болѣе 3-хъ лѣтъ лежало безъ движенія, но послѣ отказа въ выдачѣ дополнительной субсидіи было снова возбуждено. Второе дѣло объ умершемъ въ 1889 г. отъ угара въ шахтѣ рабочемъ тоже пролежало болѣе 4 лѣтъ и получило движеніе послѣ вышеупомянутаго отказа. Наконецъ, третье дѣло было возбуждено по поводу отобраннаго при содѣйствіи полиціи у рабочаго, унесшаго съ пріисковъ 1 фунтъ золота, которое будто-бы не было передано послѣ этого въ компанію, а утаено главноуправляющимъ. «Привлеченный по этимъ дѣламъ къ отвѣтственности обратился къ пріамурскому генералъ-губернатору съ просьбою оградить его отъ вымогательствъ горнаго исправника, а въ окружный судъ подалъ прошеніе объ отводѣ его, какъ явно пристрастнаго слѣдователя, пользующагося обвиненіемъ въ видахъ вымогательства. Никакихъ мѣръ къ отводу отъ производства слѣдствія горнаго исправника однако не послѣдовало, не смотря на то, что самъ исправникъ призналъ фактъ по-

лученія по 5000 р. въ годъ отъ администраціи Нижанскихъ пріисковъ. Оффиціально извѣщенный о поданныхъ на него жалобахъ горный исправникъ продолжаетъ вести слѣдствіе противъ жалобщика съ удвоенной энергіей и, какъ мѣру пресѣченія, постановляетъ отдать главноуправляющаго пріисковъ подъ надзоръ полиціи въ г. Благовѣщенскѣ, доставивъ его къ слѣдствію съ мѣста жительства подъ конвоемъ, съ тѣмъ, что если допрошенный не представитъ доказательствъ своей невинности, то будетъ заключенъ въ благовѣщенскую тюрьму» *). Мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобы рѣшить, на сколько было невинно пріисковое управленіе въ дѣлахъ о полученіи рабочимъ ушибовъ и о смерти отъ угара въ шахтѣ другого рабочаго, но во всякомъ случаѣ характерно, что первое изъ этихъ дѣлъ было сначала совсѣмъ прекращено тѣмъ-же горнымъ исправникомъ, а второе лежало нѣсколько лѣтъ безъ движенія до тѣхъ поръ, пока оба дѣла не были возбуждены подъ вліяніемъ чувства недовольства за неудовлетвореніе денежнаго вымогательства. Это—новое лишнее доказательство, какъ ненормально поставлена правительственная администрація на промыслахъ, и какъ необходимо, давъ представителямъ ея достаточное матеріальное обезпеченіе, преслѣдовать ихъ затѣмъ за всякое лихоимство, прикрываемое именемъ субсидій.

Казачья команда на амурскихъ промыслахъ **), кромѣ продовольствія и жалованья отъ казны, получаетъ то и другое и отъ пріисковыхъ управленій. Въ 1887 г. въ Верхне-Амурской и Зейской КК° казаки, кромѣ жалованья и кормовыхъ денегъ отъ казны, получали 12—18 р. въ мѣсяцъ отъ компаній и еще доходы въ видѣ вознагражденія въ размѣрѣ 20 р. за каждое конфискованное ведро спирта. Но пріисковая жизнь развращаетъ казаковъ такъ-же, какъ и рабочаго, и не увеличиваетъ ихъ благосостоянія ***). По свидѣтельству мѣстныхъ золотопромышленниковъ, эта низшая пріисковая администрація до крайней

*) По дѣлу о полученіи рабочимъ ушибовъ главноуправляющій былъ привлеченъ къ слѣдствію по 1494 ст. Улож. о Наказ.—Благодаря отъѣзду горнаго исправника въ командировку, дѣло было передано другому слѣдователю, который установилъ, что золото, отобранное у рабочаго, было своевременно сдано въ компанію, а затѣмъ въ горную лабораторію и, по его докладу, приамурскій генералъ-губернаторъ командировалъ чиновника особыхъ порученій для разсмотрѣнія дѣйствій горнаго исправника. «Русская Жизнь», 1894 г., №. 294.

**) Въ 1887 г. на промыслахъ Амурской и Приморской областей было 18 урядниковъ и 88 казаковъ, въ 1890 г. всего 109 человѣкъ, въ 1893 г.—142.

***) Подробнѣе объ этомъ см. въ газетѣ «Владивостокъ», 1887 г., № 51, стр. 5 и «Приамурскія Вѣдомости», 1894 г., № 42, стр. 10.

степени неудовлетворительна. Казачьи общества, при назначеніи казаковъ на промысла, «нисколько не руководствуются пригодностью и способностями людей, а въ большинствѣ случаевъ стараются сбыть самыхъ неблагонадежныхъ: бобылей, пьяницъ... и вообще тѣхъ, которые надоѣли обществу своимъ поведеніемъ... Казаки эти не только покровительствуютъ продажѣ золота и покрываютъ спиртоносовъ, но даже сами неоднократно попадались въ кражѣ золота. Разумѣется, рабочіе, зная всѣ ихъ продѣлки, держатъ казаковъ въ рукахъ, и послѣдніе не смѣютъ имъ сдѣлать даже простого замѣчанія». Амурскій губернаторъ Арсеньевъ также свидѣтельствуетъ (1894 г.), что урядники и казаки совершенно не подготовлены къ выполненію своихъ обязанностей и «не пользуются среди пріисковаго населенія авторитетомъ... Относясь къ своимъ обязанностямъ чисто формально, дабы не переступить букву закона, они лишены всякой инициативы и, въ большинствѣ случаевъ, будучи лишь грамотными, идутъ за разъясненіями при какомъ-либо казусѣ въ пріисковую контору или къ управляющему. Такимъ образомъ, эту единственную фактическую власть на промыслахъ *) рабочій привыкъ видѣть на службѣ управленія, а управленіе, изъ суммъ котораго выдается казакамъ жалованье и содержаніе, смотритъ на нихъ, какъ на лицъ, обязанныхъ выполнять его внушенія, если не прямыя распоряженія». Въ какой матеріальной зависимости находятся эти низшіе представители администраціи отъ пріисковыхъ управленій, видно изъ того, что въ 1893 г. урядники на промыслахъ Амурской области получали отъ золотопромышленниковъ 50—150 р. въ мѣсяцъ, казаки 15—35 р. при готовомъ помѣщеніи и содержаніи **).

---

*) Окружный инженеръ и горный исправникъ не всегда успѣваютъ объѣхать горные промысла въ теченіе цѣлаго года.

**) Кромѣ обыкновенныхъ казачьихъ отрядовъ Верхне-Амурская и Зейская КК° содержатъ вполнѣ на свой счетъ отрядъ конныхъ казаковъ въ 25 человѣкъ для преслѣдованія спиртоносовъ.

V.

Праздники и льготные дни.—Болѣзни рабочихъ.—Врачебная помощь.—Предположенія о вспомоществованіи рабочимъ, потерявшимъ способность къ труду.—Школы.—Побѣги рабочихъ.

Въ договорахъ съ Верхне-Амурскою К° 1871 г. и 1883 г. рабочіе обязывались трудиться каждый день, исключая первые 3 дня Пасхи и первый день Рождества Христова; затѣмъ во всѣ остальные праздничные дни они должны были выходить на работу безъ всякихъ отговорокъ. Но такъ какъ работать безпрерывно невозможно, то пріисковое управленіе обязалось давать рабочимъ «поочередно каждому за каждый полный мѣсяцъ работы одинъ день отдыха», если-же кто-либо изъ нихъ «проболѣетъ или по какимъ либо причинамъ пробудетъ безъ работы, то это время должно зачитываться за отдыхъ». Рабочіе, находящіеся на постоянныхъ занятіяхъ и получающіе мѣсячное жалованье, кромѣ плотниковъ (а по договору 1883 г. также и кромѣ кузнецовъ, молотобойцевъ, столяровъ, слесарей и печниковъ) льготными и праздничными днями пользоваться не должны. Въ позднѣйшемъ договорѣ съ Верхне-Амурскою К° вмѣсто 4 праздничныхъ дней перечислено уже 18, но за то сдѣлана оговорка, что управленіе должно давать 1 день отдыха («по очередно каждому или, если признаетъ возможнымъ, то и всѣмъ работающимъ на пріискѣ вмѣстѣ за одинъ разъ») только въ тѣ мѣсяцы, въ которые не будетъ встрѣчаться указанныхъ праздниковъ, такъ что въ сущности число дней отдыха почти не увеличено. *) По договору съ Нимапскою К° въ 1883 г. количество дней отдыха болѣе чѣмъ въ Верхне-Амурской, а именно праздновались 3 дня Пасхи, Благовѣщенье и 3 дня Рождества и затѣмъ за каждый полный мѣсяцъ работы давалось 2 дня отдыха; въ договорѣ-же Зейской К° (первой половины 80 гг.) праздновались только первые 3 дня Пасхи и первой день Рождества и за мѣсяцъ работы полагался 1 день отдыха. Въ обоихъ этихъ контрактахъ сдѣлана оговорка, что дни прогульные (по какимъ-бы ни было причинамъ) зачитывались въ дни отдыха. По свидѣтельству окружнаго ревизора (1886 г.) лѣтомъ на промыслахъ Амурской и Приморской областей дается 2 дня на отдыхъ; кромѣ того въ дождливые дни рабо-

*) Въ Верхне-Амурской К° (а также вѣроятно и другихъ) дается 8—10 дней отдыха въ сентябрѣ для рабочихъ, остающихся на зиму.

ты иногда пріостанавливаются. Амурскій губернаторъ Арсеньевъ также свидѣтельствуетъ (1894 г.), что «установился обычай давать по 2 праздничныхъ дня въ мѣсяцъ, причемъ въ дни большихъ праздниковъ, приходящихся во время работъ приготовительныхъ, команда увольняется вся полностью, за исключеніемъ, конечно тѣхъ рабочихъ, которые необходимы для безостановочнаго теченія жизни, т. е. хлѣбопековъ, конюховъ, сторожей, водовозовъ и т. п., а въ лѣтнее время тѣ-же 2 дня отдыха даются рабочимъ артелямъ поочередно». Въ дѣйствительности на промыслахъ Нижанской К° льготныхъ поденщинъ было въ 1881 г. 10%, т. е. по 3 въ мѣсяцъ, въ 1892 г. «льготныхъ по разнымъ причинамъ» — 7%, т. е. не многимъ болѣе двухъ въ мѣсяцъ.

По оффиціальнымъ отчетамъ о золотопромышленности Восточной Сибири число рабочихъ дней равнялось въ 1879-81 гг. на пріискахъ Амурской области 333—340, въ 1881 г. на пріискахъ Приморской области 150—180, въ 1883 г. въ Амурской и Приморской областяхъ 320—347, въ 1887 г. 332—340. Но большинство рабочихъ остается на промыслахъ только на лѣто. «Обыкновенно операція промывки золотосодержащихъ песковъ», говоритъ г. Бацевичъ, «здѣсь производится въ теченіе 4 мѣсяцевъ съ начала мая до начала сентября и только въ Амгунской системѣ по начало октября. Зимою-же ведутся только подготовительныя работы, каковы вскрыша торфовъ, проведеніе канавъ и др., а потому число рабочихъ въ эту пору сокращается болѣе, чѣмъ на половину».

Пріисковыя работы весьма неблагопріятно отзываются на здоровьи рабочихъ; этого не отрицаетъ и пріисковая администрація. По свидѣтельству уполномоченнаго Верхне-Амурской К°, рабочіе выходятъ съ пріисковъ далеко не всѣ вполнѣ здоровыми и «чрезъ извѣстный» промежутокъ времени нѣкоторые изъ наиболѣе слабыхъ заболѣваютъ иногда очень сильно. Преобладающими болѣзнями на пріискахъ по р. Амгуни были въ 1893 г. перемежающаяся лихорадка, цынга, грипъ, ревматизмъ, ушибы и «общее недомоганіе отъ работъ». Въ графѣ болѣзней на промыслахъ Нижанской К° значится въ 1893 г. и «мышечная усталость», слѣдовательно переутомленному рабочему дается изрѣдка возможность отдохнуть *). Напротивъ въ Верхне-Амурской К° въ

*) Такихъ больныхъ въ 1893 г. на пріискахъ Нижанской К° было 132. («Вост. Обозр.») 1895 г. № 30 стр. 2. Въ 1881 г. на Нижанскихъ промыслахъ больныя поденщины составляли почти 10% всѣхъ поденщинъ (рабочихъ, больныхъ и льготныхъ), а въ 1892 г. на Нижанскихъ промыслахъ 7% всѣхъ поденщинъ. Вообще-же въ Амурской и Приморской областяхъ больныя поденщины на промыслахъ составляли 3—5% всѣхъ поденщинъ.

1877 году рабочіе, при посѣщеніи пріисковъ губернаторомъ, «заявили претензію, что во время случающихся болѣзней они употребляются на работу». Это подтвердилъ и врачъ Андреенко, которому поручено было осмотрѣтъ пріиски этой компаніи въ санитарномъ отношеніи. На работахъ въ разрѣзѣ онъ видѣлъ больного, у котораго была рана на подошвѣ, требующая медицинскаго пособія и лазаретнаго леченія. Тотъ не разъ обращался къ лицу, правшему на пріискѣ роль фельдшера, но не находилъ у него помощи и не былъ принятъ въ больницу.*)

Съ какимъ величайшимъ небреженіемъ относятся иногда золотопромышленники къ здоровью рабочихъ, видно изъ слѣдующихъ словъ окружнаго ревизора Оранскаго. Въ 1884 г. рабочіе, нанятые въ Томской губерніи на промысла Нижанской К°, «прибыли на мѣсто въ числѣ 150 человѣкъ, но большинство изъ нихъ, проработавъ мѣсяцъ на Николаевскомъ пріискѣ, гдѣ подземныя работы чрезвычайно тяжелы, должны были отказаться отъ нихъ, захворавъ обыкновенною въ болотистыхъ мѣстностяхъ болѣзнью—цынгою. Лучшимъ средствомъ противъ цынги служитъ для нашихъ рабочихъ черемша (свѣжая или соленая) и дубовая кора, но такъ какъ въ Нижанской тайгѣ ни той, ни другой не имѣется, то больныхъ оставляли на произволъ судьбы, предоставивъ имъ купаться въ рѣчкѣ Олгѣ, вода которой исцѣляетъ будто-бы цынгу. «Въ бытность мою въ Нижанской системѣ,» продолжаетъ г. Оранскій, «на Софійскомъ пріискѣ въ маленькой грязной избушкѣ помѣщалось 60 человѣкъ томскихъ рабочихъ, больныхъ цынгою; какъ больнымъ и неработающимъ, пищевое довольствіе было уменьшено, хотя цынга принадлежитъ къ числу такихъ болѣзней, которыя, не давая возможности работать, не лишаютъ тѣмъ не менѣе аппетита. За все время болѣзни, которая продолжалась ни болѣе ни менѣе какъ 3 мѣсяца больнымъ рабочимъ не выдавали жалованья, и несчастные томичи принуждены были по окончаніи операціи уйти съ пріисковъ. Не ихъ вина, конечно, что вѣчная сырость на пріискахъ Нижанской К° способствуетъ сильному развитію цынги, которой особенно подвержены вновь прибывающіе, не привыкшіе къ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ; наоборотъ, виновато вполнѣ пріисковое управленіе, не позаботившееся о пріобрѣтеніи черемши и дубовой коры».

---

*) Управляющій пріисками увѣрялъ, будто рабочій самъ не захотѣлъ лѣчиться, желая побольше заработать.

А между тѣмъ, по договорамъ съ рабочими, пріисковыя управленія обязывались оказывать имъ врачебную помощь безвозмездно. Дѣйствительно, съ этою цѣлью было устроено извѣстное число больницъ: въ 1881—87 гг. въ Амурской области было въ пріисковомъ районѣ отъ 10 до 18 больницъ на 175—294 кровати, въ Приморской области 1—2 больницы на 9—22 кровати. Но больницы на нѣкоторыхъ промыслахъ были далеко не удовлетворительны. Врачъ Андреенко, при осмотрѣ въ 1877 г. Алексѣевскаго пріиска Верхне-Амурской К°, нашелъ что больные рабочіе «помѣщаются временно въ отдѣльномъ зданіи, непригодномъ по причинѣ тѣсноты и неприспособленномъ для этой цѣли». Больные помѣщались не на кроватяхъ, а на скамьяхъ по стѣпамъ и у печки, отхожее мѣсто находилось внѣ больницы. «Помѣщеніе аптеки вполнѣ неудобное. Замѣтно небрежное обращеніе съ медикаментами: нѣкоторыя банки не только не закупорены, но даже ничѣмъ не покрыты». Впрочемъ, этотъ врачъ сообщалъ, что на пріискѣ строилась новая удобная больница. Напротивъ, на Иннокентіевскомъ пріискѣ К° Собашникова онъ нашелъ хорошее помѣщеніе для больныхъ. Амурскій губернаторъ баронъ Оффенбергъ въ томъ-же 1877 г. вынесъ весьма неблагопріятное впечатлѣніе при посѣщеніи больницъ Верхне-Амурской К°. Онъ нашелъ, что больные въ лазаретахъ на Джалиндинской пристани и на Васильевскомъ пріискѣ носятъ ветхое и чрезвычайно грязное бѣлье, а больничное бѣлье, хранящееся въ складахъ сшито изъ самаго грубаго подкладочнаго холста и хорошо не промывается. Главно-управляющій Басинъ обѣщалъ сшить для больныхъ новое бѣлье. Въ 1878 г. Верхне-Амурская К° устроила 3 хорошихъ лазарета на своихъ промыслахъ и резиденціи, и членъ совѣта Главнаго Управленія Восточной Сибири, посѣтившій больницу на Джалиндинской резиденціи, состоящую изъ 3 просторныхъ и свѣтлыхъ комнатъ, далъ о ней самый лучшій отзывъ. По словамъ горнаго инженера Оранскаго (1886 г.), медицинская часть на пріискахъ Амурско-Приморскаго округа не можетъ вообще считаться въ цвѣтущемъ состояніи... Я видѣлъ, какъ больные рабочіе Верхне-Амурской К° отправлялись въ особыхъ телѣжкахъ въ г. Благовѣщенскъ, хотя на пріискахъ этой К° есть и доктора, и аптеки, и больницы, устроенныя какъ нельзя лучше и снабженныя всевозможными медикаментами; но только на пріискахъ этой компаніи. На пріискахъ Нимаиской К° хотя и живетъ постоянный врачъ, но больницы въ 1894 г. представляли самый жалкій видъ. Сырость грязь, тѣснота въ нихъ влекутъ за собой слишкомъ продолжи-

тельное лѣченіе больныхъ». Но въ то-же время г. Оранскій утверждаетъ, что «вообще на пріискахъ Амурско-Приморскаго округа, кромѣ Ниманскихъ, больницы содержатся довольно опрятно, снабжены главнѣйшими медикаментами и необходимыми для поданія первой помощи хирургическими приборами; къ послѣднимъ, впрочемъ, приходится прибѣгать очень рѣдко». Черезъ 3 года г. Оранскій далъ уже совершенно иной отзывъ о больницахъ Ниманскихъ промысловъ; въ отчетѣ за 1889 г. онъ писалъ: «медицинская часть на Ниманскихъ пріискахъ обставлена весьма удовлетворительно, и въ этомъ отношеніи они занимаютъ не послѣднее мѣсто въ ряду другихъ Компаній Амурскаго округа.*) Г. Бацевичъ нашелъ въ Верхне-Амурской К° «хорошо обставленныя больницы».

На промыслахъ Амурской области въ 1879-82 гг. былъ 1 докторъ, въ 1883—91 г. два врача, **) въ 1893 г. 3 доктора, на Нижне-Дмитріевскомъ пр. Джалиндинской системы, на Иннокентіевскомъ Зейской и на Софійскомъ Ниманской. Въ Приморской области на пріискахъ докторовъ въ это время не было.

Извѣстно, что пріисковые фельдшера сплошь и рядомъ весьма мало пригодны для исполненія своихъ обязанностей. Докторъ Андреенко въ своемъ донесеніи (1877 г.) говоритъ, что Алексѣевскимъ пріискомъ Верхне-Амурской К°, по словамъ управляющаго, завѣдываетъ отставной фельдшеръ Дефинскій, по показанію-же рабочихъ благовѣщенскій мѣщанинъ Ромбахъ, у котораго не было никакихъ документовъ, дающихъ право медицинской практики. «Рабочіе единогласно заявили о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ Ромбахомъ больнымъ, обращавшимся за совѣтомъ и лѣкарствами онъ грубо отказывалъ, больныхъ высылалъ на работы». Совсѣмъ другого рода фельдшеръ, по фамиліи Казаковъ, былъ на Иннокентіевскомъ пріискѣ К° Собашникова: рабочіе не только не заявляли на него никакихъ претензій, а напротивъ высказали благодарность за его труды и готовность во всякое время подавать медицинскую помощь. По словамъ г. Оранскаго (1886 г.), фельдшера «нерѣдко въ то-же время исполняютъ обязанности смотрителей, матеріальныхъ и другихъ служащихъ въ пріисковыхъ управленіяхъ***). Въ отчетѣ за 1889 г. онъ

---

*) Въ 1881 г. Ниманская К° тратила на содержаніе больницъ 9228 р., въ 1892 г. почти вдвое, болѣе 17411 р.

**) На пріискахъ Верхне-Амурской и Ниманской ККº.

***) Тоже онъ повторяетъ и въ отчетѣ за 1893 г.

свидѣтельствуетъ, что» лишь на 2—3 пріискахъ съ ничтожнымъ числомъ рабочей команды не имѣется ни больницъ, ни фельдшеровъ; пособіе такимъ больнымъ подается фельдшерами сосѣднихъ пріисковъ или ближайшихъ населенныхъ мѣстъ (какъ въ верховьяхъ Амура) *).

Число заболѣвшихъ на пріискахъ Амурской и Приморской областей составляло въ 1881—3, 85—7 гг. отъ 92 до 146% всѣхъ рабочихъ, въ среднемъ за эти годы 118%; число умершихъ составляло 0,5—1% всѣхъ рабочихъ.

Въ 1883 г. управляющимъ Ниманскими промыслами Л. Ѳ. Пантелѣевымъ былъ включенъ въ контрактъ съ рабочими слѣдующій параграфъ: «Мы, рабочіе, предоставляемъ управленію компаніи удерживать съ каждаго рубля причитающейся намъ при разсчетѣ додачи 1 копейку для образованія капитала на постройку въ г. Благовѣщенскѣ дома для престарѣлыхъ или не могущихъ работать пріисковыхъ рабочихъ; управленіе компаніи со своей стороны каждогодно вноситъ для этой-же цѣли сумму, равную той, какая въ этомъ году будетъ получена отъ рабочихъ». Въ томъ-же году г. Пантелѣевъ подалъ записку амурскому губернатору, въ которой, приведя указанный параграфъ контракта, говоритъ: «мнѣ кажется, если-бы прочія золотопромышленныя компаніи на Амурѣ нашли возможнымъ ввести въ своихъ контрактахъ подобные-же параграфы, то года черезъ 2 нетрудно было-бы приступить къ постройкѣ сначала временнаго пріюта для рабочихъ, а затѣмъ постепенно можно было-бы устроить постоянную богадѣльню съ больницею. Денежная додача рабочимъ при разсчетѣ на амурскихъ пріискахъ по меньшей мѣрѣ составляетъ 100000 р. въ годъ, и есть много основаній полагать, что она значительно выше, но даже со 100000 р. ежегодный сборъ дастъ 2000 р. (по 1% съ рабочихъ и по столько-же съ компаній). А такъ какъ золотопромышленность на Амурѣ еще въ началѣ своего развитія, то этимъ сборомъ не только можно обезпечить содержаніе пріюта, но и постепенно образовать фондъ для того времени, когда золотопромышленность на Амурѣ начнетъ упадать, а вмѣстѣ съ нею и заработокъ рабочихъ вслѣдствіе пониженія платы» А. Ѳ. Пантелѣевъ предлагалъ амурскому губернатору «циркулярно пригласить амурскихъ золотопромышленниковъ или ихъ представителей высказаться» по этому предмету, и въ случаѣ благопріятнаго отзыва съ ихъ стороны созвать предварительное собраніе «для дальнѣйшаго направленія дѣла».

*) Въ 1887 г. на пріискахъ Амурской области было 14 фельдшеровъ и 1 акушерка въ Приморской—2 фельдшера, въ 1893 г. въ Амурской области 29 фельдшеровъ.

Повидимому, предложеніе это не было исполнено, а съ отъѣздомъ его сборы на богадѣльню въ Благовѣщенскѣ прекратились и на промыслахъ Нимапской К°.

Въ «Восточномъ Обозрѣніи» были высказаны весьма дѣльныя замѣчанія на проектъ г. Пантелѣева и между прочимъ указано на то, что по его предложенію слишкомъ малые платежи должны были пасть на золотопромышленниковъ; затѣмъ, если даже принять общую сумму додачи не въ 100000, а въ 150000 р., то ежегодный сборъ будетъ равняться всего 3000 р. Авторъ замѣчаній полагалъ, что было-бы справедливѣе обложить съ тою-же цѣлью исключительно золотопромышленниковъ: «2 р. съ годового рабочаго при стоимости его болѣе чѣмъ въ 1000 р. для каждаго золотопромышленника будетъ весьма умѣреннымъ обложеніемъ, а въ итогѣ получится солидная цифра (съ $3^1/_2$ тысячъ рабочихъ на амурскихъ пріискахъ) въ 7000 р., сумма, утилизація которой по разбираемому вопросу можетъ дать весьма дѣйствительные результаты».*).

Какъ печально въ настоящее время положеніе увѣчныхъ и выработавшихся пріисковыхъ рабочихъ, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго сообщенія: «Въ г. Николаевскѣ проживаетъ большое число нищихъ. Большинство изъ нихъ бывшіе пріисковые рабочіе, получившіе тяжелыя увѣчья и ставшіе неспособными къ труду». Пріисковыя управленія ограничиваются выдачею этимъ несчастнымъ «единовременнаго пособія отъ 25 до 50 р. (!). Получивъ пособіе, калѣки стекаются въ г. Николаевскъ, становясь не малымъ бременемъ для мѣстнаго общества». **)

Школъ на промыслахъ Амурской области весьма немного. Въ отчетѣ горнаго исправника Верхне-Амурскихъ промысловъ за 1874 г. мы находимъ извѣстіе, что на пріискахъ Верхне-Амурской К° открыта въ этомъ году «первоначальная школа для безплатнаго образованія дѣтей рабочихъ и служащихъ, въ которой въ настоящее время обучается до 20 человѣкъ обоего пола... Обученіе идетъ весьма успѣшно; въ помощь учителю жена управляющаго Васильевскимъ пріискомъ приняла на себя занятія съ дѣвочками, преимущественно рукодѣліемъ, а преподаваніе Закона Божьяго поручено промысловому священнику». Въ 1886 г. на амурскихъ промыслахъ было 2 школы содержащихся на счетъ компаніи одна на Васильевскомъ пріискѣ, другая на Джалиндин-

*) «Восточное Обозрѣніе» 1884 г., № 8, стр. 9—11.

**) «Восточное Обозрѣніе», 1894, № 83, стр. 2.

ской резиденціи Верхне-Амурской К°, но въ слѣдующемъ году онѣ, какъ видно, были перенесены на другіе пріиски. По словамъ «Восточнаго Обозрѣнія» *) «въ сентябрѣ 1887 г. на Зейскихъ пріискахъ Верхне-Амурской К° открыто 2 школы съ программой двухъ-классныхъ народныхъ училищъ. Одна школа на 30 человѣкъ учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ на Зейской пристани, расположенной въ 600 верстахъ отъ Благовѣщенска вверхъ по р. Зеѣ, другая на 60 человѣкъ учащихся на Иннокентіевскомъ пріискѣ той-же компаніи. Школы возникли по иниціативѣ самихъ служащихъ на пріискахъ содержатся исключительно на средства пріисковаго населенія съ поддержкой отъ мѣстнаго управленія компаніей .. Въ школѣ Зейской пристани состоятъ преподаватель и учительница, а въ Иннокентіевской 2 преподавателя и постоянная классная дама. Кромѣ того, пріисковое населеніе выбрало изъ своей среды 6 временныхъ классныхъ дамъ для ежедневнаго дежурства въ школѣ, что вызвано необходимостью усиленнаго ухода за дѣтьми, представляющими изъ себя начальные типы маленькихъ заброшенныхъ пріискателей, на которыхъ казарма такъ или иначе уже положила печать арестантскихъ правовъ .. Плата за обученіе дѣтей служащихъ по 50 р. съ каждаго... Дѣти рабочихъ учатся въ школахъ или безплатно или за самую ничтожную плату, что зависитъ отъ остатковъ школьнаго бюджета. За прошлый учебный сезонъ за рабочихъ было уплачено до 1000 р. изъ средствъ школъ. Не смотря на короткое время существованія школъ, онѣ въ настоящее время имѣютъ хорошія библіотеки учебныхъ пособій, снабжены всѣми средствами для наглядnаго обученія, какъ-то волшебными фонарями, физическими и химическими кабинетами. Кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ въ школахъ обучаютъ гимнастикѣ и пѣнію». Компанія давала на школы всего 1000 р., между тѣмъ какъ ихъ содержаніе стоило 7000 р «Учредителемъ и устроителемъ школъ былъ нынѣ уѣхавшій съ Амура бывшій управляющій пріисками Верхне-Амурской К° А. В. Янчуковскій».

Что двѣ вышеупомянутыя школы на Зейской пристани и Иннокентіевскомъ пріискѣ были учреждены не сверхъ прежде существовавшихъ двухъ школъ Верхне-Амурской К°, а взамѣнъ ихъ, видно изъ слѣдующихъ словъ г. Оранскаго въ его отчетѣ за 1889 г.—«Не смотря на значительное число дѣтей на пріискахъ въ Амурскомъ округѣ. мѣстные промышленники не особенно озабочены ихъ элементарнымъ образованіемъ. Въ этомъ отношеніи... впереди другихъ идетъ Верхне-Амур-

*) 1889 г., № 9. стр. 8—9.

ская К°. Такъ на Иннокентіевскомъ ея пріискѣ построено училище на 50 человѣкъ мальчиковъ и дѣвочекъ, въ которой преподаетъ священникъ и особые учитель и учительница... Такая-же школа имѣется на Зейской пристани той-же К° и только. На всѣхъ пріискахъ другихъ владѣльцевъ нѣтъ ни школъ, ни учителей, и дѣти пріисковыхъ рабочихъ лишены возможности получать на мѣстѣ какое-бы то ни было образованіе». Въ 1890 г. въ 2 школахъ Верхне-Амурской К° было 5 преподавателей, въ 1891 г. учащихъ было 4, учащихся 99 человѣкъ. Г. Бацевичъ говоритъ, что на Зейской пристани двухклассная школа, располагающая прекраснымъ просторнымъ помѣщеніемъ, такъ обставлена учебными пособіями, что ей могутъ позавидовать многія школы городовъ центральной Россіи. Дѣти учатся безплатно. На пріискахъ другихъ компаній школъ нѣтъ.

Въ 1879 г. съ пріисковъ Амурской области бѣжало 0,2% всѣхъ рабочихъ, въ 1881 г. съ пріисковъ Амурской и Приморской областей 0,6%, изъ нихъ поймано 14% бѣжавшихъ. Въ 1881 г. бѣжало 1,4%, изъ нихъ поймано 15%; если-же взять отдѣльно число бѣжавшихъ рабочихъ Приморской области, то окажется, что тамъ они составляютъ 15% всѣхъ рабочихъ. Въ 1882 г. съ промысловъ обѣихъ областей бѣжало 1,3%, въ 1883 г. 0,8%, а съ промысловъ одной Приморской области въ 1882 г 8%, а въ 1883 г. 5%, въ 1887 г. въ обѣихъ областяхъ 0,4%. Такимъ образомъ, на промыслахъ Амурской области процентъ побѣговъ самый ничтожный, а на пріискахъ Приморской области гораздо болѣе значительный.

VI.

Заработки рабочихъ.—Додачи. Долги.—Разсчетъ съ рабочими.—Возвращеніе ихъ съ пріисковъ.

Средняя заработная плата на пріискахъ Верхне-Амурской К° въ 1871 г., по словамъ амурскаго губернатора, равнялась 265 р. По отчетамъ о золотопромышленности въ Восточной Сибири, средній годовой заработокъ на промыслахъ Верхне-Амурской К° равнялся для мужчинъ 329 р., женщинъ 160 р., на пріискахъ Зейской и Ниманской КК° мужчинъ 287 р. (сверхъ того за подъемное золото отъ 100 до 600 р.), женщинъ 90 р. По отчету 1880 г. средній заработокъ на пріискахъ Амурской области равнялся 360 р. для мужчинъ и 125 р. для женщинъ, въ 1881 г. на пріискахъ Приморской области для мужчинъ 200 р. По отчету горнаго исправника Буреинской системы за 1882 г. средняя заработная плата мужчинамъ на пріискахъ Зейской К° равнялась 380 р., женщинамъ 120 р. въ годъ По отчету Ниманской К° за 1881 г. средняя плата годовому рабочему равнялась 278 р. По свидѣтельству «Восточнаго Обозрѣнія» средній годовой заработокъ пріисковаго рабочаго въ Приамурскомъ краѣ въ 1885 г. былъ слѣдующій: въ Верхне-Амурской К° 490 р., у бр. Бутиныхъ на Амгуни 430 р., у Тетюкова (тамъ-же) 300 р., въ Зейской и Ниманской КК°—420 р., у Бутиныхъ на Буреѣ 360 р. и на Урушинскихъ пріискахъ 300 р. Плата большая сравнительно со стоимостью труда въ Европейской Россіи, но рядомъ съ нею на пріискахъ существуетъ страшная дороговизна на все необходимое, и главное—соблазнъ водки». *) Въ оффиціальныхъ обзорахъ Амурской области цифры вознагражденія годовыхъ рабочихъ выше только что приведенныхъ: въ 1887—90 гг. средняя годовая плата рабочаго на пріискахъ Верхне-Амурской и Зейской системъ—500—600 р., Ниманской системы 410—450 р. Въ 1891 г. средняя годовая плата на пріискахъ Верхне-Амурской и Зейской системъ 144—170 р., Ниманской 200—770 р. Въ «Обзорѣ за 1892 г.» средняя годовая плата показана по отдѣльнымъ компаніямъ, а именно на пріискахъ Верхне-Амурской, Верхне-Зейской и Джолонской К°К° 396 р., Ниманской 420 р., Стрѣтенскаго товарищества 350 р.,

*) «Восточное Обозрѣніе», 1886 г., № 32, стр. 9.

Ельцова и Левашева 420 р., Смотрицкаго 180 р., Долгашева 1056 р. (?), Толмачева 700 р., Софонова 300 р., Емельянова 246 р. По отчету Иркутскаго Горнаго Управленія за 1893 г. годовой заработокъ рабочаго на промыслахъ Амурской и Приморской областей колеблется между 240 и 600 р. Въ бассейнѣ р. Амгуни въ томъ-же году, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, средній годовой заработокъ на пріискѣ Тетюкова равнялся 307 р., Приамурскаго Т—ва 360 р., Амгунской К° 519 р. и компаніи Ельцова и Левашева 549 р.

Нѣкоторыя изъ приведенныхъ цифръ выше дѣйствительнаго *средняго* годового заработка. По крайней мѣрѣ по словамъ лица, очевидно, хорошо знакомаго съ положеніемъ рабочихъ на амурскихъ промыслахъ, «годовой» рабочій, т. е. нанимающійся на годъ сплошь на зиму и лѣто, не могъ заработать въ концѣ 80 гг. болѣе 500 р. въ годъ; «отсюда надо вычесть 250 р. на одежду и (добавочные) харчи, останется 250 р., изъ которыхъ 100 задатку, а 150 «додачи»... Если-же, что зачастую бываетъ, онъ попадетъ на разныя работы, въ поторжные или въ прислугу, то разсчитывать болѣе, чѣмъ на 300 р. въ годъ, нельзя».*)

Что касается заработка, въ теченіе лѣтней операціи, то, по словамъ г. Оранскаго (1886 г.), можно принять, что въ среднемъ онъ составлялъ на пріискахъ Верхне-Амурской К° около 420 р., на пріискахъ Нижне-Амурскихъ 285 р. **), кромѣ платы за подъемное и намытое по окончаніи урочныхъ работъ золото. Но цифры эти, какъ оказывается, также преувеличены. Г. Я—й, относительно операціоннаго заработка рабочихъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія: «Относительно платы лучше поставлены горные рабочіе, число которыхъ составляетъ 40% общаго числа. Рабочіе на горной работѣ могутъ, въ теченіе 100 промысловыхъ дней, въ которые только и возможна промывка въ здѣшнемъ краѣ вслѣдствіе климатическихъ условій, заработать ни въ какомъ случаѣ не болѣе 200 р.». Но чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить значеніе этого заработка, нужно принять во вниманіе слѣдующія данныя, приводимыя далѣе тѣмъ-же авторомъ: «компанейское содержаніе далеко не обезпечиваетъ рабочаго... Въ среднемъ за эти 100 дней

*) *А. Я—й.* «Отъ Срѣтенска по Шилкѣ и Амуру», «Сибирскій Сборникъ», 1889 г., т. I, 59—60.

**) Почти тѣ-же цифры указалъ Оранскій и въ отчетѣ за 1889 г. 450 р. на первыхъ и 280 р. на вторыхъ пріискахъ, а въ отчетѣ за 1893 г.- 400 р. на первыхъ и 350 р. на вторыхъ.

рабочему надо: на свои харчи 30 р., на одежду 40 р. Останется, значитъ, 130 р., изъ которыхъ 100 взято задаткомъ, а 30 онъ получилъ «въ додачу» при разсчетѣ. Хотя компанія и доставляетъ рабочихъ до Срѣтенска на свой счетъ, давая на дорогу сахару и кирпичный чай, но отъ Срѣтенска до дому еще отъ 10 до 40 дней ходу, такъ какъ рабочіе нанимаются въ Нерчинско Заводскомъ и преимущественно въ Верхнеудинскомъ округахъ Забайкальской области. За дорогу онъ прохарчится на всѣ, придетъ домой въ истоптанныхъ бродняхъ и старой рубахѣ въ совершенно безполезное время для работъ дома въ деревнѣ зимой. Онъ только и ждетъ новой наемки ради задатка, а тамъ опять «лупи, паря, за додачей». Справедливость требуетъ считать эти 130 р. какъ-бы заработанными за цѣлый годъ. Если среднюю плату за трудъ чернорабочаго во внутренней Россіи примемъ 50 к., то онъ въ теченіе года заработаетъ тамъ 180 р. и никакимъ образомъ не издержитъ болѣе 50 р. на свои незамысловатые харчи. Такимъ образомъ, заработокъ лучшаго горнаго рабочаго на пріискахъ едва равносиленъ ничтожному заработку россійскаго чернорабочаго... Положеніе годового рабочаго нѣсколько лучше, чѣмъ лѣтняго» (см. выше), «но при условіи, если этотъ рабочій здоровъ, силенъ, ладитъ съ управленіями и можетъ разсчитывать лѣтомъ быть на горной работѣ, т. е. представляетъ собою счастливое исключеніе». *) Но нужно помнить, что годовыхъ рабочихъ на Амурѣ немного сравнительно съ нанимающимися на одну лѣтнюю операцію, такъ какъ почти вездѣ горныя работы вѣдутся здѣсь въ открытыхъ разрѣзахъ.

Мы видѣли, что въ контрактахъ горнорабочимъ назначались уроки, но чтобы понудить ихъ къ усиленному труду золотопромышленники оплачиваютъ значительно дороже сверхъурочную работу. «При точномъ соблюденіи главныхъ пунктовъ контракта» (т. е. при исполненіи установленныхъ контрактомъ уроковъ), говоритъ тотъ-же авторъ въ «Восточномъ Обозрѣніи», «рабочему мало интереса идти на пріиски. За 100 дней онъ, заработаетъ на пескахъ болѣе 143 р., на торфахъ болѣе 113 р., эти деньги онъ уже получилъ при наемкѣ впередъ, т. е. задаткомъ, а ему предстоитъ почти цѣлый годъ маяты: идти тысячи верстъ впередъ на пріиски и столько-же назадъ... Но тутъ его выручаетъ тотъ-же контрактъ, который гласитъ: а если артель будетъ вырабатывать 6 или 7 сажень, то за каждую шестую, седьмую управ-

*) «Сибирскій Сборникъ», 1889 г., вып. I., стр. 59—60.

ляющій платитъ за торфы по 4 р., а за пески по 5 р., значитъ, заработокъ можетъ удвоиться; эта вся надежда пріисковаго рабочаго; онъ всегда разсчитываетъ на сверхконтрактный заработокъ... Всегда принимаются все мѣры обезпечить шестую и седьмую сажени; но подобную работу способенъ вынести не всякій изъ пріискателей, самые дюжіе къ половинѣ лѣта слабѣютъ... Такъ что наибольшая сумма сверхконтрактнаго заработка достигаетъ едва 100 р. за все лѣто» *), слѣдовательно весь заработокъ за лѣтнюю операцію будетъ равняться 243 р. на пескахъ и 213 на торфахъ **).

На основаніи отчетовъ горныхъ исправниковъ, мы можемъ вычислить средній заработокъ рабочаго обоего пола въ поденщину на Верхне-Амурскихъ промыслахъ. Оказывается, что на промыслахъ Верхне-Амурской К° средній заработокъ въ день вмѣстѣ съ подъемнымъ и старательскимъ золотомъ колебался въ 1881—84 гг. между 1 р. 12 к. и 1 р. 29 к., а въ Ниманской К° въ 1882—86 г. г. равнялся 1 р. 9 к. 1 р. 50 к., но въ другихъ компаніяхъ заработки были ниже и падали въ 1885—86 гг. на пріискахъ Тетюкова до 68—69 к. въ день.

На основаніи данныхъ о среднемъ заработкѣ въ 1 день повидимому очень легко вычислить, что могъ зарабатывать рабочій, трудившійся на промыслахъ цѣлый годъ; но эта цифра будетъ нѣсколько выше дѣйствительной, такъ какъ она получена какъ среднее изъ заработковъ всѣхъ рабочихъ, а большинство ихъ работаетъ только лѣтомъ и получаетъ плату болѣе высокую, чѣмъ зимою. Точно также если мы раздѣлимъ общую сумму заработка рабочихъ, указываемую въ отчетахъ горныхъ исправниковъ, на число рабочихъ, то получимъ сумму, которая будетъ менѣе заработка годового рабочаго и больше операціоннаго заработка, хотя и ближе къ этому послѣднему. Вычисленный такимъ образомъ средній заработокъ на промыслахъ Верхне-Амурской К° равнялся въ 1881—84 гг 241—248 р., на пріискахъ Зейской К° въ тѣ-же годы 183—224 р., Ниманской К° въ 1882—86 гг. 200—334 р., на пріискахъ бр. Бутиныхъ въ 1883—85 гг. 170—225 р., на пріискахъ Тетюкова въ 1885—86 гг. 98—117 р., въ 1892 г. въ Ниманской К° равнялся

*) *А. Я.* «Наша золотопромышленность». «Восточное Обозрѣніе», 1889 г., № 14, стр. 8.

**) Въ одной мѣстной газетѣ мы находимъ указаніе, что на пріискѣ бр. Бутиныхъ по р. Амгуни мѣсячный заработокъ рабочаго вмѣстѣ съ подъемнымъ золотомъ до 40 р., на промыслахъ Верхне-Амурской К° 65—70 р., въ Ниманской К° до 45 р. Такъ какъ лѣтняя операція продолжается 4 мѣсяца, то слѣдовательно весь лѣтній заработокъ равняется въ этихъ компаніяхъ 160 р., 260—280 р. и 180 р., «Владивостокъ», 1886 г., № 2, стр. 3.

328 р., на всѣхъ амурскихъ промыслахъ (Верхне-Амурской и Буреинской системы) средній заработокъ рабочаго равнялся въ 1885 г. 245 р., въ 1886 г.—233 р.

На основаніи тѣхъ-же отчетовъ горныхъ исправниковъ мы можемъ вычислить, какъ распредѣляется заработокъ рабочихъ на то, что получено при наймѣ, заборъ на пріискахъ и додачу. Оказывается, что въ 1881—86 и 1892—93 гг. на различныхъ пріискахъ сумма, выданная въ задатокъ составляла отъ 6 до 33% всего заработка, отосланная съ пріисковъ на подати и семейства равнялась 2 16%, выданная на руки деньгами, вещами и припасами во время работъ 24—76% (тамъ, гдѣ выдача на пріискахъ деньгами и припасами показана отдѣльно, выдача деньгами равняется 7—29%, товарами 35—49), наконецъ, додача составляетъ 10—40% заработка. Изъ этого видно, какую значительную часть заработка рабочіе получали на пріискѣ товарами и какъ невелика была додача. *)

Часть рабочихъ не только не получаетъ никакой додачи, но остается еще въ долгу. Въ 1874 г. на промыслахъ Верхне-Амурской К° остались должными 41 человѣкъ **) (преимущественно больные и подлежащіе воинской повинности) на сумму 2400 р. Въ 1881 г. осталось въ долгу за рабочими, неявившимися, бѣжавшими, умершими, больными, въ разныхъ компаніяхъ отъ 1 до 3% всей суммы выданной рабочимъ, причемъ въ Зейской К° за 53 чел. (10% всѣхъ) рабочихъ осталось въ долгу по 28 р. на каждаго. Въ 1885 г. долги, оставшіеся за рабочими на промыслахъ Нимапской К° составляли 4% всей суммы, выданной рабочимъ, на пріискахъ Бутиныхъ 3%.

Относительно рабочихъ, оставшихся въ долгу, мы находимъ въ контрактахъ условія, вродѣ слѣдующаго: «если по разсчету кто-нибудь изъ насъ останется должнымъ компаніи, то должникъ обязывается остаться долѣе контрактнаго срока до времени отработки долга или, если управ-

*) Мы имѣемъ мало данныхъ о дѣйствительномъ размѣрѣ додачи на Амурскихъ промыслахъ. Въ 1872 г. Средняя додача на промыслахъ Верхне-Амурской К° равнялась 95. а самая большая доходила до 400 р. (въ 1874 г. до 440 р.), но нужно помнить, что нерѣдко большая додача бываетъ результатомъ работы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Полученный нами выводъ, что додачи составютъ лишь 10—40% всего заработка рабочихъ, заставляютъ насъ съ большою осторожностью отнестись къ слѣдующему свидѣтельству г. Бацевича: «теперь самое обыкновенное явленіе, что рабочій послѣ лѣтней операціи (!) возвращается съ 200—300 р., а люди, пробывшіе года 2 на пріискахъ выносятъ и по 500—600 р.» (стр. 151).

**) Всего рабочихъ въ компаніи въ эту операцію (1873—74 г.) было зимою около 700, лѣтомъ 1350 человѣкъ.

леніе согласится уволить должника съ пріисковъ, то онъ обязанъ дать обязательство въ уплатѣ своего долга компаніи въ теченіе не долѣе одного года и въ томъ, что если долга этого онъ не уплатитъ, то обязанъ явиться для отработки его компаніи въ слѣдующую операцію»*).

Получая обыкновенно на пріискахъ небольшую додачу, рабочіе стремятся увеличить свой заработокъ незаконнымъ способомъ, а именно; кражею золота. На третьемъ Хабаровскомъ съѣздѣ (1893 г.) было заявлено, что «кража эта существуетъ въ большей или меньшей степени на каждомъ пріискѣ, но едвали она достигаетъ гдѣ-нибудь большихъ размѣровъ, чѣмъ въ Приамурскомъ краѣ. Рабочіе похищаютъ» золото съ открытыхъ разрѣзовъ и «плоскоши» не только ночью, но и днемъ особенно въ льготные отъ работъ дни». Сбыть краденое золото не трудно у мелкихъ золотопромышленниковъ, занимающихся такими аферами**). Въ Благовѣщенскѣ и другихъ мѣстахъ на Амурѣ рабочіе продаютъ вынесенное съ пріисковъ золото и китайцамъ.

Къ 10 сентября обыкновенно оканчивается промывка золота и въ этотъ день производится разсчетъ рабочихъ. ***) Ниманская К°, въ отчетѣ за 1892 г., сообщаетъ, что пріисковое управленіе не мѣшало рабочимъ оставлять работы до наступленія контрактнаго срока, во-первыхъ, потому, что управленіе принимало во вниманіе то обстоятельство, что многіе изъ рабочихъ, въ особенности-же семейные и изъ дальнихъ губерній разсчитывались изъ за того, чтобы возвратиться домой лѣтомъ», когда можно проѣхать на пароходахъ. Такое благодушіе компаніи объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что въ этомъ году она нанимала рабочихъ безъ задатковъ и слѣдовательно работая на пріискахъ, они не могли быть въ долгу, а, во-вторыхъ, тѣмъ, что теперь предложеніе труда на амурскихъ промыслахъ превышаетъ спросъ.

Что касается мѣста разсчета, то по договору съ Верхне-Амурской К°

---

*) Договоръ съ Верхне-Амурской К°, 1871 г.; по контракту съ нею-же 1883 г. должники обязывались оставаться до отработки долговъ.

**) На томъ-же Хабаровскомъ съѣздѣ было сообщено, что «разнаго званія люди, пріобрѣтя право на золотопромышленность, т. е. запасшись дозволительнымъ свидѣтельствомъ, предпочитаютъ искапію новыхъ золотыхъ розсыпей простое хищеніе золота съ чужихъ заявленныхъ площадей... Пользуясь предоставленнымъ имъ правомъ занимать каждую свободную мѣстность, они стараются обыкновенно захватить какую-нибудь площадь вблизи работающагося пріиска. Утвердившись здѣсь, они занимаются покупкой краденаго золота... главнымъ образомъ у рабочихъ этого сосѣдняго съ нимъ пріиска, что извѣстно и административнымъ лицамъ».

***) Впрочемъ, въ Ниманской К° промывка оканчивается 10, 20 сент., а въ Амгунской системѣ иногда и позднѣе.

(1871 г.) оно могло выдать рабочимъ деньги на пріискахъ, на пристани, или въ Горбицѣ, или въ Срѣтенскѣ (въ позднѣйшихъ договорахъ этой К° о мѣстѣ разсчета не упоминается). Напротивъ, по договору съ Нимапскою К° (1883 г.) управленіе могло выдать рабочимъ деньги тамъ, гдѣ оно само назначитъ: по договору съ Зейской К° (первой половины 80 гг.) деньги выдаются «по усмотрѣнію управленія» въ Благовѣщенскѣ, Черняковой или Срѣтенскѣ. Выдача денегъ во время операціи по просьбамъ рабочихъ или высылка ихъ родственникамъ записѣла по контрактамъ отъ усмотрѣнія управленія.

По словамъ г. Оранскаго въ отчетѣ за 1889 г., «на тѣхъ пріискахъ гдѣ число рабочихъ ничтожно..., рабочіе разсчитываются и получаютъ деньги на мѣстѣ въ пріисковыхъ контрактахъ; тамъ-же, гдѣ рабочая команда большая.. разсчетъ хотя производится на пріискахъ, но деньги получаются рабочими въ Благовѣщенскѣ или на Джалиндинской пристани по ордерамъ, выдаваемымъ пріисковыми конторами». Г. Оранскій объясняетъ это тѣмъ, что перевозить большія суммы по тайгѣ на пріискѣ опасно, а также тѣмъ, что на пріискахъ рабочіе могутъ спустить значительную часть заработка спиртоносамъ. «Конечно, и въ Благовѣщенскѣ остается въ кабакахъ достаточно денегъ, полученныхъ пріисковыми рабочими, но покупать водку въ кабакѣ и у спиртоносовъ въ тайгѣ не все равно, потому что тамъ бутылка ея стоитъ 8 — 10 р., т. е. за 4—5 бутылокъ рабочій отдаетъ иногда всѣ деньги полученныя имъ при разсчетѣ.» *)

И здѣсь, какъ и въ другихъ золотопромышленныхъ системахъ, значительная часть заработка пропивается рабочими «или на самомъ пріискѣ или на дорогѣ, причемъ обираніемъ рабочаго не брезгуютъ сами пріисковые довѣренные и служащіе. По словамъ г. А. Я. (1889 г.), «на Джалиндинской пристани производится разсчетъ рабочихъ—выдача денегъ по квитанціямъ какъ рабочимъ близь лежащихъ пріисковъ, такъ и зейскимъ, прибывающимъ сюда съ Зеи осенью на пароходахъ. Во время разсчета здѣсь скопляется до 1500 человѣкъ. Пароходы останавливаются только на сутки. За эти сутки купцы успѣваютъ однако сбыть, что возможно... Водка, конечно, первый продуктъ, золото лучшая уплата, а у пріискателей всегда найдется малая толика краденаго».

Благовѣщенскъ оживляется весною и осенью при проходѣ рабочихъ.

*) Почти буквально то-же повторяетъ г. Оранскій и въ отчетѣ за 1893 г.

Ради удовлетворенія ихъ потребностей, стѣсняемыхъ незначительнымъ количествомъ женщинъ на промыслахъ, въ Благовѣщенскѣ проституція развита въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.» Лучшія улицы заняты домами терпимости. Потребность такова, что даже Японія пришла на помощь, и въ Благовѣщенскѣ открыть цѣлый рядъ японскихъ домовъ терпимости»*).

Относительно возвращенія рабочихъ съ амурскихъ промысловъ мы находимъ слѣдующія постановленія въ контрактахъ. Въ договорѣ Верхне-Амурской К° 1871 г сказано: «тѣ изъ насъ, которые, по истеченіи срока сему условію, не пожелаютъ остаться въ работахъ, обязаны по окончаніи работъ немедля слѣдовать съ пріисковъ на пристань К° или въ Албазинскую станицу по указанію промысловаго управленія. Оттуда К° обязана отправлять насъ на пароходахъ до Срѣтенска, выдавая намъ на время пути потребное количество сухарей по 2½ ф. и мяса по 1 ф. въ сутки, **) или взамѣнъ мяса на приварокъ и квартиры по 15 коп. въ сутки и особо на весь рейсъ по ¼ кирпичнаго чая на человѣка. Если-же пароходъ не будетъ имѣть возможности дойти до Срѣтенска, то можетъ высадить насъ въ одномъ изъ селеній на р. Шилкѣ, во всякомъ случаѣ не ближе станціи Покровской». Въ договорѣ съ тою-же К° 1883 г. сказано, что тѣ изъ рабочихъ, которые будутъ разсчитаны ранѣе или позднѣе срока не имѣютъ права вывоза ихъ на пароходахъ, но получаютъ дорожное продовольствіе; разсчитавшіеся-же до срока по своему желанію, хотя и съ согласія управленія, лишаются и дорожнаго пайка. По позднѣйшему договору съ тою-же К°, пріисковое управленіе сверхъ дорожнаго продовольствія обязалось выдать на путевые расходы работавшимъ на Джалиндинскихъ пріискахъ по 5 р., а на Зейскихъ по 10 р. Въ договорѣ Имманской К° (1883 г.) иныя условія: «по окончаніи срока контракта, *выходъ* съ мѣста работъ въ г. Благовѣщенскъ, и по полученіи окончательнаго разсчета вообще всякія обязательства по настоящему контракту прекращаются:» слѣдовательно, компанія не обязывалась вывозить рабочихъ. По договору Зейской К° (первой половины 80 гг.) выдача провизіи послѣ разсчета могла быть замѣнена денежнымъ вознагражденіемъ приблизительно отъ 10 до 15 р., смотря по цѣнамъ на припасы, отъ

---

*) «Восточ. Обозр.» 1893 г. № 28, стр. 5.

**) Въ дѣйствительности въ 1871 г. выдавалось по ½ ф. мяса.

пріисковъ до Лунгинскаго склада рабочіе обязывались идти пѣшкомъ, а оттуда К° должна была отправить ихъ на пароходѣ до Срѣтенска.

Въ 1871 г. рабочіе Верхне-Амурской К° стали съ 1 сентября выходить для разсчета на Джалиндинскую пристань небольшими партіями. Нѣсколько десятковъ человѣкъ, слабыхъ и неспособныхъ къ работѣ, были разсчитаны 4-го, а остальные 13, 18-го сентября. Рабочіе были отправлены на 3 пароходахъ одинъ за другимъ, причемъ послѣдняя партія, выѣхавшая 18-го числа, должна была высадиться по мелководью въ Покровкѣ *). Въ 1879 г. выходъ рабочихъ Ниманской К° былъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, такъ какъ разсчетъ былъ произведенъ 1 октября; рабочіе были отправлены отъ Усть-Умальты до Найкинскаго склада на лодкахъ, а оттуда шли до Благовѣщенска пѣшкомъ. Въ 1880 г. рабочіе съ Зейской К°, выйдя съ пріисковъ 11 сентября, шли пѣшкомъ до Инарекдинскаго склада на р. Зеѣ, затѣмъ плыли на лодкахъ и плотахъ до Лунгинскаго склада, а оттуда до Благовѣщенска и Срѣтенска на пароходахъ. Рабочіе энергично отстаивали свои права на вывозъ ихъ съ пріисковъ на пароходахъ, какъ видно между прочимъ изъ разсказа золотопромышленника Шаняевскаго **).

При выходѣ рабочихъ, какъ и въ другихъ системахъ, дѣло не обходилось безъ кутежей, но, по словамъ г. Бацевича, «прежній типъ безобразника пріискателя мало-по-малу исчезаетъ; по заявленію служащихъ, нравственный обликъ пріисковаго рабочаго значительно измѣнился къ лучшему. Въ настоящее время уже не слышно о тѣхъ безобразіяхъ, которыя сопровождали въ недалекомъ прошедшемъ выходъ пріисковыхъ рабочихъ послѣ разсчета... Прежде не справлялись съ качествами рабочихъ и завѣдомо дурныхъ людей брали, лишь-бы только имѣть ихъ въ достаточномъ количествѣ. Въ послѣдніе-же годы... предложеніе повысило спросъ на столько, что явилась возможность выбирать».

Часть рабочихъ послѣ осенняго разсчета вновь нанимается на пріисковую работу на весь годъ ***). *В. Семевскій.*

*) Послѣдніе получили по 3 р. 20 к. на человѣка, по 34 ф. сухарей, по 12 ф. мяса и по $^1/_3$ кирпича.

**) См. «Сибирь», 1885 г., № 34. О вывозѣ рабочихъ въ 1893 г. см. «Приамурскія Вѣдомости», 1894 г., № 27, прилож., стр. 4.

***) О золотничникахъ и хищникахъ на амурскихъ промыслахъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ.

Иностранная торговля и денежное обращеніе въ Китаѣ.

III.

Русско-китайская торговля [1]).

Обращаясь къ участію Россіи въ общей торговлѣ Китая съ иностранными государствами, мы должны признать, что участіе это довольно ничтожно. Несмотря на давность сношеній нашихъ съ Срединною имперіею, несмотря на протяженіе соприкасающихся границъ и на рассовую близость пограничныхъ племенъ, русско-китайская торговля, никогда не достигавшая сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ, и теперь не показываетъ замѣтнаго роста. При разсмотрѣніи приведенныхъ ниже цифръ торговаго оборота, слѣдуетъ имѣть въ виду, что они не выражаются дѣйствительные размѣры русско-китайской торговли; по всѣмъ вѣроятіямъ торговля эта больше.

Неточность цифровыхъ данныхъ по русско-китайской торговлѣ объясняется трудностью регистраціи даже для лицъ, облеченныхъ оффиціальнымъ званіемъ, каковы консулы, торговаго движенія въ дикихъ и некультурныхъ областяхъ Китая, прилегающихъ къ нашей сухопутной границѣ.

Торговля эта (сухопутная) отличается крайне консервативнымъ характеромъ. Рѣдкое кочевое населеніе съ ограниченными потребностями и вкусами, слабо развитая городская жизнь, первобытное состояніе промышленности, отсутствіе сносныхъ путей сообщенія и перевозочныхъ средствъ, удерживаютъ торговлю въ мѣновой стадіи, препятствуя ея росту и спеціализаціи. Караваны, при помощи коихъ совершается главный торговый обмѣнъ, двигаются неопредѣленное время отъ мѣста до мѣста, товары залеживаются въ пути, подвергаются порчѣ или пропажѣ, и рѣдко приходятъ къ сроку.

Ко всѣмъ этимъ неблагопріятнымъ условіямъ въ послѣдніе годы прп-

---

[1]) См. «Сиб. Сб.» № 2 за 1895 годъ.

соединилось обезцѣненіе серебра, повед шее къ убыточной расцѣнкѣ русскихъ товаровъ [1]).

Русско-китайская морская торговля по размѣрамъ своимъ еще незначительнѣе торговли сухопутной, что объясняется отсутствіемъ у насъ торговаго флота и малою культурностью и изолированностью нашей тихо-океанской окраины. Торговля эта была-бы еще ничтожнѣе, если-бы не чаи, дающіе вѣрный фрахтъ немногимъ нашимъ пароходамъ.

Вообще балансъ русско-китайской какъ сухопутной, такъ и морской торговли, складывается не въ нашу пользу. Даже не прибѣгая къ скуднымъ статистическимъ даннымъ по настоящему предмету, можно сказать, что отпускъ нашъ въ Китай составляетъ меньше $^1/_3$ привоза.

Согласно даннымъ «Обзора Внѣшней Торговли Россіи за 1893 г.» [2]) общая сумма привоза въ Россію изъ Китая какъ по европейской, такъ и по азіятской Россіи въ 1893 г. составила *33,185,372 рубля*,— причемъ по европейской границѣ ввезено было товаровъ на *13,430,088 р.* въ томъ числѣ жизненныхъ припасовъ (чая) на 13,259,333 р.

По азіятской границѣ китайскихъ товаровъ ввезено на *19,755,284 р.*, въ томъ числѣ жизненныхъ припасовъ (чая) на 16,068,376 р.; сырыхъ и полуобработанныхъ матеріаловъ на 1,329,749 р.; издѣлій на 1,911,661 р.

Главною причиною такого перевѣса ввоза надъ вывозомъ является изъ году въ годъ возрастающая потребность въ чаяхъ, цифра ввоза коихъ совершенно заслоняетъ остальныя статьи китайскаго привоза. Общій оборотъ русско-китайской торговли складывается изъ слѣдующихъ частныхъ оборотовъ: торговля съ Монголіею и Китаемъ черезъ Кяхту и другіе пограничные пункты Монголіи и Забайкалья; съ Манджуріею - черезъ Благовѣщенскъ и другія мѣста по Амуру и Уссури; торговля съ Илійскимъ краемъ и съ Тарбогатайскимъ округомъ; съ Кашгаріею и китайскимъ Туркестаномъ; морская торговля черезъ Одессу

---

[1]) На русской торговлѣ въ Китаѣ пониженіе серебра отразилось въ общемъ скорѣе благопріятно, такъ какъ главный предметъ вывоза—чай, покупается нынѣ по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Зато это пониженіе нанесло довольно чувствительный ударъ торговымъ сношеніямъ (съ Китаемъ) Восточнаго Туркестана. Паденіе серебра дурно повліяло также на китайскую торговлю Владивостока. Тамошніе купцы, принужденные принимать въ уплату за русскіе товары мексиканскіе доллары, стали терпѣть убытки, благодаря пониженію цѣнности этой монеты. Лѣтъ шесть тому назадъ за долларъ во Владивостокѣ давали отъ 1 руб. 50 к. до 1 р. 60 к., теперь-же (въ концѣ 1894 г.) цѣна его опустилась до 1 руб.

[2]) Изданіе Министерства Финансовъ, стр. 21 и слѣд.

и Батумъ и черезъ порта Приморской области—Владивостокъ, Николаевскъ и Аянъ; и торговля при посредствѣ иностранныхъ коммиссіонеровъ, транзитомъ черезъ государства Западной Европы [1]). Оборотъ торговли Приморской области съ китайскими портами, по опредѣленію «Отчета Китайской Морской Таможни», составляетъ въ среднемъ около $2^1/_2$ милліоновъ руб. (Въ 1893 году этотъ оборотъ равнялся 1,430,105 ланамъ, т. е. почти 3 милліон. рублей). Изъ этой суммы около 2-хъ милліоновъ приходится на ввозъ въ наши сибирскіе порта (преимущественно чай и шелкъ). Вывозъ-же нашъ изъ Приморской области въ китайскіе порта, главнымъ образомъ въ Шанхай, Чифу, Ючуанъ и Тянцзинъ, едвали доходятъ до полумилліона рублей (морская капуста, рыба, трепанги и съѣстные припасы для русскихъ, проживающихъ въ Китаѣ). Средній оборотъ русско-китайской торговли съ черноморскими портами—Одессою и Батумомъ—составляетъ отъ 9 до 10 милліоновъ руб., изъ коихъ на привозъ (преимущественно чай) можно положить 7, 8 м. руб., и на отпускъ (главнымъ образомъ керосинъ)—2 мил. рублей.

Лѣтъ 200 тому назадъ наша сухопутная торговля съ Китаемъ ограничивалась обмѣномъ товаровъ, преимущественно сырья, въ Кяхтѣ, Цурухайту и нѣкоторыхъ другихъ пограничныхъ пунктахъ. По временамъ сибирскими властями снаряжались особые караваны, которые доходили до Пекина. Караваны эти возили почти исключительно пушной товаръ. Первый такой казенный караванъ отправленъ былъ въ 1668 году. Вообще русско-китайская торговля 17-го и отчасти 18-го столѣтія имѣла случайный характеръ, постоянно прерывалась и размѣры ея были незначительны. Болѣе обширныя и правильныя торговыя сношенія между двумя имперіями начались лишь въ концѣ прошлаго вѣка, когда установился ввозъ въ Сибирь, черезъ Кяхту, китайскихъ часовъ. Къ началу нынѣшняго вѣка обороты этой торговли достигали 13 милліоновъ рублей. Съ разрѣшеніемъ на основаніи Пекинскаго договора 1860 г. безпошлинной торговли въ Монголіи и съ учрежденіемъ русскихъ консульствъ въ Ургѣ, Кульджѣ, Чугучакѣ и Кашгарѣ, сибирскіе купцы начали проникать внутрь страны и устраивать склады товаровъ въ Ургѣ, Кобдо, Улясутаѣ и другихъ пунктахъ, и сверхъ того занялись мелочнымъ торгомъ по улусамъ, княжескимъ ставкамъ и кумирнямъ. По послѣдовавшее затѣмъ открытіе портовъ

---

[1]) Такимъ транзитнымъ путемъ идутъ въ Россію преимущественно чай и шелкъ черезъ Англію и Германію.

Китая для иностранной торговли, разрѣшеніе правительствомъ нашимъ ввоза чая черезъ западную границу и прорытіе Суэцкаго канала остановили дальнѣйшее развитіе кяхтинской торговли.

Раіономъ распространенія русско-монгольской торговли можно считать земли, лежащія между озеромъ Далай и округомъ Кобдо. Кромѣ пограничной и транзитной торговли, центромъ коей является Кяхта, сбытъ русскихъ товаровъ производится въ г. Урга, по монгольскимъ хошунамъ преимущественно Цыцэнъ-ханскаго аймака и по солонскимъ улусамъ. По словамъ генеральнаго консула нашего въ Ургѣ, особымъ значеніемъ въ монгольской торговлѣ пользуется ламайская кумирня «кэрэлунь», издавна служащая средоточіемъ торговли Цыцэнъ-ханскаго аймака, въ особенности въ виду близости къ русской границѣ (Цурухайту). Другимъ центромъ нашей торговли въ Монголіи служитъ г. Кайларъ, находящійся въ вѣдомствѣ манджурскихъ властей. Главными предметами торговли въ названныхъ пунктахъ являются: лошади, китайскіе товары и кирпичный чай, служащій мѣновою единицею и замѣняющій деньги. Цѣна кирпичнаго чая, обращающагося вдоль сибирской границы, равняется приблизительно 60 коп. за кирпичъ. Въ общемъ торговля наша внутри Монголіи, достигающая 1½ мил. руб., составляетъ лишь незначительную часть транзитной торговли черезъ Кяхту и Забайкальскую область. Въ 1893 году оборотъ внутренней русско-монгольской торговли составилъ 1,424,000 слишкомъ рублей, включая кирпичный чай, купленный у китайскихъ коммиссіонеровъ въ Ургѣ. Изъ этой суммы на долю Восточной Монголіи пришлось 976/т. руб., и на долю Западной (Кобдо и Улясутай) – 448/т. Торговый оборотъ Урги въ 1893 г. равенъ былъ 360 слишкомъ тысячамъ рублей. Изъ пограничныхъ мѣстностей Сибири въ русско-монгольской торговлѣ больше всего заинтересованы—Забайкальская область и Троицкосавскій округъ, Мензинская станица, Тункинскій край, Акшинскій и Минусинскій округа. Послѣдніе два имѣютъ самый крупный оборотъ. Торговля наша съ Западною Монголіею сосредоточивается главнымъ образомъ въ городахъ Кобдо и Улясутаѣ. Въ 1893 году въ каждомъ изъ этихъ городовъ имѣлось по 5 лавокъ съ русскими товарами. Тѣмъ не менѣе средній оборотъ русско-китайской торговли въ Кобдосскомъ округѣ довольно ничтоженъ. Въ 1892 году этотъ оборотъ составилъ лишь 290 тыс. рублей, изъ коихъ на долю ввоза въ Кобдо пришлось 140/т р., и на долю вывоза оттуда въ наши предѣлы—150/т. руб.

Плохое состояніе русской торговли въ Западной Монголіи и въ частности въ Кобдо объясняется упадкомъ торговли монгольскимъ скотомъ и пониженіемъ стоимости серебра. Прежде русскіе торговцы въ Кобдо, вымѣнявъ товары на скотъ, гнали его для продажи въ Урумци, Хами, Баркуль, Улясутай, когда-же послѣдовало запрещеніе продавать скотъ, пріобрѣтенный въ Монголіи, мѣновая торговля значительно сократилась. Впрочемъ, можно надѣяться, что русская торговля въ Кобдо оживится благодаря попыткамъ, дѣлаемымъ сибирскими купцами установить непосредственныя сношенія съ этимъ городомъ. «Лѣтомъ 1893 года», говорится въ отчетѣ генеральнаго консула нашего въ Ургѣ, «пришелъ съ границы Енисейской губерніи прямо въ Кобдо первый русскій караванъ Бяхова и Боярскаго, снаряженный при участіи Усинскаго пограничнаго начальника.

Караванъ совершилъ путешествіе впередъ и обратно удачно, всюду встрѣчая дружелюбіе. Осенью отправился оттуда въ Кобдо второй торговый караванъ».

Оборотъ кяхтинской торговли, включая пограничный и мелочной торгъ въ Кяхтѣ и караванный въ части Китая и въ Монголіи, составилъ въ 1893 году 17,267,335 руб. [1]), причемъ на долю отпуска изъ Россіи пришлось 2,364,239 руб., а на долю привоза изъ Китая и Монголіи — 14,903,096 руб. Такимъ образомъ, отпускъ нашъ черезъ Кяхту составилъ лишь около шестой части привоза. При сравненіи съ итогами кяхтинской торговли за предыдущіе года видно, что цифры какъ ввоза, такъ и вывоза не подвергаются крупнымъ колебаніямъ. Такъ, оборотъ кяхтинской торговли въ 1892 году равнялся 17,590,271 руб. (Ввозъ въ Россію составлялъ 14,625,325 рублей, а отпускъ — 2,964,946 руб.). Оцѣниваемые этими цифрами размѣры кяхтинской торговли останутся по всѣмъ вѣроятіямъ безъ измѣненія до окончанія сибирскаго рельсоваго пути, или, по крайней мѣрѣ, до времени доведенія этого пути до Срѣтенска, когда главный предметъ кяхтинской торговли — чай, предпочтетъ болѣе дешевый и скорый путь по Амуру и по желѣзной дорогѣ, длинному, тяжелому и рискованному пути черезъ Монголію. На долю послѣдняго останутся, впрочемъ, кирпичные и плиточные чаи, потребляемые сибиряками и монголами. Несмотря на увеличивающійся ввозъ чая въ Россію морскимъ путемъ, сухопутная

---

[1]) Въ эту сумму включены цифры оборота упомянутой выше ургинской и монгольской торговли.

доставка не показываетъ сокращенія, что объясняется ростущимъ спросомъ на кирпичные чаи. Изъ всего количества ввозимаго черезъ Кяхту чая, около $^2/_5$ приходится на долю кирпича, доставляемаго вмѣстѣ съ байховыми чаями изъ Тянцзина [1]) черезъ гг. Тунчжоу, Калганъ и Ургу въ Кяхту. Провозъ русскихъ чаевъ только отъ Калгана до Кяхты обходится ежегодно въ $1^1/_2$, 2 милліона рублей. Деньги эти идутъ монгольскимъ стадовладѣльцамъ, поставщикамъ возчиковъ и верблюдовъ. Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что приведенная сумма составляетъ лишь часть всевозможныхъ накладныхъ расходовъ, которые ложатся на чаи во время слѣдованія ихъ въ Кяхту [2]).

Изъ всей цифры привоза черезъ Кяхту, равной въ среднемъ 15 милліонамъ руб., на китайскіе и монгольскіе товары, съѣстные припасы и скотъ приходится не болѣе 1-го мил. рублей. Остальная сумма въ 14 мил. руб. уплачивается за чай. Изъ товаровъ, привозимыхъ къ намъ, главныя мѣста по суммѣ ввоза (послѣ чая) занимаютъ шелкъ (чесуча), невыдѣланныя кожи и скотъ. Изъ предметовъ чисто монгольскаго происхожденія, ввозъ коихъ со временемъ несомнѣнно разростется, главное мѣсто принадлежитъ шерсти—верблюжьей и овечьей. Англійскіе и нѣмецкіе купцы уже давно обратили вниманіе на эту статью торговли. Теперь во всѣхъ торговыхъ центрахъ Монголіи имѣются скупщики шерсти. Наши купцы также стали покупать монгольскую шерсть, но лишь въ самое недавнее время.

Что касается чая, то изъ 14 мил. руб., уплаченныхъ за этотъ продуктъ въ 1893 г., на долю байховыхъ и зеленыхъ чаевъ можно положить 8 мил. руб.; остальная сумма въ 5 слишкомъ мил. приходится на кирпичные и плиточные чаи.

Въ числѣ предметовъ вывоза изъ Россіи черезъ Кяхту главное мѣсто принадлежитъ фабричнымъ, ремесленнымъ и заводскимъ издѣліямъ, каковыхъ въ 1893 году вывезено было на 900 слишкомъ тысячъ руб. Крупною статьею нашего экспорта являются драгоцѣнные металлы, преимущественно серебро. Послѣдняго (ямбовое, гамбургское и рубли) вывезено въ 1893 г. на 1,115,782 рубля. Остальныхъ предметовъ

---

[1]) Въ Тянцзинъ чаи доставляются изъ Ханькоу и Фучжоу нашими коммиссіонерскими фирмами.

[2]) Нагрузка и разгрузка на пароходъ и съ парохода, укупорка и переукупорка, храненіе въ складахъ и т. п. добавочные расходы, образующіе въ общемъ довольно почтенную сумму.

вывоза—мѣха, чай, [1]) сахаръ-леденецъ и т. п. набирается не больше какъ на 200 тыс. рублей.

По свѣдѣніямъ нашего консульства въ Ургѣ, на сокращеніе вывоза въ Монголію русскихъ товаровъ, преимущественно тканей, стала вліять въ послѣднее время конкурренція болѣе дешевыхъ китайскихъ матерій (далимба), постепенно распространяющихся по Монголіи вдоль нашей границы. Цѣна этой ткани въ Западной Монголіи (въ 1893 г.) была ниже цѣны московскаго фабриката того-же качества на Ирбитской ярмаркѣ. Благопріятнымъ признакомъ для нашей торговли въ Монголіи слѣдуетъ считать распространеніе въ ней русскихъ кредитныхъ билетовъ. Раіонъ обращенія таковыхъ понемногу увеличивается; наши бумажки стали проникать даже въ Среднюю Монголію. Въ 1893 г. кредитныхъ билетовъ вывезено было черезъ Кяхту на 117,455 рублей.

Торговыя сношенія наши съ Тарбагатайскимъ округомъ, благодаря сравнительной близости къ Нижнему-Новгороду и къ Ирбити, были съ самаго ихъ возникновенія довольно значительны. Въ 50-хъ годахъ ежегодный оборотъ нашей торговли съ Тарбагатаемъ достигалъ 2-хъ мил. рублей. Къ сожалѣнію, съ той поры торговля эта сдѣлала мало успѣховъ, и цифра торговаго оборота осталась почти безъ измѣненія. Центромъ тамошней торговли служитъ г. Чугучакъ, гдѣ русскіе подданные, главнымъ образомъ сарты, татары и киргизы владѣютъ лавками, караванъ-сараями и мечетями. Изъ Чугучака русскіе товары расходятся по всему краю, проникая въ Урумци [2]), Шихо, Манасъ, Гученъ и Карашаръ. Главными предметами ввоза въ Тарбагатай являются мануфактурныя, заводскія и фабричныя издѣлія и туркестанскіе продукты, а изъ Чугучака къ намъ экспортируютъ шерсть, кожи и ямбовое серебро. Весь оборотъ торговли нашей съ Тарбагатайскимъ округомъ достигъ въ 1891 году 2,088,092 руб., причемъ на долю вывоза пришлось 1,238,411 р., и на долю привоза лишь 849,681 р. Результатъ этотъ нельзя не признать благопріятнымъ, въ особенности если принять во вниманіе, что въ торговлѣ нашей съ остальными частями Китая, балансъ неизмѣнно противъ насъ.

Анархія и безпорядки, вызванные дунганскимъ возстаніемъ 70-хъ

---

[1]) Продаваемый монголамъ.

[2]) Русская торговля въ названномъ пунктѣ настолько развилась, что правительство наше признало нужнымъ воспользоваться предоставленнымъ ему давно правомъ учредить русское консульство.

годовъ весьма неблагопріятно отразились на развитіи русско-китайской торговли въ этомъ краѣ. Въ настоящее время оборотъ нашей торговли съ Или составляетъ въ среднемъ 1½ мил. руб. Въ 1893 г. весь оборотъ равнялся 1,526,207 руб., изъ коихъ ввозъ въ Или составлялъ 678,732 р., а вывозъ оттуда въ наши предѣлы—847,475 р. [1]). Такимъ образомъ, балансъ русско-илійской торговли также не въ нашу пользу. Здѣсь превышеніе ввоза надъ отпускомъ имѣетъ, къ сожалѣнію, довольно постоянный характеръ. По мнѣнію консула нашего въ Кульджѣ, такое положеніе дѣла объясняется общими неблагопріятными условіями сбыта для русскихъ товаровъ и обезцѣненіемъ серебра [2]). Товары стали сбываться мелкими партіями, по большей части въ кредитъ, что тяжело отзывается на купцахъ, обязанныхъ срочными платежами въ Москву. Капиталы не получаютъ своевременнаго оборота, вслѣдствіе чего тормозится дальнѣйшее пріобрѣтеніе товаровъ на ярмаркахъ и разсчеты по долговымъ обязательствамъ. Паденіе серебра повело къ тому, что торговцы для покрытія кредита должны вымѣнивать товаръ на скотъ и на сырье. Между тѣмъ, сбытъ въ русскихъ предѣлахъ скота, пріобрѣтеннаго въ Илійскомъ краѣ, представляется дѣломъ рискованнымъ, какъ вслѣдствіе конкурренціи русскихъ кочевниковъ, такъ и въ виду сильныхъ падежей во время тяжелаго пути къ мѣсту сбыта. Илійскій скотъ идетъ на продажу въ Ошъ, Ауліэата, Мерке и на Карпинскую ярмарку (Джаркентскаго уѣзда). Изъ суммы ввоза 1893 года наибольшая цифра пришлась на мануфактурные товары, коихъ ввезено въ Кульджу почти на полмилліона рублей; затѣмъ идутъ металлическія издѣлія, юфть, мелочной товаръ, шая, дурья, мата [3]), сартовскія издѣлія и скотъ. По свидѣтельству консула нашего въ Кульджѣ, въ послѣдніе годы на рынкахъ Илійскаго края появляются новые образцы товаровъ (хлопчато-бумажныя ткани—коленкоръ, бязь, даба, китайка), иностраннаго происхожденія, доставляемые изъ портовъ Китая. Пока эти ткани привозятся въ небольшомъ количествѣ и серьез-

---

[1]) Въ 1891 году русскихъ товаровъ ввезено въ Или на 1,014,675 руб.
» 1892 » » » » » 742,073 руб.

[2]) Въ концѣ 1892 г. пудъ серебра въ Кульджѣ стоилъ отъ 740 до 760 руб.; въ концѣ 1893 г. за пудъ серебра давали отъ 640 до 660 руб.

[3]) Шая—шелковая матерія. Дурья—полушелковая ткань. Мата—небѣленая хлопчатобумажная ткань, приготовляемая изъ туземной пряжи въ городахъ и селеніяхъ китайскаго Туркестана. Она прочнѣе и дешевле нашихъ ситцевъ, имѣющихъ за себя лишь наружный видъ—краски и рисунокъ. Эта ткань находитъ хорошій сбытъ среди простого населенія—русскаго и туземнаго.

ной конкурренціи нашимъ фабрикантамъ не дѣлаютъ. Главными предметами вывоза изъ Или въ наши предѣлы являются—кожи и шкуры, преимущественно козловыя, китайскій мелочной товаръ, скотъ, овечья шерсть, вата, шелкъ сырецъ и ямбовое серебро, коего въ 1893 году вывезено на 200 слишкомъ тысячъ рублей.

Русско-китайская торговля въ Восточномъ Туркестанѣ производится по тремъ направленіямъ: изъ Кашгара на Ошъ, изъ Кашгара на Нарынское укрѣпленіе въ Семирѣченской области и изъ Аксу и Турфана на г. Пржевальскъ. Крупнѣйшимъ торговымъ центромъ и складочнымъ мѣстомъ для русскихъ товаровъ служитъ г. Кашгаръ, откуда товары развозятся въ Баркюль, Гученъ, Кэрія, Аксу и Хотанъ. Важнѣйшимъ торговымъ путемъ безспорно считается Кашгаро-Ошскій. По этому пути идутъ въ китайскій Туркестанъ произведенія русскаго Туркестана и Бухары, а къ намъ ввозится недозволенный въ продажѣ въ Кашгаріи индійскій чай, очищаемый пошлиною въ Ошѣ [1]). Торговля между Кашгаріею и Семирѣчіемъ черезъ Нарынское укрѣпленіе имѣетъ иной характеръ. Изъ Кашгаріи идутъ туда дешевыя хлопчато-бумажныя ткани, покупаемыя нашими киргизами и успѣшно конкуррирующія съ русскою мануфактурою, главнымъ образомъ благодаря дешевизнѣ. По торговому пути на г. Пржевальскъ идутъ преимущественно мануфактурные и заводскіе продукты съ Ирбитской ярмарки, распродаваемые въ раіонѣ Учь-Турфана и Аксу. Къ намъ-же привозятся дешевыя хлопчато-бумажныя издѣлія, вымѣниваемыя на киргизскій скотъ. Торговля Восточнаго Туркестана съ Малымъ Тибетомъ (изъ Яркенда въ Ладакъ) производится, вслѣдствіе климатическихъ условій, лишь въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ. Этимъ путемъ проникаютъ въ Кашгарію англійскіе и индійскіе товары, главнымъ образомъ чай, индиго, пряности и матеріи. По мнѣнію генеральнаго консула нашего въ Кашгарѣ, англійскіе товары до настоящаго времени не могли конкуррировать съ однородными русскими произведеніями вслѣдствіе сравнительной дороговизны, вызываемой чрезмѣрными фрахтами. Но съ проведеніемъ въ Туркестанъ проектируемаго новаго пути черезъ Гильгитъ и Кандякутъ, неблагопріятныя для привоза англійскихъ товаровъ условія несомнѣнно измѣнятся.

---

[1]) Проектируемая нынѣ желѣзная дорога на Ошъ дастъ несомнѣнный толчекъ нашей торговлѣ въ Кашгаріи и въ Тарбагатаѣ, ибо облегчитъ доступъ въ эти страны нашимъ товарамъ, которымъ тогда не будетъ такъ страшна конкурренція европейскихъ и индійскихъ фабрикатовъ.

Общій оборотъ торговли китайскаго Туркестана съ нашими владѣніями въ 1893 году составилъ 2,101,726 р., изъ коихъ 840,624 р. пришлось на отпускъ изъ Россіи, а 1,261,102 р. на привозъ къ намъ изъ китайскаго Туркестана. Такъ что и въ этомъ раіонѣ русско-китайской сухопутной торговли балансъ приходится не въ нашу пользу. Русская торговля въ Кашгаріи ведется черезъ посредство приказчиковъ «сіякчи», что значитъ третники. Они заключаютъ сдѣлки и торгуютъ на свой рискъ, изъ полученнаго-же барыша берутъ себѣ $^1/_3$, а $^2/_3$ отдаютъ купцу, снабдившему ихъ товаромъ. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ торговли, оборотъ собственно коммиссіонеровъ незначителенъ. Большинство купцовъ торгуетъ и русскими и привозными товарами, пріобрѣтая послѣдніе послѣ распродажи первыхъ или вымѣнивая ихъ, когда имѣютъ дѣло съ кочевниками. Благодаря тому, что торговля ведется мелкими купцами, принужденными довольствоваться скромными барышами, цѣны на русскіе товары, не смотря на дальность разстоянія отъ центровъ нашей мануфактурной и горнозаводской промышленности, стоятъ не высокія.

Въ числѣ предметовъ вывоза изъ китайскаго Туркестана первое мѣсто принадлежитъ матѣ и издѣліямъ изъ нея. Вывозъ послѣдней составлялъ въ 1893 г. 50 слишкомъ % всего экспорта. За матою слѣдуютъ шерсть, войлока, шелкъ, кипка, хлопокъ, квасцы и т. п. Ямбоваго серебра привезено было на 60 слишкомъ тыс. руб. Среди товаровъ, отпущенныхъ изъ Россіи въ Кашгарію, на первомъ мѣстѣ фигурируютъ произведенія мануфактурныя и горнозаводскія. Въ 1893 г. они составили 58% всего ввоза; 19% пришлось на ввозъ скота; затѣмъ слѣдовали металлы и москательные товары. По вычисленію нашего генеральнаго консула, издержки провоза составляютъ 10% стоимости товара.

И. Я. К.

АВТОБІОГРАФІЯ Н. М. ЯДРИНЦЕВА.

ДѢТСТВО.

Я родился въ городѣ Омскѣ, въ Западной Сибири, въ 1842 г. и былъ сыномъ купца, пріѣхавшаго изъ Перми въ Сибирь на частную службу и управлявшаго частными дѣлами и золотопромышленностью Базилевскаго, Рюмина и др. Отецъ мой былъ сынъ обѣднѣвшаго пермскаго купца. Дѣдушка былъ человѣкъ неграмотный и предубѣжденный противъ просвѣщенія. Отца онъ выучилъ часослову и этимъ закончилъ образованіе его... Но отецъ мой былъ любознателенъ, онъ учился тайкомъ. Разсказывалъ онъ, что ночами на чердакѣ онъ при сальномъ огаркѣ читалъ книги и рисовалъ картины, за что доставалось ему отъ дѣдушки. Взрослымъ отецъ поступилъ въ частную контору къ откупщику Кузину. Здѣсь, въ домѣ Кузина, онъ познакомился съ моею матерью, которая была простою дѣвушкою въ услуженіи. Она происходила изъ Орловской губерніи, была крѣпостною и выкуплена Кузиными. Она сохранила грустныя воспоминанія о своемъ дѣтствѣ и часто намъ, дѣтямъ, разсказывала о крѣпостныхъ крестьянахъ и ихъ положеніи. Уже замужемъ она выучилась грамотѣ, читала впослѣдствіи Пушкина, Лермонтова и лучшихъ русскихъ авторовъ, тогдашніе романы ей доставляли особенное удовольствіе и особенно нравились романы Жоржъ-Зандъ. Впослѣдствіи она считалась свѣтскою, пріятною женщиною и играла важную роль въ обществѣ въ губернскихъ городахъ Сибири, гдѣ мой отецъ пользовался хорошимъ положеніемъ и средствами. Мои первыя воспоминанія дѣтства относятся къ Тобольску. Изъ Омска, мѣста моего рожденія, я вывезенъ былъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Мать передавала о своей жизни въ Омскѣ, что отецъ тамъ управлялъ также дѣлами откупщика; генералъ-губернаторомъ былъ тогда князь Горчаковъ. Въ это время въ Омскѣ былъ пожаръ питяной фабрики, пожаръ угрожалъ и тому дому, гдѣ мы жили.

Въ Тобольскѣ мы жили въ большомъ домѣ. У отца бывало лучшее общество Тобольска, онъ былъ знакомъ съ декабристами Анненковымъ, Свистуновымъ и друг., но особенной дружбой пользовался барона Штенгеля. Скоро баронъ Штенгель по какому-то доносу о томъ, что онъ

имѣетъ вліяніе на дѣла, подвергся высылкѣ въ Тару. Съ отцомъ онъ продолжалъ переписываться, и послѣ смерти отца у меня осталось много писемъ Штенгеля, въ которыхъ помню только описаніе семейныхъ дѣлъ барона, заботы его о сынѣ, служившемъ въ гвардіи, и разныя душеспасительныя темы, какъ и передачу о томъ, какъ баронъ Штенгель молился и посѣщалъ церковь (онъ былъ очень благочестивъ и въ это время въ сильномъ религіозномъ настроеніи, какъ и многіе изъ декабристовъ. Фонъ-Физоза въ Тобольскѣ въ это время составила цѣлый кругъ религіозныхъ мистиковъ).

Барона Штенгеля впослѣдствіи я видѣлъ въ Петербургѣ и былъ у него по порученію матери. Это былъ сѣдой, какъ лунь, старикъ. Онъ жаловался мнѣ, что ихъ, стариковъ, никто не цѣнитъ и не признаетъ, что ихъ считаютъ загораживающими дорогу новой жизни, на что у меня достало тогда находчивости отвѣтить, что «только не такихъ стариковъ, какъ онъ».

Впослѣдствіи мнѣ много разъ приходилось цитировать знаменитую записку Штенгеля о Сибирскомъ управленіи, напечатанную въ «Записк. Москов. Общест. Чтеній Древн. Письменности». При этомъ свиданіи Штенгель, помню, передалъ мнѣ этюдъ своего путешествія въ Алтаѣ и встрѣчу съ заводчиками-крестьянами.

Возвращаюсь къ дѣтству. Я былъ, какъ говорятъ, очень хилымъ ребенкомъ. До меня первенецъ, старшій братъ, умеръ маленькимъ, кажется годовымъ. При моемъ рожденіи очень опасались, чтобы я не умеръ, и родители служили молебны, а также дали обѣщаніе посѣтить и поклониться верхотурскому угоднику, что и исполнили, съѣздивъ изъ Тобольска въ Верхотурье. Хилое сложеніе мое и слабый организмъ много разъ заставлялъ родителей опасаться за мое здоровье въ дѣтствѣ. Но особенныхъ болѣзней я не помню. Въ Тобольскѣ для меня взята была прекрасная здоровая кормилица, которая бывала у насъ, когда я уже началъ сознавать окружающее. Въ Тобольскѣ у меня была няня, солдатка, вдова, изъ Петропавловска. Старушка, которая очень любила меня, но воспитывала, какъ простая женщина. У ней былъ сынъ въ солдатахъ; вспоминая его, она иногда одѣвала меня въ костюмъ, напоминающій военнаго, дѣлала мнѣ изъ бумаги солдатскую шапку, и мы устраивали съ ней родъ представленія. Я входилъ, какъ будто сынъ ея, бросался къ ней на шею, и добрая старуха, на минуту забывшая представленіе, обливала меня искренними слезами. Она-же, при всей добро-

тѣ, однако, вселила въ меня массу суевѣрнаго страха и пугала какими-то «кикиморами». Когда меня нужно было заставить лежать въ кровати, мнѣ садили куклу, называемую кикиморою. Не смотря на дѣтскій страхъ, я помню, что узнавалъ въ ней всегда одну изъ нашихъ подушекъ. Въ Тобольскѣ мы прожили 4 года, а затѣмъ отецъ переѣхалъ въ Тюмень управлять также частными дѣлами по откупамъ. Переѣздъ этотъ по зимней дорогѣ я помню хорошо. Въ Тюмени мы поселились въ богатомъ купеческомъ домѣ, все купечество съ нами было знакомо. Въ 4 года, прожитые въ Тюмени, у меня осталось болѣе воспоминаній. Помню массу мелочей, сценъ, какъ и изъ жизни въ Тобольскѣ; впечатлительность и память у меня были тогда очень живыя.

Помню въ Тюмени болѣзнь отца. Однажды у него былъ нарывъ на шеѣ, причемъ, прежде чѣмъ обратиться къ доктору, его лечила какая-то татарка, которая водила по шеѣ свиной костью и плевала на него, что очень обидѣло отца, и онъ ее прогналъ. Во время болѣзни помню чтеніе газетъ. Разъ, прислушиваясь, мнѣ было очень странно слышать о какомъ-то городѣ Парижѣ, гдѣ по бульварамъ двигались толпы народа, и происходило что-то необыкновенное. Это было въ 1848 году. Помню въ Тюмени постоянно посѣщавшаго отца почтеннаго и уважаемаго доктора Евграфа Макаровича Черемшанскаго, съ его дѣтьми Александромъ Евграфовичемъ (впослѣдствіи знаменитымъ врачемъ и психіатромъ) и Иваномъ Евграфовичемъ, тоже медикомъ, мы были товарищами дѣтства и встрѣтились въ университетѣ. Въ Тюмени была въ это время холера, о смертности, однако, не осталось воспоминаній; знаю только, что вездѣ рекомендовали имѣть настой перцовки.

Въ Тюмени меня начали учить азбукѣ. Помню первое шествіе мое съ этой азбукой для обученія. Руководилъ моимъ образованіемъ въ это время, кромѣ матери, одинъ слѣпецъ, жившій изъ милости у насъ. Участь слѣпца этого была трагична. Онъ въ Омскѣ и Тобольскѣ служилъ въ конторѣ у отца, но несчастный случай лишилъ его глазъ. Лакей, посланный отцомъ къ ружейному мастеру съ ружьемъ (такъ какъ отецъ мой былъ охотникъ), вздумалъ шалить съ ружьемъ и, надѣвъ пистоны, прицѣлился въ шедшаго по двору Ивана Мѣшалкина. Тотъ прикрылся рукою и предостерегъ лакея. Но легкомысленный парень, не зная, что ружье заряжено, выстрѣлилъ въ Ивана и обдалъ его зарядомъ бекасинника. Иванъ потерялъ глаза и отецъ до своей смерти

содержалъ Мѣшалкина въ нашемъ домѣ. Это былъ способный человѣкъ и поэтъ-самородокъ. Онъ училъ меня въ дѣтствѣ стихамъ Пушкина, Лермонтова, которыхъ я зналъ множество наизусть. Иванъ Мѣшалкинъ обыкновенно писалъ стихи въ высокоторжественныхъ случаяхъ и преподносилъ отцу въ именины, а также и мѣстнымъ купцамъ. Окружающіе купцы, однако, не цѣнили поэтическаго таланта, и я помню какъ Иванъ бранилъ тюменскую буржуазію, которой подносилъ вирши и получалъ иногда весьма скудное вознагражденіе отъ богачей. Въ Тюмени меня отдавали въ пансіонъ, который временно открывала пріѣзжая француженка. Знаю, что она была Амалія Карловна; мужъ, находившійся при ней, не принималъ никакого участія въ педагогическомъ дѣлѣ и походилъ скорѣе на портного. Въ пансіонъ отдавали преимущественно барышень, но почему попалъ въ число ихъ и я,—не знаю. Я выучился здѣсь немного читать по-французски. Барышни были взрослыя и помню, что имъ доставляло большое удовольствіе ерошить мои гладко причесанные волосы. Здѣсь-же я примѣнилъ въ первый разъ въ жизни свои сатирическія наклонности и нарисовалъ на какую-то барышню, досадившую мнѣ, каррикатуру на аспидной доскѣ. Каррикатура имѣла такое отдаленное сходство, что едвали самый щекотливый человѣкъ могъ быть задѣтъ ею. Но барышня, вѣроятно, отличавшаяся особеннымъ умомъ, обидѣлась и пажаловалась на меня, 8-лѣтняго мальчика, родителямъ. На другое утро явившійся родитель, должно быть обладавшій такимъ-же геніемъ, какъ и его дочь, явился въ пансіонъ и жестоко расшекъ меня. Помню, что я горько плакалъ по этому случаю, закаивался рисовать каррикатуры и писать сатиры, но увы! впослѣдствіи не удержался и получалъ уже выговоры отъ другихъ родителей. Въ Тюмени я отличался отъ другихъ дѣтей, меня баловали, одѣвали щеголемъ, когда другія купеческія дѣти и въ томъ числѣ одинъ изъ товарищей, бывшій со мной въ университетѣ, бѣгали босикомъ. Въ тойже Тюмени у меня было два учителя: смотритель училища Неуголниковъ и учитель французскаго языка смотритель училища-же Ф. М. Тонаръ; послѣдній, однако, болѣе былъ занятъ ружьями моего отца, какъ страстный охотникъ, чѣмъ мною. У нихъ я пріобрѣталъ первыя познанія о географіи, ариѳметикѣ и т. д.

У меня были двѣ сестры моложе меня. Всѣ вмѣстѣ мы жили въ мезонинѣ, въ особыхъ комнатахъ, тамъ мы играли цѣлые дни. Здѣсь я уже помню сибирскую обстановку. Кромѣ няни, въ нашей дѣтской

была горничная изъ ссыльныхъ. Она разсказывала намъ о своихъ приключеніяхъ, о какомъ-то любовникѣ, занимавшемся въ Тюмени разбоями. Впослѣдствіи онъ былъ сосланъ въ каторгу. Горничная, однако, увѣряла, что онъ далъ ей слово бѣжать и явиться къ ней. Поэтому въ осеннія ночи, когда выл ъ вѣтеръ, она всегда прислушивалась и пугалась каждаго шума, пугались и мы. Нервность моя давала себя знать и въ это время, мы часто пугались на своемъ мезонинѣ. И я помню, какъ разъ, оставленные безъ нянекъ, мы всѣ втроемъ услышали какое-то завываньe и заорали благимъ матомъ. У меня явилась даже какая-то галюцинація. Сбѣжавшаяся прислуга и родители долго разбирали, кто перепугалъ насъ, и послѣ тщательнаго слѣдствія оказалось, что у отца былъ гость Барыковъ или Барыкинъ, толстякъ и ужасный чудакъ. Я помню какъ онъ представлялъ вращеніе земли на своей круглой лысинѣ. На сей разъ онъ отцу живописалъ въ кабинетѣ, какъ по Волгѣ ходятъ расшивы и какъ кричатъ на судахъ. Звуки его голоса отозвались дикимъ резонансомъ въ нашемъ мезонинѣ.

Старшая сестра моя была мужественнѣе и крѣпче меня. Нервы ея были иныя. Когда мы оставались въ зимніе вечера одни, я не отходилъ отъ няньки или крестной матери, тогда какъ сестра моя безбоязненно носилась по всему дому и бѣгала на пустой мезонинъ.

Впослѣдствіи цѣлую жизнь я не могъ отдѣлаться отъ нервнаго и болѣзненнаго чувства. Нервность эту развили много обстоятельствъ съ самаго дѣтства, а родители не понимали и не сознавали, что это былъ болѣзненный задатокъ и что меня надо было укрѣплять. Впрочемъ, не я одинъ обязанъ былъ и дурному воспитанію инстинктивнымъ страхомъ. Впослѣдствіи взрослыми людьми, отрѣшившись отъ всякихъ предразсудковъ, мы разъ чистосердечно бесѣдовали съ нѣсколькими товарищами милѣйшимъ философомъ А. Х. Христофоровымъ и С. С. Шашковымъ, лицами, далекими всякаго суевѣрія, о нашихъ предубѣжденіяхъ и инстинктахъ, и пришли къ выводу, что никто изъ насъ не пойдетъ на кладбище и въ церковь ночью. Просто не въ силахъ будемъ преборотъ свой инстинктъ. Я знаю, какъ эта нервность причинила мнѣ много зла въ жизни, какъ я много страдалъ отъ излишней впечатлительности, и какія *ложныя* преувеличенія, подозрѣнія она внушала. Мой умъ часто боролся съ нею и, къ счастію, въ большинствѣ случаевъ, выходилъ съ побѣдой. Но я чувствую, сколько она могла причинить и причиняла непріятности другимъ. Совладѣетъ-ли съ этимъ врагомъ си-

стема новаго воспитанія — не знаю. Но, кажется, едвали слѣдуетъ дѣлать какой-либо шагъ въ воспитаніи, прежде чѣмъ излечить ребенка отъ излишней нервности и подготовить его организмъ къ здоровой воспріимчивости. Когда я былъ въ жизни случайно гувернеромъ у Кузнецова въ Омскѣ, я нашолъ своего ученика болѣзненно-нервнымъ и сдѣлалъ съ нимъ экспериментъ. Въ это время уже проникли въ литературу понятія о необходимости физическаго здоровья для здоровой моральной жизни. Странно, я выводъ этотъ сдѣлалъ изъ художественной литературы. Базаровъ привлекалъ меня здоровымъ организмомъ, своею мощью и силою характера передъ нервною и дряблою натурою чувствительнаго Кирсанова. Мой экспериментъ, единственный въ педагогической жизни, заключался въ томъ, что я устранилъ мальчика отъ всякихъ умственныхъ занятій, онъ уже 10 лѣтъ читалъ химію и трактовалъ о Наполеонѣ. Взамѣнъ началъ водить его на прогулки въ лѣсъ, занимать естественно-историческими экскурсіями, играми, гимнастикой, внушать ему, что мужчина долженъ быть мужественъ, смѣялся надъ сантиментальностью. Чрезъ годъ у него прошли нервные припадки, которые давали чувствовать себя даже судорогами въ лицѣ. Впослѣдствіи въ гимназіи я видалъ его уже здоровымъ, тучнѣйшимъ ребенкомъ, а когда лѣтъ 20-ти увидѣлъ впослѣдствіи въ Петербургѣ здоровымъ, довольно тучнымъ и, признаться сказать, погруженнымъ исключительно въ животную жизнь, то я даже возликовалъ. Такъ я занятъ былъ этимъ экспериментомъ и имѣлъ слабость приписывать толчку моему въ обратную сторону. Конечно, жизнь съ этимъ субъектомъ сыграла злую проиію и должно было признать, что онъ мальчикомъ 10 лѣтъ былъ умнѣе, но для него физическое здоровье было счастіемъ, хотя и кратковременнымъ, онъ умеръ молодымъ отъ разрыва какой-то вѣны, послѣ сытнаго ужина.

Умственное развитіе мое стояло въ болѣе счастливыхъ условіяхъ, чѣмъ физическое. Отецъ мой отличался умомъ и любилъ литературу. Онъ имѣлъ порядочную библіотеку и выписывалъ всѣ новыя книги. Въ дѣтствѣ я знакомился по иллюстраціямъ со многими дѣятелями. Помню, что меня занималъ Суворовъ и т. д. Книги раньше привлекали мое вниманіе, я увлекался разсказами и стихами. Изъ занятій ad libitum въ свободное время я всегда болѣе почерпалъ, чѣмъ изъ уроковъ, довольно незанимательныхъ, моихъ учителей, съ которыми я пріучился проводить время, притворяясь весьма внимательнымъ слушателемъ, ког-

да мысли мои витали далеко, и я весьма ловко пропускалъ всѣ ихъ преподаванія «изъ одного уха въ другое». И учителя, и ученикъ оставались одинаково довольны.

Такимъ я пріѣхалъ въ Томскъ. Помню въѣздъ въ этотъ городъ, который съ дѣтства оставилъ во мнѣ самыя пріятныя, самыя нѣжныя воспоминанія. Мы пріѣхали въ большой домъ, расположенный среди прекраснаго сада, въ концѣ города, на пескахъ; противъ возвышалась гора съ большимъ крестомъ на верху (Шведская гора съ могилой томскаго коменданта), внизу горы былъ ключъ, на который мы часто ходили. Это была первая поэтическая обстановка моего дѣтства, въ связи съ другими картинами содѣйствовавшая моимъ романтическимъ наклонностямъ. Я помню этотъ садъ и тихіе лѣтніе вечера, прекрасную зелень, цвѣты, фантастическія дорожки. Отецъ играетъ на балконѣ на флейтѣ, звуки льются въ вечернемъ воздухѣ, мать сидитъ и очищаетъ спѣлыя ягоды клубники. Мы носимся, какъ «саврасы», по аллеямъ сада. Наше вниманіе останавливаетъ и большая фантастическая тѣнь дерева, выскочившая лягушка, чашечка цвѣтка, наполненная влагою, внезапно слетѣвшій кубаремъ съ дерева сонный воробей; роса не останавливала нашей вечерней рѣзвости. Я начиналъ любить лунныя ночи. Мать моя также была въ эту пору съ романтическими наклонностями и съ расположеніемъ къ мечтательности. Мы съ ней совершали вечернія прогулки на ключъ, гдѣ пили холодную воду. Въ этой женщинѣ 30 лѣтъ, прекрасной, свѣтской и даже сантиментальной, едвали кто могъ узнать и догадаться, что ея первые дни дѣтства протекли среди обстановки крѣпостныхъ крестьянъ и грубости тогдашнихъ помѣщиковъ. Мать, отдаваясь воспоминаніямъ, передавала объ этой жизни, гдѣ томились еще ея родные. Она разсказывала, какъ во время какого-то неурожая или голода они кормились соломой. Все это заставляло болѣзненно сжиматься наше сердце. Впослѣдствіи мать выписала свою племянницу, выкупивъ ее изъ крѣпостной неволи, желая чѣмъ-нибудь искупить право на благосостояніе и счастіе, доставшееся ей случайно. На этой племянницѣ я также видѣлъ, какъ простой человѣкъ при лучшей обстановкѣ весьма быстро превращается въ аристократа и барина, принимая во вниманіе, конечно, только внѣшность и лоскъ. Племянница была привезена монахинями въ костюмѣ, который понадобилось тотчасъ-же спрятать въ кладовую на ключъ, чтобы не видѣла прислуга, въ какомъ костюмѣ пріѣхала новая родственница. На ней былъ овчин-

ный россійскій тулупъ или полушубокъ, кажется, не особенно опрятный. Черезъ недѣлю племянница матери, а наша двоюродная сестричка, ходила уже въ ситцевыхъ и шерстяныхъ платьяхъ, чрезъ полгода въ шелковыхъ съ лифомъ, хотя талія ея на нашъ взглядъ была очень неуклюжа и толста. На самомъ дѣлѣ это была здоровая и нормальная грудная клѣтка, ни за что не поддававшаяся корсету. Бѣдная плакала, когда ее шнуровали. Она въ первое время говорила «*патретъ*», «*медмѣдь*», надъ чѣмъ мы постоянно трунили. Ее начали, однако, учить грамотѣ, хотя для взрослой дѣвушки это позднее обученіе обошлось не безъ приключеній, первое сочиненіе ея выразилось въ любовномъ посланіи къ своему педагогу, написанное, конечно, съ крупными погрѣшностями въ орфографіи. Это посланіе, открытое матерью разъ за корсетомъ, съ которымъ совершенно, какъ видно, освоилась вновь приобывшая и даже нашла возможнымъ его утилизировать, привело мать въ неописанное негодованіе. Предметъ, къ которому адресовано было посланіе, былъ писецъ нашей конторы, считавшійся наравнѣ съ лакеями. Годъ назадъ, этотъ женихъ для крѣпостной дѣвушки могъ считаться идеаломъ жениха, но теперь это было-бы ужасающимъ mesalliance'омъ и скандаломъ нашей семьи. Послѣ жестокой головомойки и приличныхъ случаю слезъ, преподаваніе прекращено и образованіе племянницы на этомъ было закончено. Чрезъ годъ она фигурировала на нашихъ балахъ въ изящномъ бальномъ платьѣ и первые кавалеры въ городѣ считали за особое удовольствіе танцовать съ ней кадриль. Даже я, весьма щекотливый на счетъ неуклюжести моей двоюродной сестры, танцовалъ съ ней польку, хотя и подмѣчалъ, что хореографическое искусство не далось ей легко[1]). «Медмѣдь» и «патретъ» рѣшительно исчезли изъ лексикона. Скоро нашелся избранникъ, и она вышла замужъ за одного изъ моихъ педагоговъ, впослѣдствіи сдѣлавшагося священникомъ.

Золотое безпечное дѣтство. Игры въ саду и пр. миновали скоро. Меня отдали въ новый пансіонъ для подготовленія въ гимназію. Пансіонъ въ городѣ держалъ учитель гимназіи французскаго языка и его жена швейцарка очень тучная, очень добрая женщина, но знавшая французскій языкъ, какъ крестьянка. Пансіонъ этотъ, не смотря на претензіи и дорогую плату, представлялъ не столько педагогическое

[1]) Никто и не подозрѣвалъ, что эта дѣвушка года два назадъ у какого то орловскаго помѣщика въ телятникѣ сидѣла въ иномъ костюмѣ и обходилась безъ носового платка.

заведеніе, сколько маленькую инквизицію. Самъ содержатель его былъ злой холерикъ, вспыльчивый, жестокій, безсердечный; онъ мучилъ дѣтей и изобрѣталъ самыя утонченныя пытки для нихъ и наказанья. Билъ линейками по рукамъ, розгами сѣкъ, таскалъ за волосы, хватая съ затылка преимущественно за тонкіе волосы, дѣтей держалъ по 12 часовъ на колѣняхъ. Мнѣ пришлось эту систему испытать съ первыхъ шаговъ. Объ этомъ свѣтскомъ пансіонѣ у меня остались самыя ужасныя воспоминанія. Для болѣзненнаго, впечатлительнаго ребенка этотъ палочный институтъ могъ быть могилой. Нѣкоторые мальчики подъ вліяніемъ этой системы и злобы начальника палочнаго заведенія вышли впослѣдствіи идіотами, другіе одержимыми всевозможными пороками (онанизмомъ и проч.) и, наконецъ, просто негодяями, съ которыми впослѣдствіи родители уже не могли ничего сдѣлать. Въ первые дни я горько рыдалъ въ этомъ пансіонѣ. Единственный предметъ, на который болѣе всего обращалось вниманія—былъ французскій языкъ. Дѣти не должны были говорить по-русски. Въ первые дни мы прибавляли къ русскимъ фразамъ «comment en français», это забавно нестрило языкъ, пропускъ команъ франсе влекъ за собою штрафъ: навѣшивали жестяную доску на спину, и если виновный не успѣлъ подставить другого и сбыть ее, его оставляли безъ обѣда, безъ чаю и т. д. При этомъ развилась система подлавливанья и шпіонство.

Богъ знаетъ какъ уцѣлѣли мои умственныя способности здѣсь, какъ меня не превратили въ идіота, подобно другимъ. Тяжесть моего положенія увеличивалась тѣмъ, что я не могъ жаловаться и долженъ былъ скрывать о понесенныхъ наказаніяхъ, ибо отецъ былъ очень строгъ и въ крайнихъ случаяхъ самъ пробовалъ прибѣгать къ розгамъ, впрочемъ это было весьма рѣдко. Я тренеталъ въ этомъ пансіонѣ ежеминутно. Такъ я пробылъ въ немъ три года. Онъ оставилъ во мнѣ самыя ужасныя воспоминанія, о которыхъ непріятно вспоминать. Бурса была въ эти времена, какъ видно, не въ однихъ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ, но и въ свѣтскихъ пансіонахъ, создаваемыхъ разными авантюристами. Я возвращался изъ пансіона только вечеромъ, причемъ долженъ былъ готовить уроки.

Праздничные дни и лѣто были только мнѣ отдыхомъ, причемъ садъ, окружавшая природа залечивали мои горести. Переходъ въ гимназію былъ истиннымъ благодѣяніемъ.

Здоровье мое неособенно было крѣпко, судя потому, что родители по-

мимо «гигіеническаго пансіона», однако, начали совѣтываться съ докторами. Меня поили козьимъ молокомъ, и доктора дозволили мнѣ ѣздить верхомъ. Съ ранняго дѣтства я пристрастился къ верховой ѣздѣ и съ 9 лѣтъ почти ѣздилъ верхомъ. Лошадей у насъ было много. Первыя поѣздки мои были подъ руководствомъ отставного жандарма, судя по первому уроку, вѣроятно, не особеннаго наѣздника, такъ какъ оказалось, что онъ не умѣлъ ѣздить безъ сѣдла, и во время прогулки лошадь его сбросила. Я помню безпомощную и жалкую фигуру этого руководителя-берейтора, распростертую на лугу. Кончилось тѣмъ, что онъ не могъ поймать лошадь, и я воротился домой пѣшкомъ (на лошади онъ меня не отпустилъ), чтобы призвать конюховъ намъ на помощь. Впослѣдствіи я ѣздилъ съ писарями конторы, которые оказались болѣе крѣпки въ сѣдлѣ. Впослѣдствіи безъ всякихъ уроковъ я выучился бойко ѣздить. Въ верховой ѣздѣ, какъ и во многомъ, я былъ самоучкой. Я галлопировалъ, носился въ карьеръ къ ужасу моей матери, не особенно примирявшейся съ этимъ упражненіемъ. Я ѣздилъ верхомъ до окончанія курса въ гимназіи постоянно. Ѣзда меня развивала, и я не чувствовалъ отъ нея вреда. По счастливой случайности я никогда не падалъ съ лошади. Упалъ только разъ въ раннемъ дѣтствѣ въ Тюмени съ лошака, на которомъ меня катали, и котораго глупый лакей пугнулъ сзади метлой. Отсутствіе такихъ приключеній я приписываю счастливой случайности въ моей жизни, какъ и счастливые исходы впослѣдствіи моей литературной полемики, гдѣ также меня не выбивали изъ сѣдла, можетъ быть это отъ того, что лошади, на которыхъ я ѣздилъ, не были особенно спльны и бѣшены. Лошаки или отмѣтчики «среди газетъ и журналовъ», однако, брыкались иногда весьма чувствительно. Здѣсь можно-бы вывести одинъ урокъ. Наѣздникъ, никогда не сбрасываемый съ лошади, иногда можетъ упасть съ осла.

Другимъ физическимъ упражненіемъ моимъ была прогулка по горамъ. Противъ нашего дома была значительная горка. Съ нея открывалась прелестная панорама на городъ, луга и окрестности. Вдали извивалась рѣка. Рѣка эта была могучая сибирская рѣка, которая, будучи едва видима съ горы, весною заливала весь лугъ и представляла сплошное море. Я особенно любилъ весну съ массой ручьевъ, несшихся съ горы и иногда превращавшихся въ цѣлую горную рѣку, которую сдерживали посреди улицы плотинами. Я переѣзжалъ ее верхомъ какъ горный по-

токъ. Таявшій снѣгъ, всходившія цвѣты, нѣжащая первая теплая струя возбуждали во мнѣ ликующее настроеніе. Это ощущеніе первой весны такъ было хорошо, что я много разъ въ жизни искалъ его еще разъ встрѣтить, но никогда не находилъ, какъ не находитъ человѣкъ утраченной юности.

Каждую весну наша гора покрывалась прелестными цвѣтами и преимущественно простой сибирской лиліей. Съ этими цвѣтами у меня связано воспоминаніе объ одной ранней дѣтской смерти, которая отразилась темной пасмурной тѣнью въ свѣтломъ зеркалѣ моего дѣтства, но страннымъ образомъ съ которой сочетались воспоминанія и о лѣтнемъ праздничномъ днѣ и о цвѣтахъ. Это была смерть моей младшей сестры Кати, дѣвочки лѣтъ 10, ребенкѣ весьма симпатичномъ. Она умерла отъ скарлатины. Я вижу до сихъ поръ ея правильный, почти классическій профиль (что составляло исключеніе среди нашихъ лицъ), съ ея прекрасными бѣлокурыми волосами. Эта головка стоитъ передо мною, какъ изящная Камея. Ребенокъ этотъ обладалъ нѣжнымъ сердцемъ, выдающимся тихимъ характеромъ и ранней разсудительностью. (Есть какія-то странныя примѣты, что такія дѣти недолговѣчны). Характеръ ея отличался отъ нашего ровностью, спокойствіемъ и мягкостью. Ее не за что было журить, такъ какъ она вела себя всегда умно. Мать ее любила до безумія. Что изъ нея вышло-бы? что за типъ женщины? человѣка? Такіе вопросы невольно задаешь, когда видишь неоконченную или прерванную жизнь, какъ начатое, многообѣщающее произведеніе рано умершаго автора. Смерть неповиннаго святого младенца, только что распускавшейся жизни всегда глубоко-загадочна. Почему жребій смерти выпалъ на эту невинную крошку? Мы не можемъ представить себѣ, чтобы и фатумъ былъ безжалостенъ. Смерть по представленію человѣка была всегда наказаніемъ, расплатой за какіе-то грѣхи, а здѣсь за что-же? Кто лишаетъ здѣсь жизни и въ какую пору, когда дѣтская улыбка заиграла на лицѣ, и малютка протянула руки къ этому сіяющему небу? Съ такими загадочными чувствами мы стояли надъ умирающей маленькой сестрой. Она потухала тихо, спокойно, прощаясь со всѣми, какъ взрослая, сознавая, что куда-то уходитъ. Послѣднія слова ея были: «пойдемъ въ садъ». Я помню ее въ атласномъ гробикѣ съ золотымъ покровомъ блѣдную и спокойную, какъ восковую, мы ее осыпали всю цвѣтами и снесли чрезъ лѣсъ въ яркій солнечный день и положили въ зеленую могилу. Кругомъ ликовала

весна, щебетали птицы, природа была такъ празднична, такъ хороша. И это былъ не столько контрастъ, сколько гармонія маленькой прекрасной покойницѣ....

Въ Томскѣ я поступилъ въ 3-й классъ гимназіи. Отецъ мой въ это время еще былъ живъ. Я помню хорошо его. Высокій, сильный мужчина, когда-то красивый съ правильными чертами лица, строгій, дѣловой и временами вспыльчивый. Не смотря на то, что онъ заправлялъ тогда откупнымъ дѣломъ, это былъ человѣкъ строгой честности и дѣлецъ. Откупное дѣло тогда, конечно, не было красиво, на прямой обязанности управлявшаго было имѣть дипломатическія отношенія съ губернской администраціей, изъ которыхъ всѣ до послѣдняго чиновника пользовались съ откупа. Въ конторѣ, какъ я узналъ впослѣдствіи, были особыя бухгалтерскія вѣдомости, гдѣ подъ литерами стояли оклады чиновникамъ; разгадка и ключъ этой вѣдомости хранились секретно у управляющаго, т. е. у отца. На обязанности отца было также поддерживать добрыя отношенія съ власть имущими. Поэтому нашъ домъ былъ одинъ изъ самыхъ хлѣбосольныхъ, дѣлались обѣды, вечера. Всѣ чины, начиная съ частныхъ приставовъ, посѣщали. Отецъ, конечно, былъ не особенно высокаго мнѣнія объ этихъ гостяхъ, получавшихъ взятки. Самъ онъ былъ по натурѣ личность честная. Ни одинъ хозяйскій грошъ, при милліонныхъ оборотахъ, у него не пропадалъ. Получая порядочное жалованье, онъ оставилъ ничтожное имущество и мать получила субсидію послѣ его смерти отъ хозяина П. Ф. Базилевскаго на воспитаніе дѣтей. Въ бумагахъ отца я нашелъ записки и замѣтки, изъ которыхъ видно было, какъ онъ тяготился своей обязанностью, насколько она расходилась съ его нравственными убѣжденіями. По натурѣ это былъ человѣкъ религіозный и безусловно честный. Это была натура, которую обстоятельства и жизнь поставили трагически на постъ, совершенно противоположный его нравственнымъ качествамъ. Выбора не было. Онъ шелъ съ писцовъ и конторщиковъ по одной дорогѣ, ремесло его было конторское и другого онъ не зналъ. Ничто не трогало тогда жизни и не было ничего, что-бы могло толкнуть его къ другой профессіи, да и какую онъ могъ избрать? Въ запискахъ его сквозили какія-то, однако, философскія и можетъ быть гражданскія размышленія, раздумье. Онъ видѣлъ, что здѣсь лежитъ какая-то организація, какая-то фатальная связь, все въ гармоніи, въ согласіи—нажива откупная, золотопромышленное дѣло, чиновная корпо-

рація, искавшая у нихъ средствъ и поддержки. Онъ простое колесо, орудіе этого механизма, посредникъ. Онъ ничего не можетъ подѣлать противъ этой силы. Помню эти буквальныя выраженія въ запискахъ, писанныхъ карандашемъ. Ясно, что внутренняя нравственная борьба была доступна и тогдашнему поколѣнію. По способностямъ, по уму и, пожалуй, по честности, мой отецъ стоялъ гораздо выше другихъ, его уважали за умъ. Не смотря на отсутствіе воспитанія, онъ былъ любознателенъ и постоянно читалъ. У него была библіотека. Съ ранней молодости онъ любилъ книги, которыя въ дѣтствѣ были его страстью. Карамзинъ, Державинъ, а затѣмъ Пушкинъ, Гоголь ему были извѣстны. Но передъ этимъ онъ перечелъ Булгарина, Кукольника и массу другихъ фальшивыхъ произведеній, которыя едвали ему давали утѣшеніе. «Пчелку» онъ получалъ всю жизнь и по ней только слѣдилъ за политикой. Всѣ тогдашніе журналы онъ выписывалъ и читалъ, но у него, конечно, не было того образованія, которое научаетъ дѣлать выборъ лучшихъ произведеній. Критики Бѣлинскаго и друг. ему оставались неясны и неизвѣстны. Ихъ не зналъ даже нашъ учитель словесности.

Отецъ мой иногда задумчиво смотрѣлъ на меня, какъ мы смотримъ на нашихъ дѣтей, и вѣроятно думалъ: «что-то изъ тебя выйдетъ?». Я видѣлъ въ немъ, суровомъ, иногда какіе-то припадки нѣжности. Дума, глубокая дума о смерти бродила въ душѣ его и эта нѣжность сочеталась со спокойно-грустной меланхоліей. Я хорошо понимаю это чувство теперь и оно бродитъ въ моей душѣ, когда я смотрю на моихъ дѣтей. Въ эти минуты онъ говорилъ мнѣ какія-нибудь краткія нравственныя тенденціи: «Ну, Николай, если я умру—живи честно, не совѣтую, однако, заниматься тѣмъ, чѣмъ занимался отецъ твой, не служи въ нашихъ должностяхъ» (по откупамъ). Вѣроятно, старику тяжело было сознавать это, но онъ предпочелъ сознаться маленькому сыну и предостеречь его. Съ этою цѣлью онъ старался дать образованіе намъ и тщательно слѣдилъ за моими успѣхами. Онъ назначилъ меня въ университетъ. Уже это одно показывало, что онъ стоялъ на грани того развитія и нравственныхъ требованій, которыя вытекли сами собою, не смотря на капризъ дѣйствительности. Этимъ объясняется, почему изъ среды самой низменной, иногда не носящей въ себѣ никакихъ нравственныхъ задатковъ, но дѣйствовавшихъ наперекоръ нравственности, общественной пользѣ, благу, добродѣтели, выходятъ служи-

тели бѣса и представители началъ совершенно противоположныхъ. Изъ среды купцовъ, буржуазіи, изъ крѣпостниковъ и помѣщиковъ выходятъ поколѣнія совершенно съ противоположными тенденціями. Такъ случилось и въ русской жизни въ 50-хъ и 60-хъ годахъ настоящаго столѣтія. Лучшіе жизненные идеалы, стремленія, влеченія къ добру, святая любовь къ человѣчеству не исчезаетъ изъ народа, изъ цѣлаго племени никогда, ни въ какія эпохи, не смотря ни на какія обстоятельства. Они всегда лежатъ въ смутномъ сознаніи какъ массы, такъ и отдѣльнаго человѣка[1]).

Насколько отецъ желалъ мнѣ добра и честнаго служенія обществу, сознательно руководимый умомъ и давая совѣты, на столько мать это дѣлала чувствомъ. Я говорилъ, какое нѣжное чувство къ намъ, дѣтямъ, носилось въ суровой груди отца. Любовь и ласка рѣдко сквозили изъ подъ нахмуренныхъ, строгихъ бровей, но онѣ сквозили, онъ желалъ намъ счастья. Эта любовь за то выражалась безсознательно, но полно, беззавѣтно, въ цѣломъ существѣ матери, которая не давала совѣтовъ, не наставляла, даже не говорила о своей любви, но она дышала во всемъ ея существѣ, въ ея взглядѣ, въ ея нѣмой ласкѣ. Она сохранила грустныя воспоминанія о своемъ дѣтствѣ и часто разсказывала намъ, дѣтямъ, о томъ, какъ жила она въ Орловской губ. въ крѣпостной средѣ. Она рано потеряла родителей и ее, сироту, воспитывала тетка. Она помнила голодъ въ ихъ деревнѣ, какъ крестьяне питались соломой. Помнила нѣкоторые страшные эпизоды изъ исторіи крѣпостного права и передавала намъ. Лѣтъ 14 я съ ея словъ пробовалъ писать даже повѣсть изъ крѣпостной среды, которую зналъ только по разсказамъ. Мать какъ-то случайно попала въ дворню помѣщика и отсюда была переведена въ Харьковъ и взята въ услуженіе къ Кузинымъ. Она видѣла свѣтскую жизнь въ домѣ богачей-откупщиковъ, сохранила воспоминаніе о чугуевскихъ гусарахъ, ѣздившихъ въ домъ. Въ сибирскомъ городѣ ея мечтою было дать и мнѣ свѣтское воспитаніе. Меня

[1]) Помню кое-что и изъ другихъ сентенцій отца въ минуты его раздумья, онѣ также были кратки.—Николай, говорилъ онъ, *не пей, не играй въ карты*, берегись дурныхъ друзей, *берегись дурныхъ женщинъ*! Это онъ говорилъ ребенку, который, конечно, не сознавалъ ни сути совѣтовъ, ни вѣрности предостереженія. Я полагаю, что и современные моралисты, однако, не скажутъ ничего яснѣе. Жизнь послѣ произноситъ тѣ же тенденціи только въ болѣе суровой формѣ на шкурѣ взрослаго дубины, пренебрегшаго этими совѣтами. Алкоголисты, игроки и зараженные болѣзнями *мужи* и *юноши* нерѣдко съ рыданіями вспоминаютъ эти простые совѣты, которые они игнорировали. Кружащаяся, какъ мотылекъ надъ цвѣтами, юность не знаетъ всѣхъ окружающихъ ядовъ жизни и только узнаетъ это, когда уже и юность миновала, и яды произвели свое дѣйствіе.

рано учили танцовать, французскому языку въ двухъ пансіонахъ; я учился на фортепьяно, но не выучился и лѣтъ 14 забросилъ игру. Отецъ смотрѣлъ на мое воспитаніе строже; мать думала сдѣлать изъ меня свѣтскаго человѣка. Дѣйствительно я 10 лѣтъ уже напоминалъ маленькаго джентльмена. Когда я началъ, лѣтъ 12-ти, писать дневники и сочинять стихи, мать меня всегда съ нѣжной гордостью называла «мой Пушкинъ», чего я ужасно стыдился, ибо само уже преувеличеніе было подобіемъ сатиры.

Послѣ смерти отца въ 1855 г. характеръ матери круто измѣнился. Подъ старость у ней сказались дурные инстинкты. Заживъ вдовою, послѣ прежняго блеска, она начала скучать, затѣмъ выпивать вино и это намъ съ покойной сестрой причинило не мало горестей. Я учился въ гимназіи до 7-го класса; живя безъ отца, я былъ совершенно свободенъ, такъ какъ мать очень уже мало вмѣшивалась въ мое воспитаніе. Впослѣдствіи мать поѣхала со мною въ Петербургъ, гдѣ по пріѣздѣ въ 1860 г умерла, заболѣвъ въ первый годъ брюшнымъ тифомъ.

Исторія пребыванія въ гимназіи и обстановка въ ней представляетъ особый очеркъ [1]).

---

[1]) Напечатано въ «Сибирскомъ Сборникѣ» въ Иркутскѣ 1886—97 гг.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ДРАМА.

(Не быль и не сказка).

Крестьяне Семеновскаго, глухого, утонувшаго въ тайгѣ сибирскаго села, празднуютъ свой храмовой праздникъ.

Отовсюду, изъ сосѣднихъ деревень, съѣхались къ престолу родные и знакомые семеновцевъ.

Обѣдня отошла. Священникъ съ причтомъ и крестомъ обошелъ уже всѣ дома прихожанъ.

Крестьяне успѣли послѣ обѣдни закусить и изрядно выпить.

Въ общественномъ кабакѣ стоитъ невообразимый шумъ и гамъ. Отъ кабака — по одному человѣку, по два — въ обѣ стороны деревни, шатаясь, расходятся крестьяне.

На главной улицѣ, вытянувшейся вдоль большой и красивой рѣки, толпами гуляютъ молодежь и старики, наслаждаясь теплымъ весеннимъ днемъ.

Вотъ въ одной группѣ весело заиграла гармоника, составился кругъ, молодой, развязный парень въ вышитой кашемировой рубахѣ и въ широкихъ плисовыхъ шароварахъ подхватилъ первую попавшуюся дѣвушку и бойко, съ веселымъ притопытываньемъ, сталъ отплясывать русскую.

Мимо кружка, не обращая на него вниманія, по самой серединѣ улицы, прошло пять-шесть пожилыхъ женщинъ, вытягивающихъ пьяными, визгливыми голосами слова пѣсни:

Ой, ты, милый, молодой,
Ночуй ноченьку со мной!
Радъ-бы, радъ я ночевати,
Боюсь до свѣту проспати....

Женщины отошли шаговъ двадцать отъ плящущей молодежи и проходили мимо дома семеновскаго богатѣя-крестьянина Ивана Яковлевича Кузнецова.

У Ивана Яковлевича дома были лишь одинъ старухи. Подрумяненныя виномъ и повеселѣвшія отъ него, онѣ долго сидѣли уже въ душной комнатѣ, переговорили уже обо всемъ и скучали.

— Бабушка Васильевна, Анна Андреевна, тетка Миколавна, милости просимъ, къ намъ посидѣть пожалуйте! закричала черезъ окно проходившимъ мимо мать Ивана Яковлевича, низенькая, сгорбленная старушка, съ лицомъ, сплошь изрытымъ морщинами.

— Покорно благодаримъ,—отвѣтила одна изъ бабъ, въ то время, какъ другія прервали пьяную пѣсню,—къ Аннѣ Андреевнѣ собрались Петчу сватать.

— Ну, съ Богомъ, съ Богомъ, высватывайте, вмѣстѣ гулять будемъ,—мягко и любезно сказала старуха и потомъ обращаясь къ своимъ гостьямъ, сердито прибавила:

— Спѣсива сватья-то, куражится, обороши Господи! А сватать плоха!

— Пошто?—спросила одна изъ старухъ.

— Внуку-то добро, поди, выпскала? Змѣю подколодную!

— Не ужпваются?

— Какъ ужиться, какъ ужиться съ такой!—продолжала старуха, повышая голосъ.—Кеша съ ней и ласками, и словомъ добренькимъ, а она отъ него все рожу воротитъ. Выдали, вишь, за нелюбого, супротивъ воли ея, такъ она и знать его не хочетъ: не мужъ онъ ей. А мы ей не родня.... И разговаривать даже съ нами—ни-ни. Спросишь што: да, нѣтъ; прикажешь што—сдѣлатъ и молчитъ; за столъ сядетъ—молчитъ. Измаяла насъ всѣхъ, а пуще всего Кешу. Онъ и такъ-то плохъ былъ, а теперь самъ не свой сталъ.

— Наша Катюха сказывала,—зашамкала одна изъ старухъ,—что съ Агафьей вашей разговоръ у нихъ былъ.—Не любъ онъ мнѣ,—это ваша-то про внука твоего говоритъ.—Пошто не любъ?—наша-то спрашиватъ.—Такъ не любъ: и уродъ онъ, и голосу у него нѣту, и духъ отъ него скверный...

— Уродъ!... Тоже красавица писанная!—злобно сказала хозяйка.

— А у алексѣевскихъ,—начала другая старуха,—съ Василисой спервоначалу тоже было. Та еще хуже: и жить-то съ мужемъ не хотѣла. Потомъ въ Захарьевку къ бабушкѣ Осиповнѣ возили. Та тако слово знатъ...

Но старуха замолкла, не окончивъ своей рѣчи.

Въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги и въ горницу вошла сама невѣстка Агафья, молодая, красивая, черноглазая женщина съ худымъ и блѣднымъ лицомъ.

Старухи уставились глазами на Агафью, молча слѣдили за нею,

какъ она прошла къ столу, собрала чашки и блюдца, ушла съ ними въ сосѣднюю комнату и стала ихъ тамъ мыть и перетирать.

Продолжать разговоръ на ту-же тему было нельзя.

Старухи помолчали.

— Охъ, охъ, боже мой, боже мой!—зѣвая, вздохнула одна.

— Ой, ой,—ошеньки!—за нею зѣвнула другая.

— Идти-то неохота, а надо-бы,—сказала третья.

И опять замолчали.

— А погода-то затихать!—послѣ продолжительнаго молчанія сказала хозяйка, глядя въ окно, и, заглянувъ на улицу, добавила.—Иванъ съ внукомъ домой идутъ!

— Ну, мнѣ пора!—поднялась собираться домой одна изъ старухъ, а за нею стали собираться и другія.

— Покорно благодаримъ за угощеніе! Къ намъ милости просимъ!—говорили гостьи, прощаясь съ хозяйкой.

— Вотъ ужо соберусь какъ-нибудь.

Старухи расцѣловались.

— До свиданьица, до свиданьица, къ намъ пожалуйте!

И старухи вышли.

А вскорѣ въ горницу вошелъ самъ Иванъ Яковлевичъ, тесть Агафьи, замѣтно пьяный, а за нимъ Иннокентій, ея мужъ.

Иванъ Яковлевичъ типичный сибирякъ. Средняго роста, плотный, коренастый, медвѣжьей силы мужчина, съ широкими скулами, съ грубыми, но правильными чертами лица, съ маленькими сѣрыми, чертвыми глазами, съ небольшой и негустой круглой, рыжеватой бородкой.

Иннокентій не похожъ на отца. Онъ выглядитъ какимъ-то выродкомъ. Низкаго роста, худой, со впалыми щеками, съ мутными, невыразительными глазами, весь дряблый, вялый, апатичный.

Иванъ Яковлевичъ, строгій, слегка пошатываясь, прошелъ, молча, по комнатѣ и сѣлъ у стола. Иннокентій остановился около него.

— Гаща!—позвалъ Иванъ Яковлевичъ невѣстку и, когда та вошла, глянулъ на нее осовѣлыми глазами.

— Ну?—отозвалась Агафья.

— Пріодѣнься-ка, къ Степановскимъ вмѣстѣ сходить обѣщали...

— Не пойду я къ Степановскимъ.

Иванъ Яковлевичъ строго посмотрѣлъ на Агафью.

— Не пойду,—повторила она.—Ничего я тамъ не забыла

— Не пойдешь?—переспросилъ тесть.

Агафья только покачала головой въ отвѣтъ.

— Братъ-отъ тамъ твой будетъ...—сказалъ Иванъ Яковлевичъ.

— Коли сестру захочетъ повидать, сюды придетъ. Только что-то плохо онъ меня навѣщаетъ: знать наговорили люди добрые...

— Га-ща,—прикрикнулъ Иванъ Яковлевичъ,—ой, Гаща, береги-ись! —Что-жъ ты,—обратился онъ къ сыну,—дуракомъ-то стоишь! Проси ее, падай на колѣники!... Не то всѣ скажутъ, что мучители мы Агафьи, что затворницей ее держимъ, притѣсняемъ!

Иннокентій молчалъ.

— Пойдемъ, Агафьюшка!—сказалъ, наконецъ, онъ.

— Ахъ, дурья твоя голова!—закричалъ на него Иванъ Яковлевичъ. —Не просить, не молить ее надо, а дуть, дуть, хорошенько дуть! Ну, дуй-же ее, дуй, жарь, колоти!... Стоишь, молчишь, жалко? Ахъ ты курица, курица поганая, и въ кого ты только уродился!... Пойдемъ безъ ея, и-демъ!—Только доберусь-же я до тебя,—обратился онъ снова къ Агафьѣ, грозя пальцемъ,—доберусь, дождешься.

И Иванъ Яковлевичъ вышелъ изъ горницы, съ сердцемъ хлопнувъ дверью.

— Пойдемъ, Агафьюшка, съ нами,—сказалъ Иннокентій, оставшись наединѣ съ женой. Отецъ серчатъ, говоритъ: почто не бьешь ее— умнѣй станетъ, а развѣ у меня рука повернется? Пойдемъ, Агафьюшка: не прошу я у тебя ни слова нѣжнаго для себя, ни ласки, уважь отца, пойдемъ!

Иннокентій умоляюще глядѣлъ на жену и взялъ ее за руку.

Агафья отдернула свою руку и, не глядя на мужа, сказала:

— Самъ ступай: я вамъ не спутница... Не тебя неволили, а меня... И ты съ другими!

— Ахъ, Агафьюшка, вѣдь изъ любви я, изъ любви тебя домогался. Думалъ, пріобыкнешь, полюбишь...

— Не полюблю, никогда не полюблю! Другого и любила, и люблю, самъ знаешь. Хоть не ему принадлежу, но душой никогда твоей не буду.

— Да, да, слыхалъ я это, слыхалъ,—печально сказалъ Иннокентій.

— Ну, коли слыхалъ, такъ и разговаривать нечего... Ступай, отца догоняй, не то онъ тебя прибьетъ, какъ меня собирался.

— Э-эхъ, Агафьюшка, Агафьюшка,—тяжело вздохнулъ Иннокентій и вышелъ.

Агафья тоже тяжело вздохнула, когда Иннокентій вышелъ изъ комнаты.

— Никогда не полюблю,—подумала она.—Правда-ли это?

Ей было жаль мужа. Она видѣла, что Иннокентій страдаетъ, не находя у нея отвѣта на свое чувство, но насиловать свое чувство она не могла. Слишкомъ хорошо помнитъ она тѣ минуты, когда она любила и была любима другимъ. Въ сравненіи съ этимъ какой тотъ, ея Василій, сильный, умный, ученый и пригожій! Какъ звучало для нея каждое его слово, какъ волновалась ея грудь во время свиданій!

Теперь она уже давно не видѣла его, ужь три мѣсяца, со времени свадьбы. Но какъ ее къ нему тянетъ!

А отъ этого она-бы бѣжала, бѣжала далеко, безъ оглядки!

Но куда побѣжишь? Отца и матери у нея нѣтъ, братья и сестры знать не хотятъ.

Такъ въ печальныхъ думахъ, одинокая, сидѣла Агафья, когда на улицѣ вдругъ раздался веселый смѣхъ, крики и гиканье.

Она подбѣжала къ окну.

По улицѣ, босикомъ, безъ шапки, въ дырявыхъ арестантскихъ холщевыхъ штанахъ и рубахѣ, растрепанный бѣжалъ Микитка, поселенецъ-идіотъ, приписанный къ Семеновской волости, здоровый, рослый дѣтина лѣтъ тридцати.

Микитка этотъ, почти неспособный ни къ какой работѣ, жилъ милостыней и служилъ посмѣшищемъ семеновскихъ ребятъ, а иногда и взрослыхъ.

Семеновцы и сегодня, подпоивъ его немного въ кабакѣ, потѣшались надъ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не убѣжалъ отъ кабака.

Когда онъ, преслѣдуемый криками ребятъ и взрослыхъ, добѣжалъ до дома Ивана Яковлевича, онъ услышалъ негромкій крикъ.

— Микитка, а, Микитка!

Микитка остановился.

Въ окно выглядывала Агафья.

— Зайди-ко ко мнѣ. Закусишь, да и дѣло къ тебѣ есть,—сказала она.

Микитка сразу согласился на предложеніе Агафьи и зашелъ въ избу.

Агафья поставила на столъ передъ Микиткой тарелку съ какой-то жареной птицей, другую съ кислой капустой, потомъ еще тарелку съ котлетами, и когда онъ молча съѣлъ все это, она рѣшила попросить Микитку сдѣлать то, ради чего она, собственно говоря, и зазвала его.

Дѣло въ томъ, что Микитка помогалъ ей поддерживать письменныя сношенія съ ея Васей.

Когда Агафья получила отъ него первое письмо, Микитка прочелъ его ей. Тотъ-же Микитка, подъ ея диктовку, написалъ отвѣтъ.

Теперь она ужь болѣе недѣли тому назадъ получила новое письмо и до сихъ поръ никому не могла довѣрить прочесть его. Микитка опять пришелъ на помощь.

Агафья оглядѣлась кругомъ, не было-ли кого около избы, и, осторожно вынимая изъ кармана письмо и подавая его Микиткѣ, сказала:

— Вотъ, Микитушка голубчикъ, прочитай.

Микитка покорно взялъ письмо и сталъ читать:

«Здравствуйте, моя дорогая Агафья Семеновна! Съ ужаснымъ страданіемъ и терзаемой грудью моей я принимаюсь за это письмо. Вѣрите-ли, смотрѣть не хочется ни на что, и красное солнце свѣтитъ не для меня, безсонница меня одолѣла и отъ непреодолимой мечты могу думать только о Васъ».

Митька читалъ монотонно, безъ всякаго выраженія.

Но Агафья жадно, напряженнымъ ухомъ, вслушивалась въ слова...

Милый ея писалъ ей много и чѣмъ дальше читалъ Микитка, тѣмъ съ большимъ увлеченіемъ слушала она.

Увлекшись она не замѣтила, какъ кто-то тихо подошелъ къ двери избы.

«Господи,—продолжалъ читать Микитка,—какъ терзаюсь я не видя Васъ, и какъ страдаетъ моя бѣдная грудь среди чуждыхъ людей!... Но, вѣдь, никто и ничто въ мірѣ не въ силахъ помѣшать намъ любить другъ друга, мы должны вмѣстѣ умереть одинъ за другого...»

Агафья точно замерла, вслушиваясь въ нѣжныя, чувствительныя слова дорогого ей любовника. Стоя спиной къ двери, забывъ обо всемъ въ мірѣ, она жадно ловила каждое слово, какъ только слетало оно съ устъ Микитки.

«Боже,—продолжалъ читать Микитка,—а теперь, подумать, ты безвинно страдаешь въ постылой семьѣ, около нелюбимаго мужа! Ахъ, когда-же, когда ты снова всѣмъ тѣломъ будешь принадлежать мнѣ, когда снова мы будемъ дѣлить наслажденія и ласки?... Я добился перевода въ Семеновское сельскимъ писаремъ...»

— Та-та-та, вдругъ раздался сзади Агафьи пьяный голосъ Ивана Яковлевича, стой, Микитушка, стой, голубчикъ... Давай письмо, давайко сюды!

Агафья побѣдѣла, услышавъ голосъ тестя. Она хотѣла выхватить письмо изъ рукъ Микитки, но дюжая фигура Ивана Яковлевича заслонила ей дорогу къ нему.

Микитка глупо, нѣсколько растерянно, смотрѣлъ на Ивана Яковлевича.

Иванъ Яковлевичъ съ сердцемъ выхватилъ письмо изъ рукъ Микитки.

— Давай-же, дурья голова, не то такъ свисну, что послѣдніе мозги вышибу! Славно, Агафья Семеновна, славно, чудо, какъ хорошо!— продолжалъ онъ, обращаясь къ невѣсткѣ.—Вотъ почему съ мужемъ да съ нами любви да согласія нѣтъ! Полюбовничкомъ обзавелись, славно, славно! Эй, Васька,—закричалъ онъ какому-то мальчику, пробѣгавшему въ это время мимо окна,—бѣги, паря, къ алексѣевскимъ, да скажи тамъ Кешѣ, что я его къ себѣ зову... Да живо штобъ!... Славно, невѣстушка честная, очень хорошо!

Агафья стояла блѣдная, растерянная, молча глядя въ какую-то точку на полу.

Отрывочныя, поспѣшныя мысли, одна другой печальнѣе, быстро проходили въ ея мозгу.

Случилось ужасное горе. Ее опозорятъ, надъ ней надругаются, будутъ бить ее, и положеніе ея въ этой семьѣ будетъ еще болѣе несноснымъ. Даже мужъ будетъ относиться къ ней со злобой и презрѣніемъ!

Васѣ тоже будетъ плохо. Мѣста, конечно, онъ не получитъ: Иванъ Яковлевичъ все можетъ и устроить, и разстроить.

А что будетъ сейчасъ? Для чего Иванъ Яковлевичъ послалъ за мужемъ? Что онъ хочетъ дѣлать?

А Иванъ Яковлевичъ, спрятавъ письмо въ карманъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, ходилъ по комнатѣ и издѣвался надъ невѣсткой.

— Славнаго повѣреннаго по дѣламъ выбрала, нечего сказать! У-умная баба: этотъ не выдастъ! Не выдашь, вѣдь, Микитка, а никому не разскажешь? Никому, никому! Никто не узнаетъ. Хошь, Агафьюшка, никто не узнаетъ, хошь невѣстушка, и я никому сказывать не буду, а? И Кешѣ не скажу... Зачѣмъ огорчать бѣдненькаго: онъ и такъ много горя видитъ. И брату твоему не буду сказывать: сестра у него честная, стро-огимъ правиламъ выучена, ха-ха-ха.

Агафья молчала.

— Молчишь—знать, не хошь?—продолжалъ Иванъ Яковлевичъ другимъ—жесткимъ, грубымъ тономъ.—Ну, ладно. Такъ по всему селу, по

всему свѣту разглашу твой позоръ! Всѣ пусть услышатъ, всѣ пусть про тебя, потаскуху подлую, узнаютъ. Мальчишки на улицѣ пусть пальцами на тебя кажутъ, пусть смѣются всѣ надъ тобой—всѣ знать будутъ. Позоръ ты въ нашъ домъ принесла, пусть на тебя одну падетъ!...

Иванъ Яковлевичъ ходилъ по горницѣ и кричалъ все громче и громче.

А Агафья по прежнему молчала.

Въ это время въ избу вбѣжали, перепуганные крикомъ, Иннокентій, мужъ Агафьи, и Степанъ Николаевичъ Сиротинъ, сельскій староста и родственникъ Кузнецовыхъ.

Иннокентій удивленно посмотрѣлъ на отца, на жену, потомъ на Микитку.

— Ну, не хотѣлъ жену учить,—сказалъ Иванъ Яковлевичъ сыну,—такъ теперь я поучу ее уму разуму. Не жена она тебѣ вѣрная, а потаскуха она негодная! Во, во, во, гдѣ грѣхи ея на лицо,—кричалъ онъ, вынимая изъ кармана письмо. Письмо отъ любовничка, видишь-ли, получила, ну и читали, съ убогенькимъ-то, наслаждались. А я-то подошелъ, не слышенько, да-а, ха-ха-ха.

Иннокентій поблѣднѣлъ и растерянно глядѣлъ вокругъ.

— Что-жъ, Агафьюшка, молчишь,—сказалъ онъ, наконецъ, обращаясь къ женѣ,—говори, оправдывайся! Не твое письмо, не къ тебѣ оно писано и не знашь откуда оно, а? Говори Агафья!

А Агафья все-таки молчала. Она стояла, точно застывшая въ одной позѣ, смотрѣла внизъ, и ни одинъ мускулъ лица ея не дрогнулъ.

— Такъ, такъ, учи ее, умница, учи выгораживаться. Нѣтъ, я теперь ее буду учить. Степанъ Миколаичъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ старостѣ,—ты не знашь, что дѣлаютъ съ тѣми, кто противъ седьмой заповѣди погрѣшатъ?

— Не знаю, Иванъ Яковлевичъ, не ученъ я, а старостой самъ знашь противъ воли выбрали.

— Ну, коли такъ, такъ я знаю. Позвольте, Степанъ Миколаичъ, въ вашей расправѣ судъ ей учинить. Можно-съ?

— Отчего-же нельзя. Сами знаете, все можно. На то и сельское управленіе.

— Ну, такъ веди ее въ расправу,—сказалъ Иванъ Яковлевичъ старостѣ,—а ты ступай въ кабакъ и тащи оттуда вина четверть. Микитка, ступай за мной! Степанъ Миколаичъ, пожалуйте впередъ!

И староста съ Агафьей впереди, а Иванъ Яковлевичъ съ Микиткой сзади отправились по улицѣ по направленію къ сельской управѣ.

Одинъ только Иванъ Яковлевичъ зналъ, куда шелъ и зачѣмъ. На лицахъ остальныхъ написано было недоумѣніе, а на лицѣ Агафьи и страхъ.

Крестьяне съ любопытствомъ разсматривали проходившую группу. Кое-кто, желая удовлетворить любопытство, пробовалъ задавать вопросы, но молчаніе было отвѣтомъ на всѣ эти вопросы.

Нѣсколько болѣе любопытныхъ крестьянъ присоединились къ группѣ и провожали ее.

Наконецъ, дошли до управы.

Агафью и Микитку ввели въ комнату, гдѣ помѣщалась канцелярія, и поставили у двери, Иванъ Яковлевичъ и Степанъ Николаевичъ усѣлись за столъ.

Иванъ Яковлевичъ кликнулъ посыльнаго.

— Сбѣгай за новымъ писаремъ, Василіемъ Ивановичемъ, скажи, что дѣло здѣсь неотложное есть,—тихо сказалъ онъ ему, такъ, чтобы Агафья не слыхала его словъ.

Василій Ивановичъ Пятковъ, бывшій любовникъ Агафьи, поселенецъ изъ бродягъ, успѣшно прошедшій арестантскую школу и потерявшій въ ней послѣдніе остатки человѣческой правды и совѣсти, только вчера пріѣхалъ на новое мѣсто. Онъ перевелся въ Семеновское ради бо́льшаго жалованья. Но сюда его манила также Агафья, съ которой онъ мечталъ возобновить связь, если это можно будетъ сдѣлать такъ, чтобы ничѣмъ не рисковать самому. Агафью онъ любилъ лишь за ея красивое тѣло, никакого прочнаго чувства у него по отношенію къ ней не было, и представься какой-нибудь другой удобный случай для лёгкой связи съ другой женщиной, онъ бросилъ-бы ее такъ-же легко, какъ и сошелся съ нею. Когда онъ узналъ про возможность перевода въ Семеновское, на лучшее мѣсто, онъ подумалъ, что не лишнее воспользоваться Агафьей, если это будетъ возможно. Со стороны Агафьи препятствій онъ не встрѣтитъ: постоянство своей любви онъ докажетъ ей двумя-тремя такими чувствительными письмами, которыя «навѣрняка разберутъ бабенку».

Василій Ивановичъ наносилъ визитъ о. дьякону, когда посыльный позвалъ его въ управу. Онъ немедленно простился съ о. дьякономъ.

Когда онъ подходилъ къ управѣ, тамъ былъ уже Иннокентій, принесшій четверть вина и поставившій ее на столъ предъ Иваномъ Яковлевичемъ, и еще нѣсколько любопытныхъ крестьянъ.

Агафья все стояла у дверей.

Тяжелое чувство овладѣло ею. Ее пугало предчувствіе бѣды.

Она знала, что сейчасъ сдѣлается жертвой издѣвательства, что ничто не поможетъ ей избавиться отъ всеобщихъ насмѣшекъ, позора, быть можетъ, истязанія...

Осмѣютъ, опозорятъ, изобьютъ, еще больше отравятъ жизнь! И никакого просвѣта, никакой надежды на лучшее будущее!...

— Боже мой, хоть-бы онъ пришелъ,—подумала она,—онъ, ея Вася и увелъ-бы ее отсюда далеко, куда-нибудь въ тайгу, на пріиска, или въ отдаленный городъ, какъ предлагалъ раньше.

И вдругъ Агафья поблѣднѣла, содрогнулась и, точно въ суевѣрномъ страхѣ, закрыла лицо руками.

Въ комнату развязно вошелъ Василій Ивановичъ Пятковъ.

Онъ не успѣлъ узнать Агафью, когда вставшій ему на встрѣчу Иванъ Яковлевичъ подошелъ къ нему, взялъ за руку и вывелъ въ другую комнату.

Затворивъ за собой дверь и осмотрѣвшись, нѣтъ-ли кого вблизи, Иванъ Яковлевичъ тихо сказалъ недоумѣвающе глядѣвшему на него Василію Ивановичу:

— А вѣдь я первымъ, Василій Ивановичъ, за твое писарство-то стоялъ!

Иванъ Яковлевичъ глядѣлъ при этомъ на собесѣдника своими маленькими строгими глазами изъ подъ насупившихся бровей.

Василій Ивановичъ льстиво, угодливо и слащаво улыбаясь Ивану Яковлевичу, отвѣтилъ:

— Премного обязанъ вамъ, Иванъ Яковлевичъ, съумѣю отблагодарить васъ.

— Благодарности даромъ тоже не беремъ, а что ежели каверзы какія, Василій Ивановичъ, или кляузы...

— Помилуйте, Иванъ Яковлевичъ...

— Да, да, такъ не потерпимъ!—окончилъ Иванъ Яковлевичъ.

— Не придется, будьте благонадежны, Иванъ Яковлевичъ: мы, вѣдь, съ людьми тоже живали и всяческія дѣла тоже понимаемъ...

— Не придется, не придется, говоришь, а ужь пришлось,—строго сказалъ Иванъ Яковлевичъ.—Пошто жень чужихъ соблазняешь?

Писарь слегда поблѣднѣлъ.

— У насъ, братъ, за это по головкѣ не гладятъ.

— Помилуйте, Иванъ Яковлевичъ, ничего подобнаго... пробовалъ отговориться смущенный Василій Ивановичъ.

— Ну, ну, отпираться нечего, улика на лицо!—прикрикнулъ Иванъ Яковлевичъ, вынимая изъ кармана письмо писаря къ Агафьѣ.

Писарь снова поблѣднѣлъ и отъ смущенія даже роть открылъ.

— Не придется?—сказалъ Иванъ Яковлевичъ,—и вѣдь зналъ, поди, что невѣстка она мнѣ!

— Ей-богу, не зналъ, ей-богу, Иванъ Яковлевичъ! Ахъ, какой несчастный случай!... Да, вѣдь, если-бы я зналъ, Иванъ Яковлевичъ, неужели я осмѣлился бы!... Ахъ, какъ загладить мою вину? Простите мнѣ, Иванъ Яковлевичъ! Вѣдь знаете, дѣло молодое.. и онѣ тоже... почти что каждая до замужества... Все будетъ прекращено, ничего не повторится... И въ остальномъ, Иванъ Яковлевичъ, я все для васъ сдѣлаю...

Иванъ Яковлевичъ, строго и презрительно глядя на писаря, перебилъ его и сказалъ:

— Еще-бы не прекращено! Еще-бы вздумалъ ты повторять!... А что до остального прочаго, правда, Василій Ивановичъ, часто мнѣ нужнымъ бываешь.

— Я все сдѣлаю, все сдѣлаю, Иванъ Яковлевичъ, только забудьте все, точно и письма этого никогда не было! Пожалуйста, Иванъ Яковлевичъ, забудьте, не разглашайте никому, а не то могутъ выйти большія непріятности... Пожалуйста!

— Ну, ну, довольно... ладно, все сдѣлаю... Только штобъ ни въ чемъ мнѣ не перечить! А сейчасъ... сейчасъ хочу отучить невѣстку отъ безпутства. Твое-то дѣло мужско, тебѣ простительно, а ей... Только ни въ чемъ мнѣ не перечь, ни-ни-ни... А ты, поди, видалъ ее тамъ?

— Агафья тамъ?!—воскликнулъ удивленный писарь.

— Какъ-же... Ничего, ты не сумлѣвайся, Василій Ивановичъ. Только виду не показывай, што ее знашь. А она тебя при людяхъ признавать не захочетъ... Ну-ко прочитай, што тутъ есть,—прибавилъ Иванъ Яковлевичъ, подавая писарю письмо.

Василій Ивановичъ, то и дѣло сбиваясь, краснѣя, прочелъ письмо.

— Ахъ, какъ это непріятно, Иванъ Яковлевичъ,—сказалъ онъ, прочтя письмо. А вдругъ она что-нибудь вздумаетъ!.. Какъ она будетъ смотрѣть на меня!

— А тебѣ-то што? Пущай смотритъ! Да и то сказать: самъ кашу заварилъ. И коли все прекратить порѣшилъ, како тебѣ до ей дѣло?... Ну, хошь, пойдемъ, а коли не хошь, тогда совсѣмъ другой разговоръ у насъ будетъ!..

Что-жъ, пойдемте, Иванъ Яковлевичъ; надо идти.

А въ комнатѣ, гдѣ помѣщалась канцелярія, всѣ съ нетерпѣніемъ ждали возвращенія Ивана Яковлевича съ писаремъ.

Въ особенности сильно было нетерпѣніе Агафьи!

Что это,—думала она,—неужели это правда, что здѣсь, въ этой самой комнатѣ, былъ только что онъ, ея любимый Вася, и что его тотчасъ-же увелъ за собой Иванъ Яковлевичъ?

Зачѣмъ онъ здѣсь? Не избавитъ-ли онъ ее какъ-нибудь отъ всѣхъ ужасовъ, ей предстоящихъ?

И на мгновеніе ей почудился какой-то невѣдомый, отдаленный край, о которомъ часто говорилъ Вася, куда манилъ онъ ее съ собой,—и тамъ нѣтъ никого, никого изъ этихъ постылыхъ людей, тамъ только она съ Васей, оба счастливые, спокойные, веселые...

Дверь отворилась. Иванъ Яковлевичъ прошелъ къ своему мѣсту.

А за нимъ, неловко ступая, не глядя въ сторону Агафьи, прошелъ смущенный Василій Ивановичъ и сѣлъ за столъ рядомъ съ Иваномъ Яковлевичемъ.

Агафья жадно впилась въ лицо писаря. Но что-же это, онъ даже не взглянулъ на нее!

Когда все смолкло, Иванъ Яковлевичъ сказалъ:

— Вотъ, Василій Ивановичъ, како у насъ дѣло представилось. Невѣстка наша провинилась предъ мужемъ своимъ и уличена. Мужъ ейный,—онъ указалъ рукою на угрюмо сидѣвшаго въ сторонѣ и глядѣвшаго на Агафью Иннокентія,—мужъ ейный и я, мы рѣшили публично наказать ее, штобы, значитъ, отучить. Можемъ-ли мы это сдѣлать?

Въ то время, какъ говорилъ Иванъ Яковлевичъ, Василій Ивановичъ искоса взглянулъ на Агафью, но тотчасъ-же опустилъ свои глаза. Агафья смотрѣла прямо на него своими красивыми черными глазами, въ которыхъ онъ прочелъ и вѣру, и любовь, и мольбу о защитѣ. Она съ жадностью ожидала отвѣта Василія Ивановича.

— Что-же,—тихо, опустивъ глаза внизъ, отвѣтилъ, наконецъ, писарь Ивану Яковлевичу,—на то ваше право.

Агафью, послѣ этихъ словъ писаря, точно укололо что-то.

А, значитъ, и онъ за одно съ ними! Значитъ чувство его не было любовью, значитъ, все—обманъ и письмо его обманъ!

Голова закружилась у нея отъ ужасной мысли, что все потеряно для нея, что на долю ея остались только страданія, да насмѣшки и позоръ, да жизнь въ непривѣтливой, нелюбимой семьѣ.

— Вотъ, Василій Ивановичъ,—сказалъ Иванъ Яковлевичъ,—потрудитесь это письмо для доказательства прочесть.

Писарь взялъ въ руки письмо и, низко-низко склонивъ надъ нимъ свою голову, сталъ тихо и спѣшно читать хорошо знакомое ему письмо.

«Здравствуйте, моя дорогая Агафья Семеновна! Съ ужаснымъ страданіемъ и терзаемой грудью моей я принимаюсь за это письмо»...

— Василій Ивановичъ, Василій Ивановичъ!—перебилъ его Иванъ Яковлевичъ.

Писарь поднялъ на Ивана Яковлевича красное лицо, съ выступившими на лбу крупными каплями пота.

— Василій Ивановичъ, пожалуйста, громче и разборчивѣй читайте!... Не сумлѣвайтесь!

Писарь сталъ продолжать чтеніе немного громче и отчетливѣе.

Агафья сначала слушала его, но потомъ вдругъ на нее нашла какая-то апатія. Ей вдругъ стало рѣшительно все равно, что читаютъ, кто читаетъ, кто находится здѣсь, кругомъ нея, и что сейчасъ будетъ съ нею.

А Василій Ивановичъ понемногу входилъ въ свою роль, и когда Иванъ Яковлевичъ и другіе присутствовавшіе ухмылялись при чтеніи наиболѣе чувствительныхъ мѣстъ, онъ сталъ даже оттѣнять, подчеркивать такія мѣста. Онъ даже пробовалъ улыбаться при этомъ.

Когда онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ писалъ о своемъ переводѣ въ Семеновское и о своихъ планахъ, онъ остановился и, передавая письмо Ивану Яковлевичу, сказалъ:

— Больше ничего-съ. Любящій по гробъ жизни и прочія нѣжности, а подпись такъ написана, что разобрать нельзя. Чувствительное письмецо! Очень даже талантливо написано!—попробовалъ пошутить онъ, но, случайно взглянувъ на Агафью, смутился, покраснѣлъ и умолкъ.

Агафья слышала его слова. На минуту проснулось въ ней какое-то чувство, закипѣла злоба. Она взглянула на писаря злыми, презрительными глазами, что-то хотѣла сказать, но пересилила свое чувство и опять погрузилась въ апатію.

Отъ писаря не ускользнулъ этотъ взглядъ Агафьи. Онъ остался памятнымъ ему на всю жизнь.

— Что-же,—сказалъ Иванъ Яковлевичъ, можно и начать, однако.

Всѣ молчали.

— Донской, дѣдушка Гаврило, – сказалъ онъ двумъ разсыльнымъ,— ступайте-ко сюды, выпейте для храбрости.

И онъ подалъ разсыльнымъ по стакану водки. Тѣ выпили.

— Розги готовы?

— Готовы, Иванъ Яковлевичъ.

— Ну, начинай.

И крестьяне начали свою работу.

Агафью положили на полъ, подняли юбку.

Она молча лежала на полу, ожидая перваго удара, стиснула зубы.

Послѣ перваго удара она только слабо ахнула, точно послѣ легкаго обжога.

Слѣдующіе удары она переносила молча, стиснувъ зубы.

— Эхъ, бить-то вы толкомъ не умѣете! Давай мнѣ розги-то!—крикнулъ Иванъ Яковлевичъ.

Онъ выпилъ стаканъ водки, подшесъ разсыльнымъ и старостѣ еще по стакану, подошелъ къ Агафьѣ и съ ожесточеніемъ, одинъ за другимъ сталъ наносить ей удары.

Потъ выступилъ у него на лбу.

Агафья молчала.

— Эй, Кешка, а ты пошто отвернулся, пошто ее не учишь? Бери розги-то, помогай!

Иннокентій, какъ сидѣлъ, отвернувшись въ сторону, такъ и остался сидѣть. Онъ закрылъ лицо руками и, вмѣсто отвѣта отцу, только покачалъ головой.

Смущенный писарь неловко молчалъ. Когда Иванъ Яковлевичъ сталъ наносить удары Агафьѣ, онъ быстро одинъ за другимъ выпилъ два стакана водки.

Водка подѣйствовала на старосту. Ему хотѣлось выпить еще.

— Дай-ко розги, и я попробую, какъ это?... Только выпить надо... для храбрости,—сказалъ онъ.

Иванъ Яковлевичъ подносъ ему еще стаканъ и за одно съ нимъ поднесъ и Василію Ивановичу.

Староста нанесъ нѣсколько неловкихъ ударовъ.

Блѣдный, съ выступившимъ потомъ на лицѣ, онъ отдалъ розги и, непріятно морщась, сказалъ:

— Только почто-жь она молчитъ!

Агафья дѣйствительно молчала.

— Анъ запищишь!—закричалъ Иванъ Яковлевичъ и, выпивъ еще стаканъ водки, изо всей силы сталъ наносить удары.

Иннокентій все сидѣлъ молча, отвернувшись въ сторону и закрывъ лицо руками. Микитка безсмысленно глядѣлъ на экзекуцію и молчалъ, староста, на лицѣ котораго морщины такъ и не разгладились не произносилъ ни слова.

Василій Ивановичъ ерзалъ по стулу и, время отъ времени, наливалъ себѣ изъ бутыли стаканъ водки и молча быстро выпивалъ его.

Молчала и Агафья.

Только рѣзко средп царившей кругомъ тишины раздавались одинъ за другимъ удары розогъ.

— Што, братцы, она, какъ рыба, молчитъ! кричалъ разсвирѣпѣвшій Иванъ Яковлевичъ. —Донской, дѣдушка Гаврила, не поддавайся!... Выней-ка еще по стаканчику, да жарь, сынь ей, выколоти у нея хоть крикъ одинъ, хоть слово!...

Агафьѣ не въ моготу было переносить безъ крика удары.

Замѣтивъ, что дверь изъ комнаты открыта, и воспользовавшись тѣмъ, что всѣ отошли отъ нея къ водкѣ, она быстро вскочила на ноги и со страшнымъ крикомъ, въ которомъ дрожали слезы:—пропади вы проклятые!—выбѣжала вонъ изъ управы.

Никто не бросился догонять ее.

А она, въ измятомъ платьѣ, съ растрепанными волосами, съ громкимъ истерическимъ плачемъ, бѣжала, ни на кого не обращая вниманія, по направленію къ дому.

Крестьяне сторонились, давая ей дорогу, танцы пріостанавливались, смолкала пѣснь, затихала гармоника, на вопли высовывались изъ оконъ удивленныя лица, а она бѣжала безъ оглядки домой, съ жгучей болью со страшной горечью въ мысляхъ, съ рѣзкимъ, щемящимъ давленіемъ въ груди, со смутнымъ желаніемъ смерти.

Развѣ можно жить послѣ такого позора, послѣ такихъ издѣвательствъ, развѣ можно жить, когда всѣ отъ нея отвернулись, когда и онъ, ея былое счастье, ея мечта, единственная надежда, единственный просвѣтъ въ ея постылой жизни,—когда и онъ, оказавшись гнуснымъ обманщикомъ и ставъ на сторону ея враговъ, сдѣлался для нея теперь самымъ ужаснымъ, самымъ ненавистнымъ врагомъ, виновникомъ всѣхъ ея несчастій!

Агафья добѣжала до избы Ивана Яковлевича, вбѣжала въ горницу. На столѣ лежалъ большой острый кухонный ножъ.

Она схватила этотъ ножъ и изо всей силы нанесла себѣ рану въ животъ.

Алая кровь заструилась, обагрила ея платье и половикъ, а Агафья, блѣдная, съ потухшими глазами, безъ чувствъ повалилась на полъ....

К.

Дозволено цензурою. Иркутскъ. 23-го сентября 1895 года.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

на 1895 годъ.

(ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ГАЗЕТА ЛИТЕРАТУРНАЯ и ПОЛИТИЧЕСКАЯ

выходитъ подъ редакціей **И. И. Попова три раза** въ недѣлю:

по Воскресеньямъ, Средамъ и Пятницамъ.

Въ остальные дни выпускаются бюллетени Россійскаго Телеграфнаго Агентства.

Программа газеты слѣдующая:

1) Телеграммы, помѣщаемыя въ текстѣ газеты или отдѣльными бюллетенями.

2) Отдѣлъ оффиціальный — важнѣйшія правительственныя распоряженія.

3) Передовыя статьи, касающіяся жизни Россіи, ея областей и интересовъ населенія на восточныхъ окраинахъ, а также вопросы русской политики на Востокѣ и заграницей.

4) Обзоръ русской общественной и провинціальной жизни. Хроника событій на окраинахъ.

5) Политическія извѣстія общія и въ частности касающіяся азіатскихъ странъ.

6) Корреспонденціи изъ Европейской Россіи, Сибири, Туркестана и сосѣднихъ азіатскихъ государствъ.

7) Научный отдѣлъ—открытія и путешествія на Востокѣ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности и общенаучныя статьи.

8) Литературное обозрѣніе—критика и библіографія, особенно сочиненій объ Азіи; извлеченія и переводы.

9) Изящная литература. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири. Стихотворенія.

10) Фельетонъ.

11) Судебная хроника.

12) Биржевой отдѣлъ—свѣдѣнія о ходѣ русской и азіатской торговли на европейскихъ и азіатскихъ рынкахъ.

13) Объявленія казенныя и частныя.

При газетѣ издаются. въ видѣ ПРИЛОЖЕНІЙ, періодическіе сборники, заключающіе большія литературныя и научныя статьи.

Въ теченіе текущаго года въ «Сибирскомъ Сборникѣ» будутъ помѣщены статьи: В. П Семевскаго, А. Кауфмана, Г. Н. Потанина, П. Коростовца, Н. М. Ядринцева и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ—**8** р., полгода—**5** р., 5 мѣс.—**4** р. **50** к., 4 мѣс.—**3** р. **75** к., 3 мѣс.—**3** р. и 1 мѣс.—**1** р. Газета съ приложеніями «Сибирскаго Сборника» за годъ—**10** р.

Заграницу: на годъ—**11** р., полгода—**6** р. **50** к., три мѣсяца—**3** р. **75** к. и на одинъ мѣсяцъ—**1** р. **40** к Съ приложеніями за годъ **14** р.

За ежедневные бюллетени особо доплачивается **3** руб. Неподписчики платятъ **4** руб.

За перемѣну адреса—**40** к.

Въ конторѣ редакціи имѣется въ продажѣ: «Сибирскій Сборникъ» за 1885 г. 1 кн.—1 р. 50 к., 1886 г. 4 кн.—2 р., 1888 г. 4 кн.—2 р., 1889 г. 1 кн.—50 к., 1890 г. 2 кн.—1 р. 50 к., 1891 г. 2 кн.—1 р. 50 к., 1892 г. 2 кн.—1 р. 50 к., 1893 г. 2 кн.—1 р. 50 к., 1894 г. вып. 2 й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й и 7-й—1 р. 50 к. Выпускъ 1-й за 1894 г. и 2 к. 1887 г. разошлись всѣ.

Объявленія для напечатанія въ газетѣ принимаются съ платою за строку петита: по 10 коп.—позади текста и по 20 коп.—впереди. За разсылку при газетѣ объявленій взимается по 1 руб. за 100 экз. Объявленія изъ Европы и Европейской Россіи, исключая губерній Казанской, Саратовской, Самарской, Симбирской, Пермской, Уфимской, Оренбургской и области Уральской, принимаются черезъ центральную контору Л. Э. Метцль—Москва, Мясницкая и ея отдѣленіе въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, № 11, по 30 к. за строку петита—впереди и 15 к.—позади текста.

Рукописи, доставляемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, измѣненіямъ и сокращеніямъ. Крупныя статьи, признанныя неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, мелкія—уничтожаются. Статьи безъ подписи и указанія адреса автора не разсматриваются. Рукописи, на которыхъ не обозначены условія, поступаютъ въ полное распоряженіе редакціи.

Адресъ: *Иркутскъ, редакція газеты „Восточное Обозрѣніе“.*

Контора редакціи газеты (Харлампіевская, № 1) для пріема подписки и объявленій открыта ежедневно отъ 9-ти до 3-хъ час.

Для личныхъ объясненій по дѣламъ газеты просятъ обращаться въ редакцію газеты (Большая ул., № 1) по четвергамъ отъ 2-хъ до 4 час.

Телефонъ редакціи № 129, конторы и типографіи № 85.

Уполномоченные и отдѣленія редакціи для личныхъ объясненій съ сотрудниками и пріема подписки и объявленій:

Въ **Петербургѣ**—Григорій Николаевичъ Потанинъ, Лиговка, № 29.
» **Москвѣ**—Веніаминъ Ивановичъ Семидаловъ, Серпуховская застава, дача Канатчикова (имѣется телефонъ).
» **Омскѣ**—редакція газеты «Степной Край»
» **Красноярскѣ**—Владиміръ Михайловичъ Крутовскій.

Отдѣленія редакціи будутъ открыты и въ другихъ губернскихъ городахъ Сибири.

За издателя наслѣдниковъ **Н. М. Ядринцева.**

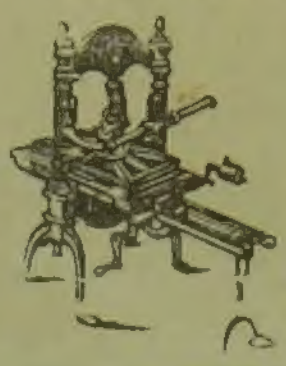
Редакторъ **И. И. Поповъ.**

Дозволено цензурою. Иркутскъ. 24-го августа 1895 года.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

СТРАНИЦА.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
2	22 сверху	Ниманской и только	Ниманской, и только
—	4 снизу	**	***
—	2 »	увеличивается,	увеличивается;
4	5 сверху	люлей	людей
8	9 снизу	шли пѣшкомъ	идутъ пѣшкомъ
17	2 сверху	въ праздники на	въ праздники, на
28	9 снизу	обшій	общій
30	21 сверху	женшинъ	женщинъ
39	7 снизу	Я	«Я
47	13 »	вѣдутся	ведутся
57	7 сверху	г. Урга	г. Ургѣ
65	8 »	Фонъ-Физоза	Фонъ-Физина
76	35 »	низьменной	низменной

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ



ТИПОГРАФІЯ, ЛИТОГРАФІЯ и

К. І. ВИТКОВСКОЙ

ПЕРЕПЛЕТНО-ЛИНЕВАЛЬНОЕ

ТЕЛЕФОНЪ № 85.

ЗАВЕДЕНІЕ

въ г. Иркутскѣ,

обставленныя скоропечатными, просѣкальной, бумагорѣзальными и номеровальной машинами, типографскими и литографскими станками и бостонскимъ прессомъ для выполненія мелкихъ работъ,

разнообразными шрифтами, политипажами, всевозможными украшеніями и прочими типографскими принадлежностями,

имѣетъ возможность

скоро и аккуратно выполнять разнообразныя типо-литографскія работы:

бланки, заголовки для книгъ и разсчетныхъ листовъ, табелей, раскомандировокъ, квитанцій, фактуръ, контрактовъ, реестровъ, прейсъ-курантовъ, винныхъ этикетовъ и проч.,

КОТОРЫЕ БУДУТЪ ВЫПОЛНЯТЬСЯ

по удешевленнымъ въ сравненіи съ прошлыми годами цѣнамъ.

ПЕРЕПЛЕТНО-ЛИНЕВАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

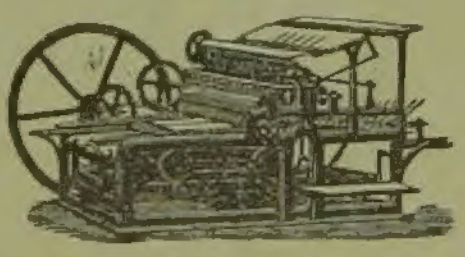
изготовляетъ:

конторскія книги, ученическія тетради, бархатные альбомы, памятныя книжки и проч., линуется бумага по всевозможнымъ образцамъ, наклеиваются карты и картины на коленкоръ и картонъ.

При типографіи всегда имѣются въ большомъ количествѣ книги на записку золота, для винокуренныхъ заводовъ и складовъ, ученическія тетради, транспаранты и проч.

Гг. иногороднимъ заказы наложеннымъ платежемъ, видѣ задатка, не менѣе

Заказы на сумму менѣе платежемъ



могутъ быть высылаемы при уплатѣ впередъ, въ трети стоимости заказа. 1 р. — наложеннымъ не высылаются.

ПЕРЕПЛЕТНО-ЛИНЕВАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

ИРКУТСКЪ, ХАРЛАМПІЕВСКАЯ, № 1-й.

К. І. ВИТКОВСКОЙ.